

Часть первая

ПРОКЛЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Кинохроника. Фотодокументы.

Холмистые равнины Америки. Здесь при бурении водяного колодца ударил первый фонтан нефти.

Довольные, измазанные нефтью лица американских фермеров.

Тонна нефти стоила сотни долларов.

Сюда приехал молодой священник.

Девятнадцатилетний юноша с Библией стоит около дилижанса.

Через пятнадцать лет он стал одним из богатейших людей мира, хозяином и основателем нефтяной компании «Стандард ойл».

Его имя Джон Дэвисон Рокфеллер!

Новый век. Фантастический. Неизвестный. Полный надежд.

Революция и техника. Революция в науке. Революция в модах. Социальная революция.

Поезда движутся все быстрее. Воздушные шары поднимаются все выше.

Аэропланы — этот странный аттракцион — взлетали, летали и падали на землю.

Традиция веков — коронованные особы.

Электричество. Свет. Телефон. Телеграф. Кинематограф.

Ромен Роллан.

Лев Толстой.

Бернард Шоу.

Промышленные города Америки.

Новое топливо — нефть, жидкий уголь. Вышки, вышки И
Америке, в Европе — по всему миру.

Большая часть добываемой нефти принадлежала компа-
нии «Стандард ойл» и ее хозяевам.

Вот они, Джон Дэвисон Рокфеллер и сыновья, — веселью,
раскрасневшиеся после игры в теннис.

Голод в Индии. Тысячи трупов по берегу Ганга.

Всемирная выставка в Париже.

Великая русская река Волга.

Предприятия Путиловых — молодой капитализм в Рос-
сии.

Лапотники, старая крестьянская Русь у заводских ворот.
Ночлежки, нищета и гной.

Студенты — традиционные бунтари, далекие, заоблач-
ные идеалы.

Жандармы — традиционная фигура в российском пей-
заже.

Богатая, обильная страна дремала, ждала своего часа.

Начало XX века

Тобольская каторжная тюрьма. Сырое мрачное стойло для
людей.

По коридору тюрьмы шел надзиратель. Остановился,
крикнул в глазок камеры:

— Политический заключенный Родион Климентов!.. На
выход!

В камере с пола поднялся один из заключенных. И хотя
каторжная одежда равняла всех, в нем по обличию можно
было угадать городского мастерового человека. Он постоял
малость, внутренне к чему-то готовясь, оглядел товарищей.

— Что ж... Попрощаемся, братцы, на всякий случай...

Попрощались. Молча.

Надзиратель запер дверь камеры, повел Родиона по кори-
дору.

На заснеженном поле, окруженном лесом, неподалеку от
реки стояло странное сооружение: помесь лодки с санями,
какие-то рычаги, рулевое управление и огромный парус, сши-
тый из полосатой матрасной материи. Около лодки-саней тол-
пился народ из разной тюремной начальственной сволочи:
надзиратели, стражники, жандармы. Чуть поодаль стоял сам
начальник тобольской каторги, жандармский полковник, а
рядом с ним его дочка, толстенькая, хорошенькая булка в
нарядной меховой шубке. Она все время прыгала на месте,
беспрестанно повторяя:

— Ну, папочка, папочка!.. Ну, скорее!.. Я хочу кататься! Я
хочу кататься!

Сюда стражники подвели Родиона Климентова. Полков-
ник строго посмотрел на него:

— Готов?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Приступай.

Девочка завизжала от восторга, бросилась к лодке-саням,
уселась там.

От сизых рож тюремщиков валил пар. Мороз, как и пола-
галось в ту пору, был нешуточный, сибирский.

Родион, одетый в тюремную куртку с двумя желтыми буб-
новыми тузами на спине — знаком политического заключен-
ного, поеживался.

— Одежку бы какую, ваше высокоблагородие! На ветру
будет свежевато.

Полковник повернул голову к стражнику.

Тот понял, вытянулся:

— Есть, ваше высокоблагородие!

Он снял с себя полушубок, кинул Родиону. Родион напя-
лил полушубок, постучал ногой об ногу, намекая, что и ногам
тоже не сладко в холодных тюремных котлах.

Стражник послушно сбросил с себя валенки, остался на снегу в одних портянках. Родион сбросил с ног коты, остался на снегу босой. Валенки надевать не спешил, усмехнувшись, сказал:

— Портянки тоже давай!

Стражник вопросительно посмотрел на полковника. Тот чуть шевельнул бровью. Стражник без вдоха размотал портянки. Осторожно положил их на валенки.

Родион обулся.

Полковник посмотрел на черные босые лапы стражника, негромко приказал:

— Пшел.

Стражник, чуть шевеля в колючем снегу пальцами, вытянулся, заискивающе заглянул полковнику в глаза:

— Разрешите, ваше высокоблагородие!.. Мы постоим.

Полковник равнодушно отвернулся.

Родион поймал его взгляд.

— Ваше высокоблагородие... прикажите их благородию малость обождать, — он кивнул на девочку, — надо бы опробовать... кружочек— вдруг чего не сработает по первому разу... Риск...

— Я тебе дам не сработает! — пригрозил полковник. Повернулся к дочери и сказал по-французски: — Катрин, выйди на минуту.

— Нет, папа, нет!

— Екатерина!

Екатерина, надув губки, вылезла из ветрохода. Полковник кивнул толстому жандарму, тот уселся на заднюю скамеечку, перекрестился.

Родион лихо прыгнул в ветроход. Оглянулся, подмигнул, весело попросил стражу:

— Подтолкните... послушнички!

Солдаты навалились. Родион распустил парус, ветер ударил в него, и ветроход сначала медленно, а потом все быстрее пошел, полетел по снежной равнине.

Рожи всей команды расплылись от удовольствия. А босоногий стражник, переступая на цыпочках околелыми ногами, восторженно приговаривал:

— Мать честная... истинно ветроход!.. От поше-ел!.. От-от полете-ел!.. Чеши, родима-ай!.. Хрен его теперь догнать, ваше высокоблагородие!

Он сияющими глазами смотрел на полковника. Тот, к счастью, ничего не слышал. Около него прыгала, визжа от восторга, девочка:

— Хочу кататься!.. Хочу кататься!..

Ветроход, описав большой круг, приближался. Поравнявшись с командой, Родион вдруг резко накренил свои санилодку, вильнул, и толстый жандарм кувыркнулся, вылетел, зарылся лицом в снег.

Родион выпрямил ветроход и полетел по прямой к реке. К ее уходящему вдаль заснеженному ледяному полю.

Еще никто ничего не успел понять, а Родион оглянулся в последний раз, озорно прокричал:

— Адье, ваше высокопревосходительство! — И пошел, понесся вдоль реки, продолжая ликующе и бессвязно кричать: — Э-эй!.. Залетная-я!.. Мамочки-и!.. Ласточки-и-и!..

— Остановить!.. Догнать!.. Негодяи!.. Всех перестреляю!.. — расвирипел полковник.

Девочка заревела, затопала ногами. Запрыгали ее помпоники, задрожали оборочки:

— Хочу кататься!.. Хочу кататься!..

Первым рванул в сторону тюрьмы босоногий стражник, за ним — остальные.

Взрывая снежные заносы, переносясь через дымящиеся полыньи, летел по реке ветроход. Родион кричал ликующую песню свободы...

Вдали позади него появились всадники. Погоня медленно приближалась.

Впереди всех скакал босой стражник. Он что-то кричал, глаза его сияли — ему нравилось все это.

Широкая полоса чистого, сверкающего под солнцем льда, освобожденного от снега ветром, показалась впереди. Отражаясь во льду, пролетел, пересек эту полосу ветроход. А у лошадей на этой полосе сразу заскользили, разъехались ноги лошади и всадники шлепнулись на лед, покатались, один босоногий благополучно миновал полосу. Ветроход был совсем недалеко.

Родион оглянулся, отодвинул тайную дощечку. Под ней в борту оказалось углубление, там лежали сухари и два непонятных черных шара. Он взял один из этих шаров, сильно стукнул им о борт ветрохода, и тогда что-то зашипело, затрещало, и из маленького отверстия закурился дымок — это была самодельная бомба. Родион выждал с минуту, а потом швырнул бомбу через плечо.

Шарахнул взрыв, и огромная полынья дымящейся черной воды открылась позади ветрохода.

Конь, тревожно заржав, вместе с босоногим полетел в воду. К счастью для них, здесь было неглубоко. Босоногий выбрался на лед, с него ручьями струилась вода, и он на глазах стал превращаться в сосульку. Перекрестившись от радости и глядя на удаляющийся ветроход, босоногий стражник с удовольствием сказал:

— Я говорил: хрен его догонишь, ваше высокоблагородие!

Летел по заснеженной реке ветроход.

В далекой таежной глуши, на крутом речном берегу стояло небольшое село Елань. Оно было все огорожено высоким забором из плотно пригнанных толстых стволов, заостренных сверху. Резные ворота, двустворчатые, тяжелые, закрывали вход в село. В полуверсте от села, ниже по реке, на том же крутом берегу виднелось кладбище.

От села вниз по пологой дороге, проложенной наискось кручи, не совсем твердой походкой шел Ерофей Соломин. Пятидесятилетний, весь заросший ярко-рыжей бородой, он

был в роскошной медвежьей шубе до пят, в шапке из голубого соболя.

В утренней тишине был слышен скрип его шагов да постреливали деревья от страшного мороза.

На льду он остановился у широкой полыньи, сбросил с себя шубу, шапку, валенки и оказался в одних домотканых подштанниках.

Он малость постоял на краю полыньи, морщась от тяжелого похмелья, икнул, перекрестился и ахнул в воду... Вынырнув, он схватился за ледяной край, поднял голову и обомлел: снизу по реке со страшной скоростью прямо на него летело какое-то полосатое чудище.

— Господи, — еле выговорил Ерофей.

Зажмурил глаза. Потряс головой. Опять посмотрел — чудище приближалось...

Ерофей тихо унырнул под лед. Чудище прошуршало, просвистело, пролетело над ним.

Сильно изменившийся, весь почерневший, с лихорадочно блестящими глазами, Родион, еле двигая окоченевшими руками, с трудом повернул свой ветроход к берегу, взлетел по дороге вверх, к селу, и, не сумев затормозить, с ходу врезался в ворота.

С треском распахнулись створки. Мачта, упав, оглушила Родиона и все накрыла полосатым парусом.

И снова наступила полная тишина... Было слышно только чье-то сладкое похрапывание.

Родион очнулся, выбрался из-под паруса, с трудом поднялся на ноги, выпрямился. Так стоял он, чуть покачиваясь, не в силах сделать шага, настороженно обводя взглядом все, что было перед ним.

А перед ним была широкая улица. По одну сторону ее стоял порядок домов, в свою очередь, отгороженных одним общим глухим забором. И по другую сторону порядок домов, окруженных таким же забором. Все ворота перед домами были распахнуты настежь.

Еще посреди улицы почему-то стоял хантыйский чум и рядом с ним упряжка оленей.

Родион расслышал храп. Повернул голову. Неподалеку к сугробе снега, раскинув ноги, лежал на спине здоровенный рыжий мужик. Он крепко спал, а рядом сидела и сторожила его сон остроухая сибирская лайка.

Родион заметил за столбом ближайших ворот мальчишку лет двенадцати. Поманил его пальцем. Мальчишка долго стоял не двигаясь, потом не спеша подошел к Родиону. Стоял молча, спокойно смотрел. Из ворот показалась рыжая девчонка лет десяти. Паренек только оглянулся на нее, она остановилась шагах в двух позади.

— Ты кто? — спросил паренька Родион.

— Устюжанин. Колька.

— А она? — кивнул Родион на девчонку.

— Настасья, — ответил Колька.

— Сестренка?

— Не-е, зачем же. Она рыжая. Соломинская... Все Соломины, — паренек кивнул на забор на противоположной стороне улицы, — рыжие. А мы, Устюжанины, черные. — Он снял шапку, показал голову.

— Понятно... Подружка, значит.

— Невеста... — небрежно пояснил Колька. — Подрастет — женюсь.

— Любишь, значит, — вполне серьезно заключил Родион.

— Дак у Соломиных девки больно хороши, мы, Устюжанины, испокон веков на них женимся... А ты кто будешь?

— Родион.

— По случаю или по нужде к нам какой?

— По случаю.

— Дак чего ж на морозе языком чесать? Проходи в дом, гостем будешь.

Родион с трудом попытался сделать шаг негнушимися ногами, пошатнулся. Колька подставил плечо. Родион положил руку на плечо мальчика, и они пошли к дому. Настя шла за ними.

Родион вздохнул.

— Чего-то нога ничего не чувствует.

— Ничего, разойдется, — успокоил Колька и по-хозяйски приказал Насте: — Ты на стол собери, поскорей.

— Было бы чего собирать, собрала бы, — дернула плечом девчонка.

— Из дому принеси. У вас много.

Настя побежала через дорогу к себе, на соломинскую половину деревни.

Родион и Колька зашли в дом.

Родион уселся на лавку, привалился к стене, обвел воспаленными от бессонницы глазами избу.

В избе было, как говорится, шаром покати: большой рубленый из плах стол, деревянные лавки, печь и кровать, тоже самодельная, застланная звериными шкурами. На столе стоял пустой штоф и миска с остатками моченой брусники. Разное небогатое барахлишко висело на огромных рогах изюбрей, прибитых по стенам. Над кроватью висело ружье. В углу — одна-единственная потемневшая икона.

— Сейчас Настька поесть принесет... — ободряюще сказал Колька, — у Соломиных бога-атая еда.

— А мать где?

— Утонула в речке на Пасху...

Родион помолчал.

— А отец?

— В тайге. Непутевый он — дорогу рубит.

— Какую дорогу?

— Дорогу... — Колька кивнул на пустой штоф: — Как выпьет — в тайгу уходит, дорогу рубить.

— Куда дорогу-то?

— На звезду ведет.

Родион подумал, помолчал, сказал решительно:

— Это хорошо.

Колька вздохнул:

— Да чего хорошего-то? Непутевый он. Был самый лучший охотник, а теперь все позабыл — одна дорога у него на уме!.. Мы, Устюжанины, такие: чего в башку втемяшится — колом не вышибешь! Вечный дед говорит: Устюжанины — чертово семя!

— Какой вечный дед?

— Вечный... На заимке живет с медведем.

— Почему вечный?

— Живет... Всегда.

Дверь открылась, вошла Настя с миской, закутанной полотенцем. Поставила перед Родионом горячие пельмени. Сама чинно уселась на лавку. Родион жадно проглотил горячий пельмень.

— А где остальные-то людишки? Никого не видеть.

— Свалились все, — спокойно пояснил Колька. — Две недели пили. Поп приехал. У нас поп раз в три года приезжает. По зиме. В другое время не добраться. Вот и пьют: кому крестить, кому отпевать, кому свадьбу играть.

Родион рассмеялся:

— Значит, всех чохом?

— Ага.

Родион решительно отодвинул миску.

— Больше нельзя. Пять дён не ел:

Он широко зевнул.

— Вон кровать, ложись, спи.

Родион свалился на кровать. Колька набросил на него шкуру, укрыл с головой.

В избу, торопясь, вошли двое: средних лет хант и красивая хантейка лет шестнадцати, в расшитой шубке.

Иноходец просеменил к кровати и бухнулся перед ней на колени. Горько заплакал, начал бессвязно умолять, мешая русские и хантейские слова:

— Ты великий охотник! Ты справедливый охотник! Твой все ханты знают, Афоня!.. — говорил он, обращаясь к закрытому шкурой Родиону, принимая его за отца Кольки. — Федька

соболя стрелял!.. Ох, как много соболя стрелял! Белку стрелял, куницу стрелял!.. Соломин все забирай! Ничего не давай! Федька голодом помирай! Дочка голодом помирай!.. Бери Катьку, Афоня!.. Федьку спасай!..

Родион откинул шкуру, сел на кровати. Хант вскочил, испуганно захлопал глазами. Катька, наоборот, не мигая, уставилась на Родиона.

Колька заливался смехом:

— Кому нужна твоя Катька, косоглазая чумичка!.. Тебе сколько раз отец говорил: сам виноват!.. Он за тебя больше заступаться не будет!..

Родион остановил его:

— Обожди, Колька. В чем дело?

— Дак он каждый год плачет! — махнул рукой парень. — За бутылку водки всех соболей отдаст, потом плачет, назад просит! А кто ж ему назад отдаст? Соломины — они не дураки.

— Погоди. — Морщась от боли, Родион встал. — За бутылку водки соболей? Это ж разбой!

Хант снова упал на колени, заплакал, протянул руки к Родиону:

— Твоя добрый человек!.. Спасай Федьку!

Родион протянул ему руку:

— Встань! Пошли, разберемся... — Он посмотрел на Кольку: — Как же так? Человека обидели, а ты смеешься?

— Дак это ж инородцы — они дурные!

Родион покачал головой:

— Эх ты! Отец у тебя трудящий — дорогу рубит, а ты...

Колька с недоумением смотрел на Родиона: он впервые видел, чтоб к инородцам так относились. Родион пошел к двери. Колька забежал вперед, загородил дорогу:

— Не ходи к Соломиным!

— Почему?

— Не ходи. Лучше отца подожди!.. Или вот ружье возьми.

Родион посмотрел на Кольку, положил ему руку на голову, постоял, потом подмигнул и ступил за порог.

* * *

Перед тем как пройти во двор Соломиных, Родион подошел к ветроходу, поднял парус, открыл тайничок и незаметно для остальных положил в карман бомбу.

У входа в рубленый лабаз, в котором были видны сверкающие в полосах солнца висящие и наваленные на прилавке дорогие меха, стояли Родион, хант Федька с дочкой и Колька с Настей.

Напротив Родиона стояли Соломины — отец с сыновьями Петром и Василием, чуть в стороне молодые соломинские девки в собольих, беличьих и огненно-рыжих лисьих шубках, в таких же шапочках или просто в накинутых на плечи ярких платках.

Разговаривали между собой только Родион и Ерофей. Остальные молча слушали. Разговор шел глаза в глаза, внешне очень спокойно, на длинных, напряженных паузах.

— Кому, говоришь, отдать-то? — это спрашивает Ерофей.

Пауза.

— Человеку.

Пауза.

— Это кто ж человек-то?.. Он?.. — Ерофей чуть взглянул на ханта.

Пауза.

Родион прикрыл глаза.

— Н-да... — протянул Ерофей. — А тогда ж кто ты будешь?

Пауза.

— Прохожий.

Пауза.

— Странник вроде?.. Странный человек?.. — повторил Ерофей.

Пауза.

— Вроде.

Колька, затаив дыхание, во все глаза смотрел на Родиона. Так же внимательно, волчком, смотрел на Родиона млад-

ший отпрыск Ерофея — рыжеволосый пятнадцатилетний Спиридон.

— А ежели не отдам? — усмехаясь, спросил Ерофей.

Пауза.

— Лучше отдать, — по-прежнему очень спокойно сказал Родион.

Пауза.

— Жалко. Теперь ведь оно мое, добро-то.

Родион чуть прикрыл глаза.

Пауза.

— А может, отдать? — Ерофей посмотрел на сыновей. — По-Божьему... По-справедливому...

И тут не выдержал длинный, с руками до колен, Петр. В бешенстве задохнулся:

— Я ему сейчас отдам!.. Мать его!..

Он одним длинным прыжком кинулся на Родиона, чтобы смять, задушить. Родион сделал неуловимый выпад — и Петр отлетел, рухнул, ударившись о круглый торец сруба.

Все замерли.

Василий Соломин медленно потянулся за слегой. Ерофей покосился на него, едва заметно шевельнул пальцем. Василий замер на месте. Соломинские девки с ужасом и восхищением смотрели на Родиона. Колька был в восторге. А в глазах хантйки светилось откровенное обожание.

Петр медленно поднялся, вытер кровь на скуле, тупо поглядел на ладонь.

Ерофей очень ласково спросил:

— Получил, Петруша?.. Поделом тебе!.. Нельзя обижать странника... Вот Господь тебя и наказал. Правильно наказал!

Ерофей вдруг оживился и даже повеселел, повернулся к ханту Федьке:

— Эй ты, Божий волдырь! Так и быть — забирай свои хвостышки!

Федька не двигался, дрожал от страха.

— Иди, иди, косоглазый, не бойся!

Федька посмотрел на Родиона. Тот слегка склонил голову. Федька, продолжая дрожать, бочком пошел в амбар. Там он схватил в охапку связки беличьих, куньих и собольих шкурок, засеменил обратно.

Ерофей Соломин протянул руку, вытянул из охапки пару соболей.

— Парочку-то оставь, пил, однако ж, водочку-то...

И он, не глядя, швырнул в амбар мягкие, струящиеся на лету собольи шкурки.

Федька, подхватив не сводящую с Родиона влюбленных глаз дочь, рванул с соломинского двора.

Ерофей с улыбкой взглянул на Родиона:

— Вот и все, и делов-то. Господи! Тьфу!.. Прошу в дом, справедливый человек... Хлеб-соль всегда найдутся и чарочка к ним!

Родион, подыгрывая ему, в той же интонации ответил:

— Спасибо, хозяин... Некогда мне. Поспать... и дальше ехать надо.

— А на чем поедешь-то?.. Сломал ты свою байдовину.

— Починить можно.

— И воротца сломал.

— Ворота тоже починить можно.

Ерофей согласно кивнул:

— Можно... А поспать, что ж? Места много... Уложим... —

Он коротко глянул на Василия, на Петра, с ненавистью глядевших на Родиона: — Заходи, не бойся...

Родион чуть усмехнулся и, прихрамывая, направился к дому.

Ерофей отсек взглядом девок, пошел открывать «гостю» дверь.

Колька, оценив ситуацию, бросился со двора.

Ерофей открыл дверь, сказал Родиону, поклонившись:

— Проходи, раздевайся...

— Я так, — сказал Родион, не снимая полушубка. — Не отошел еще, семь суток на морозе.

— Откуда ж пожаловал, если не секрет?

— Из Тобольска.

— Борзо! — удивился Ерофей. — За семь-то дён... От Тобольска до нас тыща верст будет. Шестнадцать гусиных перелетов. Да, смелый ты человек. Величать-то тебя как? А то пропадешь, и поминать не знаем, кого...

Петр в это время оказался почти за спиной Родиона. В руке у него был тяжелый серебряный штоф с водкой. Ерофей посмотрел на него, но приказа в его взгляде еще не было. Ему еще хотелось поговорить.

— Родионом звали.

— Наливай, Петруша, — обратился Ерофей к старшему сыну. — Выпей с Родионом. Прости его с Богом.

Петр, поморщившись разбитой скулой, налил Родиону полный стакан водки. Налил себе. Они выпили без улыбки, глядя друг другу в глаза.

Ерофей глянул на среднего сына:

— Теперь ты, Васятка.

Другой сын налил Родиону и себе по полному стакану. Родион выпил и с ним.

— А теперь меня уважь, Родион!..

— Многовато будет.

— А ты поешь... Закуси...

Они выпили. Ерофей запил квасом. Родион бросил в рот грибок. Оглядел стол, избу, пузатые комоды, сверкающий золотом угол с иконостасом.

— Богато живете.

— Тайга кормит... — скромно ответил Ерофей. — Ежели кто работает.

Родион усмехнулся:

— Видал я вашу работу.

— Это ведь там, в России, в городах... собьются в кучу людишки-то и рвут друг у друга, вот им не хватает... А у нас здесь — простор, воля... Мы ведь как любим: чтоб нам — никто и мы — никому.

— Это точно, — снова усмехнулся Родион.

Тепло и водка сморили его. Больше всего ему хотелось упасть и тут же заснуть. Но он держался. Держался из последних сил.

— Да-а-а... — погладил бороду Ерофей. — Однако ж смел ты, Родион... Ох и смел... Один... в тайге...

— Мне тайга не самый страх...

— Ну не скажи-и... Тайга — она у-у-у... И зверь задрать может, и в полынью провалишься, а ежели человек какой недобрый встретится... И найти некому... Зимой снежком заметет, летом в болото утянет... Наша сторона для пришлого — проклятая земля! Это мы обвыклись за двести лет...

Петр снова очутился за спиной Родиона... Василий посмотрел на Ерофея.

В это время во дворе вдруг кто-то запел. Могучий, но заметно осипший хриплый бас выводил:

Тебя я, вольный сын эфвра-а-а-а...

Хлопнула дверь в сенях.

Возьму в надзвездные кра-я-а-а...

В избу ввалился поп. От порога он пробасил:

— Мир вам, православные... Новопреставленные... младенцы...

Поп был пьяница, озорник и, по-видимому, расстрига. Сейчас его трепал сильный колотун, трясущимися руками он пытался развернуть бумагу.

— ...новопреставленного... младенца... — Поп так и не смог развернуть бумагу, посмотрел на Ерофея и наугад ляпнул: — Егория?

— Нет, батюшка, — ответил Ерофей.

— Аграфену? — не задумываясь, выпалил поп.

— Нет.

Поп сдался. С ненавистью посмотрел на водку. Сквозь зубы сказал:

— Накропи влаги, православный! Страшусь, душа на небо отойдет!

Ерофей с готовностью налил полный стакан водки, подал попу:

— С Богом, батюшка.

Поп, забыв перекреститься, еле поймал ртом стакан в трясущейся руке, с жадным отвращением выцедил водку. Двумя пальцами поймал ягодку бруснички. Закусил.

— А новопреставленный младенец, батюшка... через двор.

Поп посмотрел на Ерофея и, подмигнув, склонил голову направо, как бы спрашивая — там?

Ерофей, тоже молча, утвердительно склонил голову.

Поп пошел к двери.

В сенях снова раздался его бас, теперь уже значительно окрепший:

И будешь ты ца-а-рицей ми-и-ира-а!

Подруга первая моя-а-а!

Ерофей склонился к окну, проследил за попом, пока тот не дошел до калитки, потом обернулся к сидевшим за столом.

Те курили. Молча. Напряженно. Только потрескивали сгоревшие до пальцев окурки.

Ерофей медленно выговорил:

— Ты, Родиоша, не робей, мы люди хорошие...

— Сейчас в Сибири все хорошие люди на каторге! — ответил Родион и привстал, не в силах бороться со сном. — Ладно, соснуть надобно!

Он снял с себя полушубок, свернул его, бросил на лавку под иконами.

Все трое уставились на его тюремную куртку с бубновыми тузами.

— Каторжник... — прошептал Василий.

— Вона что, Родион... — протянул Ерофей. — Значит, ты с тобольской ярмарки утек...

Родион укладывался на лавку.

— Может, и оттуда.

— Один?... Аль еще кто с тобой?

— Может, один, а может, и еще кто со мной, — спокойно ответил Родион.

Он положил голову на полушубок, закрыл глаза. Но ему мешала бомба в кармане брюк. Он достал ее, приподнялся, посмотрел, куда бы положить, и наконец пристроил ее над собой, на полку, где стояла большая икона. Он еще раз посмотрел на Соломиных и сказал, подмигнув:

— Не трогать.

Снова откинул голову на полушубок, закрыл глаза и провалился в сон.

Прямая, как стрела, просека в тайге. Это Афонина дорога.

Дорога эта вела неизвестно куда, на звезду. Она тянулась уже версты на две. Большая часть ее была расчищена, дальше попадались пни, которые ждали лета. По этой дороге бежал Колька Устюжанин, шлепая по снегу подбитыми мехом короткими охотничьими лыжами.

Дорога кончилась, уперлась в тайгу. Здесь подрубал высокую ель отец Кольки — Афанасий, здоровенный, косматый, как таежный леший. От него валил пар. Он был в одной рубашке. Полушубок его валялся в стороне на снегу, а рядом с ним яростно урчала и извивалась огромная желтоглазая рысь. Она грызла, не отпуская, длинную жердину, которая была продета между ее связанных лап. Колька подбежал к отцу, коротко глянул на рысь, на отца, у которого из-под разодранной рубашки было видно голое плечо, исполосованное когтями зверя, на красные комья снега, которые, по-видимому, прикладывал к плечу отец.

— Поймал, однако ж, кошку-то? — кивнул Колька на урчащую рысь.

Афанасий, продолжая рубить, не оборачиваясь ответил:

— Три раза прыгала, стерва... Полушубок попортила...

— Ничо, Настька заштопает... Тять! — позвал Колька отца. — Ну?

— В село сходить надо.

Афанасий продолжал рубить.

— Пропади пропадом ваше село!.. Хоть бы прорубиться отсюда поскорее!

- Надо, тять... Там человека жизни решить могут!..

- Кто?

— Соломины.

Афанасий, продолжая рубить, спокойно сказал:

— Эти могут... Что за человек-то?

— Неизвестный. Снизу пришел.

— Что за человек?

— Хороший человек.

— Снизу-то хороший?

— За Федьку-самоеда заступился. Его шкурки у Ерофея отнял, а Петруху ихнего об сарай мордой приложил.

Афанасий перестал рубить, впервые поглядел на Кольку. Протянул с некоторым восхищением:

— Ничаво-о! — Он накинуд полушубок, встал на лыжи. — Бери кошку, пошли.

Отец и сын взялись за концы жерди, подняли рысь и быстро заскользили на лыжах к селу.

Родион храпел на лавке. Соломины все так же стояли вокруг, смотрели на бомбу, не понимая, что это такое. Острое любопытство разбирало их.

— Что это? — шепотом спросил Петр.

Ерофей и Василий молчали. Они постояли еще. Потом Петр, взглянув на спящего Родиона, на цыпочках подошел к иконе, взял бомбу и так же тихо отошел назад.

— Чижолая...

— Дай-ка сюда... — протянул руку Василий.

— погоди, — отстранил его Петр, рассматривая бомбу. — Дырка какая-то...

Он боязливо сунул палец в дыру. Василий схватился за эомбу, но Петр вырвал, не дал. В это время во сне повернулся Родион. Петр испугался, стукнул бомбу о пол, бомба сразу зашипела, из отверстия полетели искры, она подкатилась к ногам Ерофея.

— Бомба!.. — с ужасом выдохнул Ерофей.

Он отшатнулся, а Петр и Василий тут же рванули к двери. Ерофей схватил, поймал Петра за шиворот.

— А добро?!

Петр схватил бомбу, и все трое, давась в дверях, вывалились из избы.

Хитрый Василий остался в сенях и, прикрыв дверь, смотрел в шелку.

Подвору мчался Ерофей, а за ним Петр с шипящей бомбой в руках.

— Отстань, сатана! — кричал Ерофей. — Бросай ее, тыдыть твою.

Одуревший от ужаса, Петр остановился, замахнулся в сторону коровника.

— Скотина! — заорал Ерофей.

Петр кинулся в сторону амбара.

— Меха! — снова раздался голос отца.

Бомба зашипела, затрещала громче, гуще посыпались искры.

— Бросай! — завопил Ерофей, упат на землю, на снег и на четырех конечностях, как собака, поскакал к амбару.

Петр снова замахнулся, чтобы бросить бомбу в окошко бани, но в это время в дверях ее показались распаренные, голые, визжащие соломинские девки.

В отчаянии Петр заверещал, закутился на месте.

И тут его озарило — он увидел нужник. В два длинных прыжка он достиг его, рванул дверь, швырнул бомбу в отверстие. Сам кинулся прочь.

Раздался чудовищный взрыв...

Нужник, рассыпаясь, взлетел на воздух. Поднялись недра. Огромный кусок дерьма достиг Петра, ударил в спину, пригнул к земле.

Одна из икон в доме Соломиных от взрыва сорвалась со стены, упала на спящего Родиона.

Он поднялся, зевнул, посидел малость, приходя в себя. Потом накинул на плечи полушубок и хотел привстать, но схватился за ногу и со стоном рухнул на лавку...

В воротах соломинского подворья появились Афанасий и Колька. На плечах они держали прогнувшуюся жердь, на которой с рычанием извивалась связанная рысь.

Афанасий оглядел двор, разметанный нужник, раскиданных и еще не пришедших в себя Соломиных.

— Куда гостя-то девали? — Афанасий потянул носом. — Да что у вас дух такой поганый?

Ерофей и Петр со своих мест лежа смотрели на Устюжаниных.

— Кончили гостя, что ли? — допытывался Афанасий.

Ерофей молча покачал головой.

— А где он?

Ерофей кивнул в сторону дома.

— Вот — бери кошку, — Афанасий показал на рысь, — давай бутылку!

На крыльце показался Василий. Не заметив Афанасия, крикнул отцу:

— Батя! Каторжный-то совсем занемог, можно бы и того!

— Я те дам «того», сучий потрох!.. — грозно надвинулся на сразу струхнувшего Василия Афанасий. — Ну-ка пропусти!

По улице деревни шел маленький приземистый старик, крепкий, ясноглазый, усмешливый, с белой апостольской бородой. Рядом с ним, степенно переваливаясь, ковылял медведь. Собаки выскакивали из ворот, но подойти боялись и предпочитали заливаться хриплым лаем за заборами. А медведю все было безразлично, он шел, сонно понурившись, волоча на спине дедову торбу.

Настька накрывала на стол, как взрослая суетилась по хозяйству. Колька подбрасывал дрова в жарко натопленную, гудевшую печь.

Родион полулежал на лавке, обессиленно прислонившись к стене. Крупные капли пота выступали на его почерневшем, изможденном лице. Афанасий поставил с грохотом бутылку на стол, откупорил ее.

— Ну, выпьем со знакомством! — Он налил себе, Родиону. Родион покачал головой:

— Не-е!... Ехать!.. Ехать мне надо!

— Куда тебе ехать! — Афанасий взял стопку. Настя осуждающе посмотрела на него. Он прижал ей нос пальцем и выпил, понюхал шапку. — Тебе отлежаться надо!

Родион горько усмехнулся:

— Отлежаться!.. Да я ж беглый, Афанасий. Каторжный я!

— Знаю... Убил, что ли, кого?

Родион покачал головой.

— А за что ж тебя?

— За что? — Глаза Родиона засветились. — За идею! За мечту, можно сказать, человечества!..

— Ну-у-у!

— Точно! — Родион, тяжело дыша, расстегнул намокшую от пота рубаху. — Что-то меня так в жар и кидает!

На его впалой груди поблескивали начищенные, оттертые рубахой два соединенных между собой звена цепи, висевшие на узком сыромятном ремешке.

— Что это у тебя? — удивился Афанасий.

— Это?.. Звенья... На этой цепи я сидел четыре годика, как Томмазо Кампанелла!

— Кто-кто?

— Кампанелла Томмазо! — Родион достал из-за пазухи потертую, зачитанную до дыр книжку, бережно расправил листки. - - Вот эту книжку я наизусть знаю! Тут об нем все написано! Вот он... — Родион ткнул пальцем в гравюру-портрет. — Триста лет назад жил в Италии... Такая земля. Далеко, у теплого моря! Но там у них тоже свои тираны и кровопийцы есть!

Афанасий вздохнул:

— Этого добра везде хватает!

— А тогда они еще почище наших царей да губернаторов были! Томмазо поначалу монах был. Самые-то ученые тогда в монастырях жили! Очень он хотел счастье для народа добыть! Придумал построить такой город, какого на земле никогда-

никогда не было! Чтобы не было ни бедных, ни богатых и каждый чтоб свою работу делал, какую хочет!

Афанасий слушал, раскрыв рот. Настька и Колька тоже слушали, разглядывая портрет в книжке Родиона. Тот продолжал:

— А если кому тяжело одному — ему все сообща помогут!..

— Ну, это он хватил!

— Точно! — с жаром подтвердил Родион. — Чтобы все одной семьей жили! Один за всех, а все за одного! И назвал Томмазо свой город Городом Солнца.

— Ладно!

А Колька мечтательно повторил:

— Город Солнца.

— Ага! — вновь подхватил Родион. — Там ведь у них тепло, снегу вовсе не бывает.

— Нуда?

— Точно!

Афанасий покачал головой:

— Это плохо. Без морозу нет здоровья — гниль одна.

Колька в нетерпении дотронулся до Родиона:

— А дальше что с ним случилось?

Родион продолжал:

— Так вот... Собрал Кампанелла вокруг себя верных людей, и все бы у них получилось, да только в последний момент — предатель... И всех погубил... Асветлого человека Томмазу Кампанеллу посадили на цепь в каземат, — он взялся за звенья цепи, — вроде как меня. Правда, его пытали, на дыбу вздергивали, на кол сажали, но он все равно не отсекся ни от единого слова!

Афанасий восхищенно покачал головой:

— Это мужик!.. Пил?

— Не знаю.

Афанасий убежденно стукнул кулаком по столу:

— Пил!

Он налил себе еще одну стопку и залпом опрокинул.

Родион попытался подняться, поморщился.

- Нога-то у меня совсем отнялась.

— Давай-ка развяжем!

Афанасий помог Родиону стащить пимы и озадаченно покачал головой, разглядывая синюю распухшую ногу Родиона. Пальцы на ноге стали фиолетовыми до черноты.

— Э-э-э, брат, отморозил не на шутку. Надо за дедом посылать!

В этот момент в сениях раздался дребезжащий голос:

— А чего посылать? Вот он — я!

В избу вошел бородатый дед, которого мы уже видели. За ним ввалился медведь.

Афанасий вытаращил глаза.

— А я о тебе только подумал!

— Потому и зашел, что подумал! — ответил старик, обернувшись к медведю с упреком: — Ну вот, наследил! Я ж просил тебя подождать!

Медведь понуро покачал головой, взял веник, стал затирать свои мокрые следы.

Родион удивленно смотрел на медведя:

— Гляди-ка. Топтыгин —соображает!

Вечный дед махнул рукой:

— Какой там соображает! Он наполовину в спячке — зима ведь!.. Ну что, сильно прихватило?

Он склонился к ноге Родиона. Родион, не отвечая, пристально смотрел на него:

— Ты, что ли, Вечный?

Вечный дед, не поднимая головы, тихо ответил:

— Кличут так.

— Об тебе в остроге молва идет! Говорят, беглых лечишь!

— Беглый, не беглый, все одно — человек!

— Подымай меня, а то мне ехать надо!

— Быстрый какой! Тебе до Великого поста лежать.

— Лежать?! Да что ты! За мной жандармы по следу идут.

— Давай, дедусь, лечи его, чтоб завтра на ногах был! — вмешался Афанасий. — Ты ведь можешь! А то его, как Томмазу, на дыбу подцепят!

— Кого-кого? — заинтересовался Вечный дед.

Колька живо вступил в разговор.

— Монах такой был — Томмаза! — Он показал картинку в книжке. — Хотел, чтобы все люди счастливые были, чтоб ни бедных, ни богатых!

Вечный дед кивнул головой:

— Это, что ли, один за всех и все за одного?

Родион удивился:

— Откуда знаешь?

Вечный дед рылся в торбе, доставал примочки, пучки сухих трав.

— Разные людишки из тайги выползают... сказывали. Ну что там у них в России творится?

Родион радостно засмеялся:

— Такое творится! Вот-вот загуляет, запляшет... петушок красный! Свобода идет!

Вечный дед глянул на Родиона. Его глаза светились такой безумной, отчаянной решимостью, что дед только вздохнул и покачал головой:

— Да-а!.. Наделаешь ты еще делов, Божий человек! Вот тебе травка, приложишь к ноге в ночь, а вот бутылка, натирать будешь завтра.

— Завтра маслена, — сказал Афанасий, — мы его блинами лечить будем!..

Он, хлебнувши еще одну и уже совсем закосевший, вдруг закручинился, пустил слезу.

— Ты что, Афоня? — спросил Вечный дед.

— Томмазу жалко... Люди-то, а? Люди какие были! — Он горько вздохнул. — А я что?.. Рублию дорогу, по пуп в снегу, да еще все смеются...

— А как же? Ведешь ее незнамо куда... к нечистому в болото.

— Я ее на звезду правлю...

Родион, улыбаясь сквозь боль, подмигнул Афанасию.

— Правильно делаешь, Афанасий! Помрешь — после тебя дорога останется! Люди ее так и будут называть: Афонина дорога.

Афанасий от радости даже встал. Победно поглядел на деда, на Кольку, потрепал сына за вихры.

— Слышите, что человек говорит?! Дай я тебя обниму, Родиоша! Выпьем за Томмазу!

Афанасий выпил. Последняя стопка привела его в состояние особого подъема.

— Колька, где топор? Мне пора!

— В сенях.

— Да ведь ночь на дворе! — сказал Вечный дед.

— А мне и надо — звезда выйдет...

Среди синих снегов протянулась прямая, как стрела, просека. Над черными застывшими в ледяном сне кедрами и елями мерцала, светилась яркая звездочка...

Откуда-то издали, из чаши, доносились гулкие, четкие удары топора о дерево...

Родион и Колька ладили ветроход. Колька стоял на крыше сарая, крепил к концу новой мачты парус.

Родион возился внизу, проверял управление. Он хоть и прихрамывал, но заметно посвежел, повеселел.

Колька скользнул с крыши вниз по мачте.

— Готово.

— У меня тоже.

Родион, возбужденный, радостный, повернулся к парню. Тот стоял тихий, грустный, водил рукой по свежавыструганной мачте.

— Ну вот, Колька. Сейчас мы его с тобой испробуем. Всех покатаем, и я полечу!

Колька вздохнул:

— Остался бы на праздники-то? Я бы тебя на Чертову гриву сводил.

— Это что еще за Чертова грива?

— Место такое... заколдованное. Ханты туда никого не пускают, а мы пойдем!

— Почему не пускают?

— У них это место святое, что ли... Хант Федька говорит, у них там бог живет какой-то! Всех огнем жжет!

— Это все от темноты, вера эта!

Колька понизил голос:

— А чего ж там тогда огни по всему болоту?

— Да ну-у...

— Вода сама горит! А болото, знаешь, какое! Без конца, без края, и дна тоже нет! И все огнем полыхает! По ночам на небе даже сполохи!

— Интересно. Сходил бы я, Коля, с тобой, да мне нельзя тут больше оставаться. — Он уперся руками в ветроход. — Помоги-ка выкатить.

За воротами послышался залиvistый перебор гармонии.

Из ворот села вырвалась на простор разукрашенная тройка. Взрывая снег, кони — ленты в гривах — понеслись к реке.

В Елани Масленица. Веселая Масленица. Гармошки заливаются по всем дворам.

В резных санях Ерофей Соломин. Празднично одетый Сам правит. Шуба нараспашку...

У реки осадил коней. Не спеша подошел к обрыву.

Здесь собралось почти все село. Веселый, хмельной от праздника народ.

Родион на прощание катал на своем ветроходе всех желающих.

Искрился под ярким солнцем снег, сверкал лед на реке, искрились и сверкали глаза мальчишек и девчонок. Они не спускали глаз с ветрохода. Не меньше были ошеломлены и взрослые.

А ветроход летел по реке — легкий, красивый, послушный воле Родиона.

В ветроходе сидел Вечный дед. Родион, смеясь, оглядывался на него. Он заложил крутой вираж и хитрым ручным верчеванием направил ветроход к берегу.

На берегу, у самого льда, стоял Колька и важно, как будто это он построил ветроход, руководил желающими кататься,

объяснял, употребляя непонятные слова: «давление ветра», «механика», «руль».

Настя старалась быть чинной, но каждый раз, как только ветроход подходил к берегу или уносился от него, она оглушительно визжала. Колька морщился и снисходительно смотрел на нее.

Вечный дед, довольный, вылез из ветрохода.

Колька начал усаживать очередную партию ребяташек, а к Родиону подошел Ерофей Соломин, поздоровался с ним.

— Починил, значит, байдовину-то?

— И воротца тоже починил. — Родион пристально посмотрел на него.

— Покидаешь нас, Родиоша?

— Надо.

— На блинки я пришел тебя пригласить... Масленая. Не побрезгуй наших блинков отведать. Приходи, я всех, все село зову.

— Спасибо, — не сразу ответил Родион. — Зайду,

В это время у ветрохода началась возня. Колька и Спиридон тянули в разные стороны Настю, которая собралась полезть в машину. Колька схватил Спиридона за грудки, они оба покатались в снег. Ерофей, не двигаясь, смотрел с усмешкой, не вмешивался. Родион подошел, начал разнимать ребят.

— Вы чего не поделили?

Настя стояла расстроенная до слез.

— Кататься захотела! — зло крикнул Спиридон. — Я ей пока таюсь!

— Да чего тебе — жалко? — спросил Родион.

— Ладно, Спирия, пушай катается!., — разрешил Ерофей. — Катайся, дочка, катайся!

Настя радостно кинулась в машину.

Родион кивнул Спиридону:

— И ты полезай... Хочешь покататься?

Спиридон молчал. Ему, видно, до смерти хотелось прокачаться, но он с независимым видом покачал головой.

— Зачем он вам нужен? — крикнул Колька. — Не будет он кататься!

Родион укоризненно глянул на него:

— А тебе что — жалко? Если хочешь, чтобы все были равны, сам должен первым поделиться!

Колька потупился.

— Ну, полезай! — снова пригласил Родион Спиридона.

Тот молчал, глядел на отца, который внимательно слушал Родиона.

Ерофей ухмыльнулся:

— Не-е... Он в меня — мы лошадам больше доверяем!

— Ну, ваше дело!

Родион полез в ветроход, подсаживая Кольку.

Спиридон, наклонив голову, с завистью глядел вслед удаляющемуся ветроходу.

Веселился народ, звенели частушки...

Три соломинские девки у пылающей печи в несколько сковородок работали блины. В гостях у Соломиных почти все село. На столе горы блинов, горькие и сладкие вина, закуска к ним: балычок красной соленой рыбы, корчажки со сметаной, топленным маслом и икрой.

Хмельные бабки под иконами на три голоса пели старинную жалостную песню про Парашу Жемчугову.

Афанасий, который начал праздновать Масленицу раньше всех, сидел рядом с Ерофеем и, расстроенный песней, говорил своему соседу малопослушным языком:

— Помру я, и ты помрешь... от тебя что останется? Пшик! А от меня — дорога. Люди так и будут называть — Афонина дорога...

— Правильно. Давай выпьем за твою дорогу!

Он подлил Афанасию, сам отпил глоток, а Афанасий стакан.

— А Томмаза? — вспомнил Афанасий. — Он триста лет назад жил. Знаешь, какой человек был? Выпьем за него!

В последний раз на прощанье Родион катал своего маленького друга Кольку и Настю. Руки Кольки лежали на рычагах, и Родион вместе с ним закладывал крутые виражи зигзагами... Это был какой-то сказочный танец. Колька был счастлив, и Настя визжала от восторга.

...Они остановили ветроход у берега, привязали его к толстому колу. Ветроход упруго рвался вперед, подрагивая под напором ветра.

Все трое пошли к селу.

Едва Родион ступил за калитку двора Устюжаниных, как на него с двух сторон набросились два человека. Это были уже знакомые нам жандармы.

Родион крикнул Кольке:

— Тащи котомку!

Тот кинулся в избу.

Родион увернулся. Один из жандармов потерял равновесие и рухнул в снег. Второй, наткнувшись на выставленный Родионом кулак, отлетел на несколько метров и с грохотом повалил поленницу дров. Он замотал головой, ошалело улыбаясь, и мы узнали в нем того самого жандарма, который отдал Родиону свои валенки.

— Во дает! — восхищенно проговорил жандарм, наблюдая за тем, как Родион обменивался с усатым жандармом увесистыми тумачами.

Из дома выскочил Колька с котомкой.

Только его Родион и ждал. Могучим ударом он сбил усатого жандарма, подхватил котомку и метнулся в ворота. Колька за ним.

— Родион! Я с тобой!

Они побежали по улице в сторону реки.

Спиридон закидывал промасленной ветошью ветроход. Потом закоченелыми руками ломал спички, пытаясь их зажечь. Наконец это ему удалось, и огонь весело побежал по

ветоши, охватив ветроход. Воровато оглянувшись, Спиридон увидел бегущего по косогору к реке Родиона, за которым с криками бежали два жандарма.

Причальная веревка перегорела, и пылающий ветроход, кренясь под напором ветра, медленно покотился по льду прочь от берега.

Пламя с треском бежало вверх по парусам.

Родион остановился на берегу, задыхаясь и отирая пот. А Колька с отчаянным криком кинулся к пылающему ветроходу, стал закидывать его снегом, но было уже поздно: паруса прогорели и только черный пепел веялся по ветру. Спиридон давно уже и след простыл.

Родион повернулся к подбежавшим запыхавшимся жандармам:

— Ваша взяла.

— Руки! — скомандовал усатый жандарм, доставая из-за пазухи звенящие кандалы.

— Да куда я от вас теперь убегу. — Родион устало улыбнулся. — Нашли все-таки...

— Ох и гнали, ох и гнали! — покачал головой восторженный жандарм. — А то без тебя в остроге-то скука! Тоска одна, ей-богу!

В избе Соломиных гульба была в полном разгаре. Заливалась гармошка, трещали полы от топотухи...

В избу ворвался Колька, закричал:

— Тятя! Там Родиона жандармы увозят!

На секунду музыка оборвалась, потом гармонист заиграл снова, все зашумели, повалили к дверям.

Колька подскочил к отцу, начал дергать, трясти его.

— Тятя!.. Тятя!

Афанасий поднял от стола голову. В пьяных глазах его не было никакого соображения.

— Тятя! Там Родиона увозят!

Афанасий на мгновение очнулся, ударил кулаком по столу.

— В-выпьём... за Родиона!

И голова его снова упала на грудь.

Колька в отчаянии бросился из избы. Изба опустела. За столом остались только пьяный Афанасий, трезвый Ерофей и три старухи, которые продолжали песню про Парашу Жемчугову. Ерофей не спеша налил себе полную чарку водки, перекрестился, выпил. Не спеша закусил. Не спеша поднялся и, накинув на плечо шубу, вышел из избы.

Ерофей остановился в воротах. Пьяная толпа весело шумела, шла за санями, на которых увозили Родиона.

Родион встретился взглядом с Ерофеем, усмехнулся.

Ерофей крикнул жандармам:

— Блинков бы поели на дорожку!

Жандармы переглянулись.

— Некогда, — отрубил Родион, — нам скорее в город нужно.

Ерофей засмеялся, хлопнул себя по бокам.

— А тебе-то куда спешить? Годом раньше, годом позже.

...Сани выехали за околицу. Люди остановились. Колька и Настя стояли в толпе, крепко взявшись за руки. И вдруг Колька рванулся с места, побежал за возком.

Настя видела, как он догнал его, пошел рядом.

Старухи под иконостасом все еще никак не могли закончить песню. Афанасий вдруг вскинулся, замотал головой, пьяно уставился на старух:

— Где мой топор?

Старухи продолжали петь.

— Где моя дорога?!

Он тяжело поднялся, сдвигая в сторону всю посуду на столе.

Колька шел рядом с возком, держась за развод.

Родион молчал. Проезжали мимо сгоревшего, черневшего на льду, обуглившегося остова ветрохода. Колька посмотрел на него, заговорил:

— Какой ветроход был! Если бы Соломины его не сожгли, мы бы давно убежали!

Родион внимательно посмотрел на Кольку.

Тот уверенно сказал:

— Ну ничего, мы еще вернемся!

— Кто мы-то?

— Мы с тобой.

— А ты далеко?

— С тобой... на каторгу.

Родион не смог ничего сказать, грустно смотрел на Кольку. А Колька торопливо продолжал:

— Ты не думай, еды у нас много. — Он похлопал по котомке. — Я пельменей положил, а Настька блинов притащила... утром еще...

Родион молчал. Колька продолжал:

— Ты думаешь, я тебе помешаю? Я места много не займу.

Усатый стражник не оглядываясь заметил:

— У нас там просторно, на всю Россию места хватит.

Родион резко крикнул ему:

— Останови!

Возок остановился. Родион наклонился к Кольке, тихо заговорил:

— Спасибо, Николай. Ты настоящий друг! Тебе сейчас не надо со мной ехать. Ты подожди здесь.

— Кого ждать-то?! — Голос Кольки зазвенел. — Кого ждать? К нам сюда, кроме попа да сборщика податей, никто и не доберется никогда!

— Приедут, Коля, люди. Приедут... И до вашего села жизнь докатится. Ты только жди.

Родион расстегнул рубаху, снял с шеи заветный талисман — звенья цепи на ремешке — и протянул его Кольке:

— Жди и помни! Помни своего Родиона и наш Город Солнца! — Закричал жандармам: — Трогай!

Стражник хлестнул лошадь, возок рванулся с места.

Колька постоял секунду, сорвал с плеча котомку, закричал:

— Роди-он!.. Котомку!

Возок уносился вдаль.

Колька стоял, смотрел до тех пор, пока возок не скрылся за поворотом реки.

Афанасий в одной рубахе с остервенением рубил трехсот-летний кедр...

Бросил в сторону топор. Уперся руками в огромное дерево плечом. Кедр дрогнул, сначала медленно, потом все быстрее начал падать, сокрушая все на своем пути...

Кинохроника. Фотодокументы. Десятые годы.

В Венесуэле забил фонтан нефти. США прибегают к насильному открытию концессий.

Двигатель внутреннего сгорания стал основным видом развития транспорта.

Автомобиль.

Аэроплан.

Трактор.

Машинное отделение эсминца.

Европа, Япония, Америка спешно вооружались.

Все немецкие крейсеры, флот США, а также Балтийский и Черноморский флоты царской России перешли на нефтяное топливо.

Своя нефть была у американцев и русских...

Война. Первая империалистическая.

Окопы. Кровь. Смерть.

Невинные летательные аппараты превращаются в бомбовозы.

Баки аэропланов заправляются бензином.

Танки. Подвозят цистерны с горючим к колонне невиданных машин — танков.

Вся Европа изрыта окопами.

Русские войска в пинских болотах.

Немецкие подводные лодки отрезали атлантические пути подвоза нефти из Америки в Европу.

У союзников начался нефтяной голод.

Стоят аэропланы.

Замерли, словно доисторические животные, танки.

Во Франции мобилизованы все нефтяные и бензиновые ресурсы страны — тысячи грузовиков и автомобилей вытянулись в колонны по дорогам Европы: перевозили войска.

Париж. Национальная ассамблея.

Клемансо посылает президенту Америки Вильсону телеграмму:

«Если союзники не хотят проиграть войну, они должны позаботиться о том, чтобы сражающаяся Франция получила горючее, необходимое как кровь в грядущих боях...»

Президент Вильсон встретился с Рокфеллером.

Президент улыбался Рокфеллеру.

И Рокфеллер кивнул головой.

Суда-нефтевозы с надписями «Стандард ойл» под охраной военных эскортов тронулись через океан в Европу.

И снова пошли в бой танки.

И бомбовозы повисли над окопами.

Горы трупов — вот апогей этой цивилизации.

Социалистическая революция в России.

Первое в мире государство рабочих и крестьян.

Красный флаг.

Ленин.

Конгресс Коминтерна в Петрограде.

А в это время в Лондоне сияли хрустальные люстры на торжественном обеде по случаю разгрома кайзеровской Германии. Две тысячи богатейших людей мира — буржуи и политики слушали лорда Керзона.

Керзон выступает:

«Союзники приплыли к победе на волнах нефти...»

Среди этих людей сидел один из самых ярых врагов советской власти — сэр Детердинг, нефтяной магнат Великобритании.

Он начал тоже скромно — клерком в голландской нефтяной компании.

Потом основал нефтяной картель — «Ройял датч-Шелл».

Приобрел провинциальные нефтяные концессии... Как не хотелось сэру Детердингу расставаться с бакинскими и грозненскими промыслами!

Это он финансировал оккупацию Закавказья английскими войсками.

7 июля 1918 года в час ночи Ленин в телеграмме Сталину в Царицын высказывает опасение, что убийство немецкого посла Мирбаха может спровоцировать захват бакинской нефти.

Английские войска оккупируют Баку.

Расстрел бакинских комиссаров.

Детердинг улыбается.

Голод. Республика в кольце фронтов.

Красная Армия. Ее боевые славные комиссары.

Киров выступает:

«Нефтяные промыслы России — это нефтяное кладбище...»

Нефтяные вышки — разоренные, развалившиеся...

Юденич ведет с собой готовое Северо-Западное правительство.

Во главе его бывший нефтяной промышленник Лианозов — компаньон сэра Детердинга.

Юденич и Лианозов позируют перед киноаппаратом...

Детердинг финансировал диверсии на национализированных большевиками нефтяных промыслах.

Пылают нефтехранилища Грозного.

На скамье подсудимых английский шпион Рейли — чекисты конвоируют.

Пылают нефтяные пожары в Грозном.

Нефтяной голод сковывал страну.

24 апреля 1919 года Ленин телеграфирует в Астрахань:

«Нужда в нефти отчаянная. Все стремления направьте к быстрейшему получению нефти...»

Стоят броневики.

Замерли аэропланы.

Заржавленные перевернутые железнодорожные цистерны.

28 апреля 1920 года Красная Армия вступила в Баку.

Радостные люди встречают красноармейцев.

...А здесь нежно зеленели березы в разливе темной таежной хвои. Среди зеленых берегов катила река, по-весеннему полноводная. На берегу ее все так же дремало село Елань. А от села через всю тайгу шла просека. Прямая, как стрела, — до самого горизонта.

Уже верст на десять проложил Афанасий свою дорогу. Вся дорога внакат была вымощена ровными ошкуренными бревнышками, через болота — гати, через ручьи и овраги навешены были аккуратные мостики с резными перильцами.

И сейчас в конце дороги гулко на весь лес раздавалось: вжик-вжик-вжик-вжик.

Афанасий с сыном пилили здоровенный кедр.

Афанасий заметно постарел, сторбился, клочковатая борода поседела. А уж Николай вымахал в здоровенного молодца. Легкий пушок вместо бороды, черные вьющиеся кудри.

Отец с сыном взялись за длинные топоры, подрубили кедр, потом вдвоем навалились. Дерево медленно рухнуло с оглушительным пушечным треском...

Афанасий отер ладонью лоб:

— Шабаш!

Они прошли к шалашику, сооруженному неподалеку. Место вокруг шалашика было обжито — на веревке висела сушеная рыба, лежала сложенная поленница дров. На широченном пне, который заменял стол, лежала в узелке снедь. Афанасий вынес из шалашика бутылку, поставил на пень. Николай со своего края поставил крынку с молоком.

Каждый хлебнул своего. Афанасий взял ломоть пирога, стал закусывать. Пирог пришелся ему по душе, он причмокнул.

Николай не без гордости сообщил:

— Настька пекла!
— М-м-м... — Афанасий прожевал. — Не обженились ишо?
Николай укоризненно покачал головой:
— Что ж ты так, папаня! Уж тебя я позову — придешь?
— Неохота мне в вашу деревню ходить, но ради такого случая придется!.. Скоро?
— Скоро! Уждом поставили — Филя с отцом кладет...
Налетел ветер. Зашелестели кусты, заметались тревожно солнечные блики по серебристым ольховым веткам.
Афанасий перестал жевать, повел носом, подозрительно глянул на сына:
— Ты что?
— Что? — не понял тот.
— Не можешь в сторону отойти?
— Это не я, папаня, вот тебе крест! — Николай перекрестился.
— Вот нечисть! Как от Чертовой гривы потянет, так на всю тайгу вонища! Что ж это за чудище такое?..
Афоня встал, подтянул штаны. Встал и Николай.
Оба смотрели туда, в черную стену сырого леса, куда упиралась дорога. Николай глянул на отца:
— Ты чего?
— Так... Бывает, ты в деревню уйдешь, я один рублю — чую: на меня оттуда кто-то смотрит... Аж в пот бросает от страха.
— Да, папаня... — тихо сказал Николай. — Куда ж мы с тобой рубимся?
Афанасий сердито глянул на сына:
— Куда, куда!.. На звезду!
— Да это я понимаю, а по земле куда это получается? Сдается мне, что на самую Чертову гриву...
— Ну? — Афанасий, прищурившись, глянул на Николая. — Аза Чертовой гривой что?
— Болото.
— А за болотом?

— Опять болото.
— А за тем болотом?
— Не знаю.
— Вот! Может, там оно и есть?
— Что? — спросил Николай.
— Оно самое! — многозначительно проговорил Афанасий. — Куда мы дорогу ведем!
Николай пристально глянул на отца.
— А может, оно там? — Он указал пальцем в небо. — Или там? — Он направил палец в землю.
Афанасий подумал, решительно покачал головой:
— Нет... Там — сердце чует! — Он указал в черную, непроницаемую для солнечных лучей тайгу, перегородившую дорогу.
И вдруг Афанасий замер с полуоткрытым ртом. В кустах мелькнула и скрылась чья-то тень.
— Видал? — выпучив глаза, спросил Афанасий.
— Видал, — шепотом ответил Николай.
— Для медведя больно шустрый! — прошептал Афанасий.
В это время, с другой стороны, за их спинами, хрустнула ветка. Там за стволом ели явно кто-то притаился.
— Эй, кто там? — хрипло крикнул Афанасий, сжимая в руках топорыше. — А ну выходи!
— Папань, гляди, там тоже! — срывающимся от волнения голосом прошептал Николай, указывая в другую сторону.
Афанасий мотнул головой, приложился к бутылке и заревел на весь лес:
— А ну выходи, мать твою!
Из-за ели робко выглянул маленький кривоногий человек. Это был хант Федыка. Он был очень взволнован, дрожал.
— Не сердись, Афанасий, Федыка друг твой... Федыка спасай Афанасий, Федыка спасай Николка...
— Чего спасать-то? — не понимал Афанасий.
Федыка подошел, его била дрожь.
— Туда дорога руби! — Хант показал в сторону. — Туда нельзя!

— Еще чего!

— Федька любит Афанасий, — в голосе ханта просквозил! угроза, — Федька не хочет, чтобы Афанасий пропадай! Совсем пропадай!

— Ты толком говори, косоглазый!

— Туда дорога руби! Туда нельзя!

— Тьфу! Пошел отсюда! — Афанасий тронулся было к срубленному дереву, но Федька бухнулся в ноги и схватился за подол его рубахи.

За деревьями послышались размеренные удары бубна и пронзительное завывание.

Николай глянул в ту сторону. Меж стволов мелькало несколько кружащихся фигур вокруг человека с бубном в маске.

Среди кустов светились раскосые глаза, с любопытством смотрящие на Устюжаниных.

Федька умоляет:

— Не ходи, Афанасий! — Слезы потекли по его щекам. — Не ходи! Чертова грива прорубишь — смерть будет! Тебе смерть, твой сын смерть, Федька смерть, Федькина жена смерть, Федькины детишки смерть — все смерть!..

— Ничаво, Бог спасет! — Афанасий вырвал рубаху из Федькиных рук, поплевал на руки и, перешагнув через ханта, обернулся к сыну: — Бери топор, сынок.

Хант поднялся с колен, взгляд его потух, он равнодушно глянул на Устюжаниных и сказал тихо:

— Федька все сказал, смотри, Афанасий! — И понуро поплелся в чашу.

Звуки бубна затихли меж деревьев...

Через тайгу, пересекая уходящую вдаль Афониноу дорогу, ехали верхом в сторону села по тропинке Петр и Спиридон Соломины, теперь уже вымахавшие в здоровенных парней.

Они вели за собой на поводу еще двух лошадей, на которых были навьючены большие тюки.

Недалеко от двора Соломиных белел свежетесаными бревнами высокий новенький сруб.

Плотник Ермолай с сыном Филей, здоровенным двадцатилетним молодцом, ладили последний венец. Оба были рыжеволосы, знать, Соломиным родня.

Сюда подошел Ерофей Соломин, придирчиво оглядывая сруб.

— Ну вот, Ерофей Палыч, принимай работу! — крикнул сверху Ермолай. — Ведро вина готовь!

— Ведро уже ждет, — сказал Ерофей, обошел сруб, ковырнул пальцем вязку, покачал головой. — Работы еще сколько! Конопатить, крышу ставить! Ну, это уж мои лбы приедут. А с вами расчет!

Ермолай спустился вниз.

Филька остался наверху — тюкал топором, доделывал.

Ерофей мусолил бумажки.

— Эх, хорошо поставили, как для себя! — похвалил свою работу шустрый коренастый Ермолай. — Ты не жалея, подкинь еще пару красненьких!

— Боюсь, разбогатеете шибко, — улыбнулся Ерофей. — Разленитесь!

— Да-а, в таком тереме только с молодухой и жить! — вздохнул Ермолай.

— Молодухе и ставим! — ответил Ерофей.

— Клавку, что ли, просватал? А то засиделась девка!

Ерофей покачал головой.

— Это для Настеньки.

Филька наверху бросил тесать, замер.

— Рано вроде... — растерянно пробормотал Ермолай, глядя на сына.

— Я бы подождал, да, боюсь, Устюжанин Колька с Настькой ждать не будут... Чую — невтерпеж им.

Филька мягко спрыгнул со сруба на землю.

— Дядя Ерофей, а как же я? — тихо пробасил он.

— Ты что?

Филька обернулся к отцу:

— Тятя, он же нам обещал!..

— Точно, Ерофей! — встрепенулся Ермолай. — Ты Настясю обещал за Филиппа уговорить...

— Пробовал, Ермолай, не получилось.

— Кому отдаешь?! — Ермолай горестно махнул рукой. — Э-э!.. Устюжанины — они все беспутные! Пустые люди!

— Конечно, твой Филя мне больше по душе, чем Николай Устюжанин. И фамилия у нас одна.

— Нуда. Фамилия-то у нас одна, — угрюмо заметил Фил ь ка. — Только как-то все получается, что мы с папаней на тебя работаем, а не ты на нас!

— Филька, цыц! — прикрикнул Ермолай.

Ерофей ласково улыбнулся, потом вздохнул:

— Что подделаешь, Филя. Ты что, мою Настьку не знаешь? Ведь не ее выбирают, а она выбирает!

— Знал бы, не стал сруб ладить, — угрюмо сказал Филя.

— А я потому и не говорил, — довольно ухмыльнулся Ерофей.

— Ладно, — вздохнул Филька. — Свадьбы еще не было.

И он с невиданной силой метнул топор в стену дома. Лезвие его наполовину вонзилось в свежее смолистое бревно.

Филя пошел подвору, загребая ногами золотые стружки.

— Филька, вернись! — тонким голосом приказал Ермолай.

Он подбежал к намертво всаженному топору, попробовал выдернуть, потом повис на топорнице, беспомощно перебирая ногами.

Ерофей укоризненно покачал головой вслед Фильке.

Филька ушел, не обернувшись.

Ерофей зашел в дом, гаркнул:

— Настька! Там Филька Соломин проходу не дает! Ты все-таки подумай!

Ответа не было.

— Настя... — позвал Ерофей.

— Ну? — раздался грудной голос Насти из светлицы.

— Да выдь ты!

Из-за ситцевого полога появилась Настя Соломина — теперь уже девятнадцатилетняя красавица, рыжеволосая, зеленоглазая, в золотых крапинках веснушек, с высокой — хоть пятак клади! — грудью, в руках она держала только что вычищенный карабин.

— Там Филька Соломин... — начал было Ерофей.

— Слышала, — перебила его Настя, проверяя затвор карабина. — Еще что?

— Ничего... — растерянно сказал Ерофей и сел на лавку.

Настя положила карабин на стол, прошла в кухню, вынесла оттуда торбу и стала складывать в нее приготовленную на столе еду.

— В лес, к Кольке? — спросил Ерофей.

— Ну!

— Вы там смотрите у меня, в лесу... — строго начал было Ерофей, но Настя только глянула на него из-под тяжелых ресниц, отец осекся, заморгал, приложил руку к сердцу и про-сительно проговорил: — Христом-Богом молю, Настенька, вы уж там потерпите до свадьбы, а то я знаю: Устюжанины, они народ шустрый!

— Тятя, — снисходительно улыбнулась Настя, — ты меня не обижай. Куда патроны дел?

— В сенях, в красном сундучке.

В это время во дворе радостно залаяли, завизжали собаки, заскрипели отворяемые ворота. Ерофей кинулся к окну.

— Что такое? Никак ребята вернулись! — Он испуганно перекрестился.

Петр и Спиридон Соломины заезжали во двор, заводили навьюченных коней. Увидев их, выбежали во двор остальные Соломины. Окружили возвратившихся из города. Все собрались — сплошь рыжие головы, — мужики, бабы, ребятишки, невестки, зятя, внуки.

— Что стряслось? — спросил Ерофей.

Петр утер пот с лица.

— Беда, отец! Революция у них!

— Чего?
— Революция.
— Тьфу, заладил одно! Ты толком говори!
— Народ бунтует. Купцы все разбежались. Лавки закрыты. Торговли нет.
— А куда царь смотрит?
Спиридон, радостно встречая в разговор, пояснил:
— Да царя нету!
Ерофей растерянно перекрестился.
— Как?.. Давно?..
Петр сжал челюсти, поиграл желваками.
— Атак. Уже три года как скинули — революция! А в тайге тоже кругом стреляют. Каждый сам себе атаман! Как мы только ноги унесли! Думали, весь мех отымут и самих порешат...
Ерофей покачал головой:
— Та-ак...
Мать Дарья поджала губы:
— Как теперь Настьку выдавать? Мы за ней тыщу рублей положили...
Ерофей махнул рукой:
— Ничего... Николай и так возьмет. Устюжанины — голь перекатная!.. Дом мы им построили да соболей дадим...
На крыльце стояла Настя, одетая в дорогу, с карабином и котомкой через плечо.
Ерофей принял решение.
— Значит, так. Ворота — на замок!
Спиридон нагнулся к отцу, с азартом заговорил:
— Батя, сейчас бы любо обратно в город махнуть! Налегке!
— Это еще зачем?
— Пока кутерьма идет, можно чего и добыть!
Ерофей иронически смазал его по лицу:
— Можно. Дырку в голову... — Властно: — Все! Теперь туды дорога вовсе заказана! И никому ни слова! В город только мы ездили. Три года не слышали и еще десять лет без этой революции проживем, только чтоб язык за зубами! А револю-

ция — она как ливень: там выпала, а здесь авось стороной пройдет...

Настя шла по улице. Когда она поравнялась с воротами сарая, чья-то могучая рука стиснула ее повыше локтя и рванула в сторону.

Со скрипом захлопнулась дверь, и в сарае стало темно.

Настя не успела опомниться, но уже разглядела в темноте потное лицо Фильки. Он взял ее за плечи мягко, но властно, прижал к стене, глядя в глаза. Позади Филя стоял бык, тяжело вздыхая.

— Ну что ты, Филя, опять? — сказала Настя. — Мы же с тобой все переговорили.

Он молчал, потом медленно приблизил свое лицо к ее губам.

Настя отвернулась.

— Пусти, Филя, — тихо попросила она.

Филя уткнулся лицом ей в волосы, проговорил:

— Разве он любить может, как я!

Настя вдруг ласково погладила его по голове, сказала:

— Иди, Филя.

— Ладно... Свадьбы еще не было, — глухо сказал Филя и с размаху хватил кулаком промеж рогов сунувшегося было к ним быка.

Всхрипнув, бык рухнул на колени, уткнулся мордой в землю.

— Фу! Мать твою... — испугался Филя и бросился подымать за рога нокаутированного быка.

Настя выскользнула из сарая.

По Афониной дороге, по ровно уложенной гати, по узорчатым мосткам широким легким шагом шла, придерживая рукой карабин, Настя...

Николай разделявал поваленный кедр — обрубал сучья, ошкуривал ствол.

Настя подошла, остановилась неподалеку. Николай глянул на нее, заработал теперь еще пуше. Настя стояла, молчала.

— Чего пришла? — наконец спросил Николай.

— Еду принесла, — Настя едва заметно улыбнулась, — а ты что, не рад?

— А чего радоваться-то, — отвечал Николай, не прекращая работы, — коли ты к себе даже подойти не даешь?

— До свадьбы нельзя, — вздохнула Настя.

— Ну вот и я сбежал из села до свадьбы... Я ведь тоже не железный — тоскую! — Николай с размаху хватил топором по бревну.

— Коль... — сказала Настя.

- Ну?

— Да погоди ты рубить!

— А поцеловать дашь? — Николай с остервенением рубил.

— В щеку поцелуй.

— В губы.

— В щеку.

— В губы!!

Настя помедлила, потом согласилась:

— Ну ладно — один раз.

Николай глянул на Настю, всадил топор в ствол, отер убы, подошел, приблизил свое лицо к ней. Настя смотрела на него не моргая. Николай осторожно прикоснулся губами к ее губам, она не шевельнулась. Так и стояли они, слившись а долгом поцелуе. Чирикали птицы, тихо качались верхушки деревьев.

Настя закрыла глаза, обвила руками Николая. Николай зашевелился, обнял Настю, крепко прижал, потом стал ласкать ее волосы, плечи, грудь...

Настя застонала и стала вырываться, но Николай был силен.

Наконец ей удалось оттолкнуть его.

— Уйди!

— Давай еще, ну давай! — хрипло выдохнул он и хотел обнять Настю, но она успела сорвать с плеча карабин.

— Хватит, не балуй!

Николай вздохнул, взъерошил себе волосы, сел на поваленное дерево.

Настя присела тоже на безопасном расстоянии, огляделась:

— А Афанасий где?

— В шалаше, отдохнуть прилег... Старый стал, устает.

— Пить меньше надо! — отрезала Настя.

Николай помолчал, потом, не подымая головы, сказал:

— Настьк!

- Ну?

— Не могу я так! Давай жениться!

— Вот отец Никодим приедет — поженимся.

— Это ж до Яблочного Спаса ждать! — с отчаянием воскликнул Николай. — Ну давай убежим, что ли... В Россию, куда глаза глядят!

— Туда нельзя сейчас, Коленька, — вздохнула Настя.

— Почему?

— Там эта... как ее?..

- Ч то?

— Ну как ее... когда народ бунтует...

— Революция?! — Николай подпрыгнул от неожиданности.

— Во-во! И царя скинули.

— И царя скинули?! — Николай вдруг подозрительно глянул на нее: — А ты откуда знаешь?

— Наши в городе были. Еле убежали оттуда...

Но Николай больше не слушал ее, вскочил, заходил по полюне:

— Революция! Ай, Родион, добился своего! Настьк, надо бежать немедленно, а, Настьк! Найдем Родиона... Только где его искать-то? Небось он сейчас где-нибудь Город Солнца ставит! Ладно, все равно найдем! Он нас к себе возьмет, людьми будем...

— А как же свадьба? Дом нам построили, соболей в приданое дадут...

— Какое там! Ехать надо!

— А свадьба?

— Какая еще свадьба! — отмахнулся Николай. — Поп тебе перь совсем и не приедет! Проживем и без венца!

Настя покачала головой, сказала твердо:

— Невенчанная я с тобой никуда не поеду!

— Тогда я один уеду! — обиженно махнул рукой Николай.

— Что ты сказал? — тихо спросила Настя, и зеленые глаза ее сузились.

— Со мной не хочешь — один уеду, завтра же!

— Один уедешь? — повторила Настя. — Без меня, значит, уедешь? — Она встала, перекинула карабин через плечо. — Ты мне больше на глаза не появляйся! Я тебя не люблю вовсе!

— Что-о?! — вскипел Николай.

— Ни капельки! — Настя повернулась и пошла прочь по дороге. — И не подходи ко мне больше! И не подходи!

— И не приду! — вслед ей заорал Николай.

— И не приходи! — кричала, не оборачиваясь, Настя. — Знать тебя не хочу!.. За Фильку замуж выйду!

— Что-о? — в бешенстве заорал Николай, хватаясь за топор.

Из шалаша, выпучив глаза, глядел на них ничего не понимающий спросонья всклокоченный Афанасий.

— За Фильку выйду! Он меня любит! — уже откуда-то издалека раздался голос Насти.

— Ну и выходи! Тужить не будем! — Николай, не помня себя, метнулся к здоровенной ели и начал рубить ее под корень. — Тужить не будем! Тужить не будем...

Звонко стучал топор. Во все стороны летела смолистая щепка.

Афанасий, почесываясь, вылез из шалаша, подошел к сыну, внимательно глядя на него.

— Ты зачем эту елку рубишь? — спросил он.

Родион продолжал махать топором, в ярости бормоча:

— Тужить не будем! Подумаешь! Солома рыжая! Тужить не будем!..

— Колька! — позвал Афанасий. — Эта ж елка посторонняя! Она нам не мешает!..

Николай выпрямился, неподвижно глядя в одну точку. Постоял, потом отбросил топор и заорал не своим голосом:

— Настя-я-я!

Эхо разнесло крик по всему лесу.

Настя не откликнулась, ее уже не было видно на прямой, как стрела, дороге.

Николай побежал к селу...

Николай подбежал к калитке соломинского двора. Перед ней со слугой в руках, словно стражник с алебардой, стоял рыжий Спиридон. Теперь он уже не волчонком, а взрослым волком смотрел на Николая.

Николай тяжело дышал.

— Настя дома?

Спиридон злорадно осклабился:

— Не велела тебя пускать.

Николай рванулся вперед, пытаясь отстранить Спиридона:

— Пусти!

— Нет.

Спиридон выставил вперед слугу, преградил путь Николаю.

Николай вдруг очень миролюбиво попросил:

— Позови!.. Она же невеста моя, дурак!..

Спиридон постоял еще немного, отшвырнул слугу и пошел во двор, закрыв за собой калитку.

Николай стоял, ждал...

Отворилась калитка, и вышла Настя. Губы ее были упрямо поджаты, она не глядела на Николая.

Николай жалобно попросил:

— Настя, прости!

— Нет, — поджала губы невеста.

— Настя... прости, не могу я без тебя!..

— Не прощу!

— Ну что мне сделать?! Хочешь, я на колени встану?

Настя упрямо молчала. Николай бухнулся на колени.

— Ну... простишь?

Настя упрямо прошептала:

— Не прощу.

Она стояла, опустив глаза, внешне все такая же холодная, недоступная. Николай начал постепенно «заводиться».

— Та-ак... Ничего. Простишь! Я ведь отсюда никуда не уйду, так и буду стоять на коленках! Пока не простишь... День буду стоять, неделю, пока не помру, стоять буду! Плохо ты Устюжаниных знаешь!

— Ну и стой! Мне-то что? Все равно не прощу! Плохо ты Соломиных знаешь!

Она повернулась и пошла домой.

Николай стоял на коленях посреди улицы перед домом Соломиных.

Через некоторое время снова появился Спиридон. Он оперся плечом о воротный столб и, пощелкивая кедровые орешки, с издевательской усмешкой поглядывал на Николая.

Ребятишки из соседних дворов, увидев стоящего на коленях Николая, удивленно выглядывали из ворот, а некоторые, постмелее, выходили на улицу, тихо шли к нему.

Спиридон кинул в Николая кедровый орешек, попал ему в лоб — Николай не повернул к нему головы. Спиридон кинул еще один орешек, Николай так взглянул на него, что Спиридон убрался за ворота.

Ерофей гладил безучастно сидевшую на лавке Настю.

— Совсем поругались?

— Навеки, тятя.

— Вот и ладно, доченька... вот и добро! Давно бы так. Он тебе не ровня — голь перекатная! Еще дом построили! — Настя кивнула. — Ты не горюй, доченька, есть у тебя другой жених! Куцы лучше!

— Да, тятя, да...

* * *

В распахнутые ворота села с громким мычанием ввалилось стадо. Скотина спешила к своим дворам, а посреди улицы все так же упрямо стоял на коленях Николай. Коровы косились на него, нехотя обходили, задевая боками, хлестали кистями хвостов. Николай мужественно стоял, утонув в гуще стада.

Мать Насти — Дарья — распахнула ворота,пустила коров. Увидев Николая, она открыла рот, перекрестилась.

Стадо прошло. Оседала пыль. Старый пастух, шедший за стадом, увидев стоящего на коленях Николая, остановился захлопал глазами.

— Никак ты, Кольша? Потерял, что ли, че, племяш?

Николай молчал, не смотрел на него.

— Может, занемог?

Николай молчал.

Пастух постоял еще немного и пошел, удивленно оглядываясь, бормоча про себя:

— Никак спятил...

В сумерках к воротам Соломиных подошли Спиридон и Филя. попрощались. Спиридон ушел домой, а Филя еще постоял. Глядел на Николая.

Николай зло спросил:

— Чего смотришь? Обрадовался!

— Свадьбы еще не было, — сказал Филя вроде бы спокойно.

Николай усмехнулся уверенно:

— Будет. Ты лучше иди дом достраивай, а то нам с Настькой жить негде!

— Ладно... — не сразу согласился Филя. — Сейчас пойду, дострою... всю жизнь помнить будешь!

Филя в задумчивости подошел к срубам, который они ладили с отцом. Постоял, внимательно глядел его, словно бы примериваясь. Потом решил. Без особого труда выдернул

из стены свой топор, полез наверх. Здесь изловчился, прихватил и, крикнув, вывернул огромное кедровое бревно из верхнего венца и бросил его на землю.

Вдалеке ворчал гром, вспыхивали зарницы. Приближалась гроза.

В доме Соломиных все давно спали. Из углов избы с лавок и полатей доносился разноголосый храп и посвист.

В маленькой комнатке-камерке на широкой пуховой кровати лежала Настя. Она смотрела в потолок.

На дворе шумела гроза. Сильный дождь хлестал в стекла. Молния заливала светом Настину каморку. Грохотал гром...

Настя откинула одеяло, спрыгнула с кровати и в одной рубашке выскользнула за дверь.

Укрывшись рогожей, Настя под проливным дождем босая пробежала по лужам к забору. Прильнула к щели рядом с калиткой.

Свет молнии выхватил из кромешной тьмы стоящего на коленях прямо перед ней Николая.

А Филя этой грозной ночью рушил построенный им для Насти и Николая дом. В исступлении он скидывал со стены бревна — венец за венцом.

Ливень хлестал по его напряженной мускулистой спине, и его лицо, перекошенное от натуги, при вспышках молний казалось вырубленным из камня...

Утром вновь засияло солнце и осветило деревню. На месте, где вчера стоял новый дом, валялись четыре груды бревен — все, что осталось от каждой стены.

От мокрого дерева на солнышке шел пар.

Сидел, понурившись, угрюмый Филя и курил самокрутку. Лицо его за ночь осунулось, мокрые волосы прилипли ко лбу. Огромные натруженные руки тяжело лежали на коленях.

* * *

Снова мычало стадо за забором. Мать Насти — бабка Дарья — открыла ворота, чтобы выгнать коров, и опять увидела Николая.

Колени его утонули в грязи, мокрые пряди волос свисали по небритым щекам, зато лицо было чисто вымыто, в глазах же таился безумный блеск от бессонницы и изнеможения.

Бабка Дарья вбежала в дом, стала будить Ерофея. Он громко гукнул, дернулся, сел в кровати и уставился на нее. Она перекрестилась.

— Стоит!

— Мать честная... — запустил лапу в затылок Ерофей, потянулся за портками.

Из калитки вышел Ерофей. Шагнул к Николаю. Очень миролюбиво обратился к парню:

— Слышь, Николай... Хватит! Уходи! Не срами девку... И себя тоже.

Николай, преодолевая страшную усталость, упрямо смотрел на Ерофея. Хрипло проговорил:

— Пускай сама скажет.

— Уходи! — повысил голос Ерофей. — Добром прошу! Уходи, а не то силой заставим!..

И тут Ерофей услышал крики.

В конце улицы, у его нового дома, собиралась толпа.

— Что стряслось? — пробормотал Ерофей и побежал по улице, обегая непросохшие лужи.

Настя в своей горенке лежала на постели поверх одеяла, в платье, уткнувшись лицом в подушку. Открылась дверь, и Ерофей с порога заорал:

— Там Филя весь сруб по бревнышку раскатал! Вчистую!

Настя подняла голову, неожиданно прыснула:

— Вот леший!

— Она зубы скалит! Жить-то где будете с Колькой?

- Не нужен ему никакой дом! И венчаться он тоже не хочет.

Ерофей недоуменно спросил:

— А чего же он тогда на коленках стоит?

Настя не без гордости ответила:

— Чтобы я ним в Россию убежала! Революцию делать!

— Чаво?!

— В Россию... Революцию делать.

Ерофей остолбенел, еле выговорил:

— Революцию?! — Кинулся к двери, заорал:— Петруха-а!.. Васька!.. Спиридо-он!.. — Спихавшись, он повернулся к Насте: — Постой-постой... А кто же ему про эту... про революцию-то сказал?.. Ты?!

Он замахнулся, чтобы ударить дочь, но Настя так глянула на него, что рука у Ерофея застыла в воздухе.

— У-у-у... — застонал он в бессильной ярости. — Уродил идолище на свою голову!

Он махнул рукой, сел на лавку и... заплакал.

Из последних сил стоял на коленях Николай. Он слышал неразборчивые крики и шум, доносившиеся из избы Соломиных. Потом шум и возню на их дворе.

Наконец с треском распахнулись ворота и на улицу вылетела телега, запряженная парой коней. В телеге сидели Ерофей, Петр, Василий и Спиридон.

Ерофей на секунду задержал коней. Братья прыгнули на землю, схватили Николая, бросили его в телегу. Прыгнули в нее сами. Кони помчались к выезду из села. Братья держали обессиленного Николая, наперебой кричали ему в лицо:

— Мы тебе покажем, как Настю увозить!

— Мы тебе покажем революцию!

— В реку его!

Ерофей, обернувшись, попросил:

— Тише, сынки, тише!..

Ерофей осадил коней у обрыва, под которым стоял когда-то ветроход Родиона. Теперь на воде чернели большие лодки, в которых перевозили скот и сено.

Братья прыгнули на землю, сбросили Николая. Он с трудом поднялся, разогнул затекшие ноги. Ерофей тоже не спеша спустился с телеги, шагнул к Николаю.

— Ну, вот что, родимый... Настю тебе не видать!.. А сам садись-ка в любую лодку и поезжай с Богом. В Россию... революцию делать...

— А не уедешь — убьем! — сказал Петр.

— Да! Вот тут и утопим, — подхватил Спиридон.

Николай с презрением оглядел всех, спокойно сказал:

— Я без Насти никуда не уеду. Испугались революции-то? Скоро всех вас укоротят! Хватит остяков давить!

— Заткнись, гад! — завизжал Спиридон. И ударил Николая в пах. Николай согнулся, а потом, разгибаясь, развернулся и со всей силой хватил Спиридона в ухо так, что тот отлетел, рухнул с обрыва, покатился с десятиметровой высоты и шлепнулся на песок у лодки.

К Николаю метнулся Василий. Николай упал ему под ноги. Василий споткнулся и также покатился с обрыва вниз, к своему брату. Петр упал на Николая и начал его душить. Николай вывернулся, обхватил его руками, они покатались и тоже сорвались с обрыва.

На песке все три брата навалились на обессиленного Николая, начали его избивать.

Ерофей ходил вокруг, приговаривал:

— Легче, сынки, легче... Не до смерти!

Братья схватили за ноги избитого Николая, поволокли его по песку, бросили в лодку. Сорвали цепь, спихнули лодку в воду.

Николай приподнялся в лодке и хрипло прокричал:

— Я еще вернусь!.. Я вас всех достигну!

Тяжелая палка просвистела в воздухе, ударила его в лоб. Николай рухнул на дно лодки. Затих.

Братья Соломины, тяжело дыша, смотрели ему вслед..
Наверху, на обрыве, крестился Ерофей.

Алодка, влекомая течением, виляя и покачиваясь, уплы-
вала вдаль, таяла в сумерках.

Афанасий, размашисто работая топором, подрубал оче-
редное дерево на своей дороге.

Топор смачно вонзался в белую древесину, летела щепа —
толстенный ствол держался сейчас на недорубке толщиной в
ладонь: пора было валить.

Афанасий отложил топор, примерился, поплевал на руки,
дышать ему было тяжело, пот заливал глаза. Он привалился к
стволу и налег. Дерево не поддавалось. Афанасий натужился,
жилы вздулись у него на лбу, на шее, он зажмурил глаза, и
вдруг руки его безвольно упали, он привалился лицом к теп-
лой коре, задышал сильнее, чаще, глухо простонал, потом от-
толкнулся от дерева и пошел, не видя перед собой ничего,
загребая ногами.

Он хватал ртом воздух, глаза его вылезли из орбит. Рванув
на груди рубаху, он задышал еще чаще, воздух с охриплым
свистом вырвался из его груди. Ноги подкосились, и он с
размаху упал впередлицом вниз, потом перекатился на спину.

Широко раскинув руки, он лежал с раскрытым ртом, си-
лясь вздохнуть.

Высоко над ним, над черной кроной кедра ясным светом
сияла его заветная звезда.

Афанасий больше не дышал. Взгляд его тускнел, и звезда
дрожала, трепетала, как потухшее пламя свечи... И вдруг мо-
гучая крона подрубленного кедра дрогнула и медленно пошла
вниз все быстрее и быстрее...

Высокий кедр рухнул, накрыл мягко, похоронил под своей
широкой темной кроной Афанасия Устюжанина...

Ночь. Храп и посвист в доме Соломиных. Все угомони-
лись и крепко спали в этот предрассветный час.

В своей горенке у двери стояла одетая Настя с карабином
на плече и котомкой в руках. Она долго прислушивалась. Тихо
пропела дверь. Настя замерла на секунду, шагнула в спальню,
где стояла кровать отца с матерью. Настя на цыпочках прошла
дальше, около самой кровати скрипнула половица... Ерофей
взметнулся, громко гукнул, как филин, невидящими глазами
в упор посмотрел на Настю. Настя обмерла... Ерофей снова
упал на подушку.

Передохнув, Настя пошла дальше, минуя во тьме спящих
братьев, сестер. Только трепетный свет лампадки освещал ей
путь.

Настя выскользнула из избы в сени, прикрыла за собой
тяжелую дверь.

Настя легко сбегала с крыльца, пересекла двор и стала
отпирать калитку.

На улице в темноте вдруг кто-то крепко схватил ее за руку,
рванул с дороги к забору. Настя тихо вскрикнула и увидела
близко склоненное к ней лицо Фили.

— Ты куда?

— Пусти меня, Филия.

— Не пущу! Знаю, куда ты бежишь.

Настя вдруг крепко поцеловала Филию в губы. Он обмяк,
отпустил ее руку. Она ласково погладила его по голове.

— Прости, Филия. Я не люблю тебя. Ты хороший парень. А
я люблю его. Жизни мне без него нет...

Она повернулась, побежала.

Филия стоял не двигаясь, смотрел ей вслед.

Настя выбежала из ворот села, остановилась, в последний
раз посмотрела на свой дом, перекрестилась и побежала через
луг наискось к реке.

Настя бежала, летела по берегу...

То поднимаясь на кручи, мелькая среди деревьев, то спус-
каясь снова к воде, по белому песку берегового откоса, то по
мелкой воде залива, поднимая брызги и распугивая рыб...

Ей долго нужно было бежать, и она, не останавливаясь ни на секунду, бежала... бежала... бежала, обгоняя текущую воду...

Темная лодка, покачиваясь, плыла по реке, на дне ее в полузабытьи лежал Николай.

Лодка то цеплялась за отмели, и ее разворачивало. То тихо пересекала широкий плес, то мчалась быстрее по стремнине, когда суживались берега реки.

С каждой секундой светлело небо. Первая розовая полоска зари обозначалась впереди.

В волнах заревого света, среди белых берез, среди темно-зеленых таежных елей бежала Настя.

Она выбежала на обрыв — увидела лодку с Николаем, которая выплывала навстречу ей из-за поворота.

Настя шагнула в воду, прошла по отмели. Намокший подол платья потемнел.

Лодка приближалась. Настя зашла по грудь в воду, поплыла. Она плыла по-мужски — широкими взмахами.

Уцепилась за борт, перевалилась через него — там, на дне, лежал Николай. Настя залезла в лодку, легла рядом со своим суженым, приговаривая нежные слова, обняла его, прижалась.

Николай застонал.

Настя заплакала, расстегнула на Николае рубашку.

А на груди Николая на кожаном ремешке висели два тускло поблескивающих, соединенных между собой звена цепи. Той самой цепи, на которой томился когда-то в сыром каземате верный последователь Томмазо Кампанеллы, политический каторжник Родион Климентов.

Лодка покачивалась на слабой волне, уплывала все дальше. Она уносила Николая и Настю навстречу солнцу, поднимаящемуся над могучей рекой. Уносила навстречу большой и счастливой жизни.

Часть вторая

ИСХОД

Кинохроника.

Фотодокументы.

На полях страны еще бушевали битвы.

Фронты Гражданской войны.

Последние пароходы интервентов. Бегство из Мурманска.

Бегство из Крыма.

Победа!

Декабрь 1920 года. Восьмой Всероссийский съезд Советов.

Выступает Ленин:

«Дело с нефтью идет хорошо, и мы начинаем становиться на собственные ноги и с топливом...»

План ГОЭЛРО.

Награждение бакинских рабочих орденом Красного Знамени за самоотверженный труд по обеспечению Советской страны нефтью.

Улыбаются гордо посланцы Азербайджана.

Но в стране царили разруха и голод.

1921 год.

Разбираются взорванные железнодорожные составы.

Рабочий трудится, не зная отдыха.

Крестьянин трудится, не зная отдыха.

Детердинг настолько уверен в скором падении Советов, что скупает по дешевке акции и права на нефтяные разра-

ботки у бывших владельцев — Манташева, Нобеля, Лиано-
зова.

В то же время он не скупится на финансирование подрыв-
ной деятельности и террористических актов в Закавказье.

Взорванное здание партийной школы.

У стены трупы, накрытые рогожей.

Зверски замученный милиционер.

Пожар ремонтных мастерских.

Чекисты осматривают трупы сгоревших при пожаре.

Апрель 1922 года.

В это же время начиналась война между двумя нефтяными
магнатами — Детердингом и Рокфеллером. Компания «Ройял
датч-Шелл» предъявила ультиматум «Стандард ойл», угрожая
снизить цены на нефть на мировом рынке.

Война самая настоящая!

Развернулась она в Мексике.

Президент Пасейро Диац убит.

В результате переворота диктатор Мадейра — ставленник
Детердинга.

Мадейра убит. Тело распростерто в луже крови в кабинете.

Оружие путчистам покупалось на деньги Детердинга.

Гора расстрелянных.

Женщины бьются над телами.

В нефтяной порт Тампико входят американские военные
корабли.

Угрюмо смотрят мексиканские докеры на сгруженные с
судов пушки и ящики с боеприпасами...

А Россия оживала после стольких лет разрухи, голода!

Пошли нефтеналивные суда под советскими флагами.

Покатились составы с нефтью.

На мировой арене появляется новая сила — советская
нефть. Революционная страна изъявляет готовность торго-
вать нефтью на мировом рынке.

После стольких боев!

Первый трактор.

Первый автомобиль.

Электрическая лампочка на селе.

Первая борозда.

Улыбается крестьянин.

Кадры из фильма «Старое и новое» Эйзенштейна.

Страшное горе постигло страну — Ленин умер!

Скорбит мир.

Тысячи людей. Зимний морозный рассвет.

Кадры из фильма «Три песни о Ленине» Вертова.

Ленинский призыв в партию.

Красноармейцы принимают присягу.

Рабочий врубает станок.

Страна строит новую индустрию.

Страна строит новую культуру.

Страна строит новое государство!

Маяковский на трибуне.

Тысячи людей — его слушатели.

Новая школа — приехала Крупская.

Рокфеллер предпринимает стратегический ход против Де-
тердинга — он покупает у СССР миллионы тонн нефтепро-
дуктов.

Сэр Детердинг в гневе! Страну Советов надо уничтожить,
пока она не окрепла. Он принимал участие в организации и
финансировании нового похода Антанты. Его усилия совпа-
дают с интересами мирового капитала.

Задача — втянуть в военный конфликт.

Цель — уничтожить.

1927 год.

Нападение на торговое представительство в Лондоне.

Выбитые окна. Раненые, окровавленные люди.

Демонстрация протеста.

Дипломатические отношения СССР и Великобритании пре-
рваны.

Убийство советского полпреда в Польше Войкова.

Нападение на советское консульство в Нанкине.

Выломанные двери. Ветер гонит обрывки бумаг.

Китайские полицейские выводят с руками на затылке советских дипломатов.

Белоказаки стоят под ружьем в Маньчжурии.

Китайские милитаристы захватили КВЖД.

Предательство Чан Кай-ши китайской революции.

Стремление мирового империализма втянуть Советский Союз в мировой военный конфликт.

Сжигают на площади чучело Детердинга. Тысячи людей на митинге.

Наши танки.

Боевые самолеты.

Наша армия.

Наши военачальники.

1928 год.

В своем роскошном поместье Детердинг организовал королевскую охоту на глухарей.

На эту охоту был приглашен Рокфеллер.

Вот они позируют с ружьями — два благопристойных джентльмена...

На этой встрече был заключен договор — внешне продолжать войну для поддержания высоких цен на нефть, а на самом деле объединиться в крупнейший нефтяной картель. В него вошли американские и английские компании.

Сэр Генри Детердинг:

«Кто захватит нефть, тот захватит власть!»

Германия. Провокация фашистов-чернорубашечников.

Сборища на улицах. Полиция не вмешивается.

1930 год.

Парламент Аргентины национализировал природное топливо и его разработки.

Сэр Детердинг посоветовался с мистером Рокфеллером.

Военный переворот в Аргентине, закон о национализации отменен...

* * *

А здесь, в Елани, все было по-старому...

Шумела тайга, как и сотни лет назад.

Елань стояла, окруженная частоколом, запертая от сторонних людей знакомыми нам тяжелыми резными воротами. Тишина...

Но вот по воде откуда-то издалека донеслась никогда не петая здесь песня:

Мы красные солдаты,
За бедный люд стоим,
Свои поля и хаты
Мы в битве отстоим.

По реке к селу, тарахтя мотором, двигалась большая лодка-баркас. В лодке сидели двое — тридцатилетний Николай Устюжанин со своим десятилетним сыном Алешкой. Они громко и весело горланили:

Все пушки-пушки грохотали,
Трещал наш пулемет,
Бандиты отступали,
Мы смело шли вперед...

На Николае военная фуражка, длинное черное пальто, подпоясанное широким ремнем с кобурой. На Алешке старенькая куртка и засаленная кепка с переломанным козырьком.

Мы долго голодали
По милости царей,
И слезы мы глотали
От тяжести цепей...

Они подъехали к берегу, привязали лодку к мосткам. Закинув за плечи вещевые мешки, зашагали в гору, к селу.

Все пушки-пушки грохотали,
Трещал наш пулемет,

Бандиты отступали,
Мы смело шли вперед...

Отец с сыном шли в ногу, громко пели. Резные ворота надвигались на них. Вокруг ничего живого не было видно...

Настало время, братья,
Всех палачей разбить,
Чтоб старый мир проклятый
Не смог вас задушить!..

Все пушки-пушки грохотали...

Внезапно грохнул выстрел, с головы Николая сорвалась фуражка. Оба упали на землю, залегли.

— Что это, папаня?.. Белые? — тихо спросил Алешка.

— Не признали, — усмехнулся Николай, вытащил наган, подождал, потом крикнул: — Что же вы, паразиты, делаете?! Мы же свои!..

Медленно, со скрипом стали открываться ворота.

За ними стояли несколько человек.

Николай с Алешкой подошли, увидели среди других Спиридона, Петра, Фрола с карабинами в руках.

— Что ж так плохо стреляете? — усмехнулся Николай. — Разучились?

— Пока пугали, — ответил Спиридон.

— А зачем пугать-то?

— Тревожат часто, вот и пугаем.

— Бандиты?

— Всякие... — Он разглядывал, узнавал Николая. — пожаловал?

— Пожаловал, — сказал Николай, глядя в глаза Спиридону.

— А где Настька? — спросил Петр.

— Нет Насти... — Николай вздохнул.

— А где она? — спросил Спиридон.

— Расстреляли... Белые.

— Загубил дочку, варнак! — послышался глухой старческий голос.

Мужики расступились, и Николай увидел старого Ерофея. Ерофей, опираясь на палку, вышел вперед, глядя из-под серых бровей на Николая.

— Не уберег, значит...

Николай молчал, потом, жестко улыбнувшись, скинул фуражку и поклонился в пояс Соломиным:

— Здравствуйте, сродственнички. Низкий поклон вам за то, что побили меня тогда и выкинули из деревни... Зато к людям попал... Ума-разума набрался! А теперь вот! — Он вынул из кармана гимнастерки бумагу. — Мандат мой от советской власти!.. Это «наган» к нему! — Николай вытащил и показал вороненую сталь. — А вот это сын мой, Алексей Устюжанин! Приехали к вам. Новую жизнь будем строить!

Николай надел фуражку, надвинул до самых глаз.

Сродственники озадаченно молчали.

Николай взял сына за руку и попер прямо на Ерофея. Тот вынужден был уступить ему дорогу, что в этих краях не особенно любили делать.

Николай направился по улице к своему дому.

— Слышь... погоди!.. — растерянно крикнул Ерофей. — Поговорить надо!

— Завтра приходите. Поговорим! — ответил Николай. — Сегодня спать буду!..

Утром в избе Устюжаниных сидели мужики. Молчали, курили, ждали, пока проснется Николай.

Тот храпел на пустой деревянной кровати, накрывшись своим черным пальто. На полу рядом стояли его сапоги.

В доме было пусто. Кроме кровати, на которой спал хозяин, тянулись по стенам лавки и стоял почерневший большой стол из рубленых плах.

Алешка, стоя на лавке, приколачивал к стене большой плакат. На нем был изображен красноармеец. Он смотрел на мужиков неистовым строгим взглядом, вперяя в них свой указательный палец.

Мужики невольно ежились, поглядывая друг на друга, отводя глаза.

Алешка прикрепил плакат, прыгнул с лавки, оглядел избу и, подойдя к висевшей в углу иконе, стал ее снимать со стены.

— Что же это ты, бесенок, делаешь? — спросил Ерофей.

— В сарай отнесу!.. Нам нельзя, чтоб она тут висела! Это все опиум для народа!.. — объяснил Алешка, с трудом таща икону к двери. — Бога-то ведь нет!

Мужики оторопело глядели на мальчишку. Один Фрол усмехнулся, покачал головой.

— Это кто же тебе сказал? — хрипло спросил Ерофей.

— Марья Иванна, наша воспитательница в детдоме.

Ерофей привстал и залепил мальчишке подзатыльник.

Алешка бросил икону, подскочил к отцовской кровати, вытащил у него из-под головы «наган»:

— Ты что дерешься, контра?! Враз застрелю!..

Ерофей скорбно глядел на него, покачивая головой.

Фрол сказал:

— Нехорошо, Алексей... Это ж твой дед родной!

— Какой еще дед?

— Отец твоей матери, — пояснил Фрол. — Ты мать-то помнишь?

Алеша опустил глаза:

— Я маленький был, когда она померла...

Проснулся Николай, рывком поднялся, сел, оглядел мужиков, мельком глянул на Алешку с «наганом».

— Здравствуйте, Николай Афанасьевич! — поздоровались те.

— Здорово! Я сейчас, — ответил Николай и прошел к двери. На груди у него на ремешке позвякивали два тускло поблескивающих, соединенных между собой звена цепи.

Мужики молчали. Алешка накрывал на стол. Принес чугунок с картошкой, положил два ломтя хлеба и соль в тряпице.

На дворе Николай подошел к кадке с водой, с размаху опустел в нее голову и туловище по пояс... Постоял так и

вынырнул, шумно отфыркиваясь, потом надел на мокрое тело гимнастерку и, причесываясь костяным гребнем, пошел в избу.

Николай сел к столу, вывалил из чугуна картошку и глянул на мужиков, которые сидели вдоль стены.

— Угощайтесь.

— Спасибо, отобедали.

Николай почистил картошку, макнул ее в соль, начал есть. Алешка примостился рядом.

Мужики смотрели на него, потом Ерофей сказал:

— Значит, так и живешь?

— Как? — не понял Николай.

— Ну вот так. — Ерофей кивнул на стол. — На досках ешь, как беглый какой!.. Без бабы!

— Какая еще баба! — отрезал Николай. — Когда сейчас такой момент!

— Какой момент? — спросили мужики.

— А что, вы разве не знаете?

— Откудова!.. Кто же до нас доберется!

— С прошлого лета никого не было!

— Самый тяжелый момент настал. Плохо в стране. Внутренний враг изнутри точит!.. А снаружи тоже на части СССР порвать хотят... В Англии Керзон, в Маньчжурии казаки атамана Семенова, а тут еще китайцы КВЖД отняли!..

— Значит, война? — спросил Ерофей.

— Пока еще нет, но мирно жить нам не дадут!.. А времени мало! Так что государству оборону крепить надо... круговую! Самолеты нужны, танки, станки всякие. Теперь на нашу Сибирь тоже большая надежда... Ученые люди говорят, что в недрах здешних всего навалом — металлов разных, уголька, нефти. И всего этого нужно побольше и поскорее... Это и есть главная наша задача!

— А ты сам по какой линии пошел? — спросил старый плотник Ермолай.

— Я?.. Я по линии внутреннего врага! — Николай обвел мужиков ясными глазами. — Вырываю с корнем!

— Понятно, — кивнул Ерофей и жестом остановил Спиридона, который хотел что-то сказать.

— Ты там Фильку моего не видел? — поинтересовался Ермолай.

— Видать не видел, но слышал — в армию он подался. Командиром будет!

— И этот тоже, значит, насовсем ушел, — вздохнул Ермолай.

— Значит, начальником будешь вместо Фрола? — спросил Ерофей.

— Да, буду у вас председателем сельсовета. Начнем строить новую жизнь... А для начала есть дело — серьезное, политическое. — Николай перестал жевать, обвел мужиков взглядом. — Куда Гуляева дели?

— Кого? — не понял Ермолай.

— Геолога Гуляева, начальника партии, что нефть здесь искал, а? Только начистоту!

Мужики потупились, отвели глаза, помрачнели. Николай наблюдал за ними.

Ерофей развел руками и, глядя прямо в глаза Устюжанину, сказал:

— Сам знаешь, тайга.

— Ты мне брось темнить, тайгой пугать! Давайте по порядку... Геологи приезжали?

— Прошлой осенью были.

— Буровую ставили?

— Много разных ящиков навезли. Все в лес утащили.

— Куда же все подевалось?

Мужики снова переглянулись, потом один сказал:

— Тайга! Разбежались. Кто в болоте потоп, кто на зверя, может, наскочил, кто сам сбег, и бандиты тут все время шастают! Это тебе не Россия — Сибирь.

Николай прищурился:

— Ну смотрите, мужики, смотрите!..

— Ты погоди, Николай, — примирительно сказал Ерофей. — Сам знаешь, в наших краях приезшему нелегко при-

житься!.. Это мы пообвыкли, а для пришлого наша земля — проклятая!.. А они, мало того, свою каланчу задумали на Чертовой гриве ставить!

— Ну и что?

— Сам, что ли, не понимаешь? Место какое...

— Да вы что, в лесных до сих пор верите? — усмехнулся

Николай. — Вы мне бросьте тут чертовщину разводить!

— Бога нет, чертей тоже! — вдруг громко сказал Алешка.

— Мы туда не ходим!

— Да вы что, и вправду боитесь?

— Сходи сам, узнаешь!

— И схожу. Напарник мне нужен.

Мужики засмеялись:

— А кто с тобой пойдет?

Николай вздохнул и покачал головой:

— Одичали вы здесь совсем!.. Сидите, забором отгородились от мира, от жизни. Страна без топлива задыхается, революция в опасности, а вы тут еще в чертей верите! Ну, учтите, — он постучал пальцем по столу, — учтите, мужики, пока я до дела не дойду, я вас в покое не оставлю! Можете идти.

Мужики поднялись, затолпились в дверях.

— Фрол Захарыч, ты останься, — сказал Николай.

Фрол — черноголовый, из Устюжаниных, — стуча деревянной ногой, вернулся и сел к столу.

— Алешка, сбегай на улицу, поищи товарищей! — сказал Николай.

Они остались вдвоем.

Николай посмотрел на Фрола, помолчал, потом спросил:

— Партийный?

— Нет.

— Сочувствуешь?

— Всем организмом. Красный партизан.

— Лады. Понимаешь ситуацию?

Фрол вздохнул, покачал головой:

— Дело-то больно темное! А меня как раз в это время в Елани не было. К сестре ездил на Кондудом ставить. Приеха-

ли-то они при мне. Рабочие были так, народ случайный, ша-рыги, а начальник вроде мужик толковый, знающий...

— Мужик настоящий, — сказал Николай. — Друг он мне был. Много мне объяснил. И главное — верил, что у нас нефть тут есть! Понимаешь, какое это богатство? Что бы здесь теперь было, если б нашли?! Дорогу бы сюда железную прове-ли, электричество! Люди бы совсем другую жизнь увидели! Будь оно все проклято! — Николай постучал кулаком по сто-лу. — Ну-у, я все равно докопаюсь, а ты мне помоги.

— Темное дело! — опять покачал головой Фрол. — Одно чую — Соломины чего-то знают!

Николай встал из-за стола, надел ремень с кобурой.

— Пошли!

...Они вышли из ворот. К ним подбежал Алешка. В калит-ке соседнего дома стояла рыжеволосая, веснушчатая, с боль-шими зелеными глазами баба лет тридцати пяти.

— Здравсьте, Николай Афанасьич! — застенчиво улыбну-лась она.

Николай остановился.

— Анфиска?

— Узнали...

— Здравствуй, — протянул он руку.

Она неумело подала свою, покраснела от удовольствия.

Помолчали. Она сказала:

— Если что надо по соседству — заходите.

— Спасибо!

Они пошли дальше.

— Ладная бабенка! — крутнул головой Фрол. — Вдова. Ки-рюху в Гражданскую убило! И детей не оставил. Мается одна.

В избе за столом сидели сыновья Ерофея Спиридон, Петр, у стены стояла бабка Дарья.

Напротив через стол — Николай с сыном.

Бабка не отрываясь смотрела на внука.

Ерофей только посмотрел на Дарью. Она начала носить на стол. Поставила расписной штоф, тот самый, которым когда-

то Петр чуть не убил Родиона. Потом понесла шаньги, гриб-ки, пироги, осетрину копченую, разную моченую ягоду и т.д.

Алешка никогда в жизни не видел столько яств сразу. Он неудержимо глотал слюни, провожая широко раскрытыми глазами каждое кушанье.

Бабка Дарья жалеючи глядела на внука.

Николай оглядел стол:

— Ничего живете, подходяще! Сюда бы рабочих и крестьян из России.

— У нас все свое, из тайги, — сказал Ерофей, наливая.

Николай усмехнулся:

— А тайга-то чья?

— Как чья?! Ничья!

— Была ничья, — сказал Николай. — А теперь народная! Ну ладно, об этом потом... Вам еще много нужно разьяснять... Да-вайте о деле.

— Выпьем сначала, чего по-сухому переть!

Николай покачал головой, отодвинул стакан:

— Не пьем!

— Ну хошь поешь тогда пирога горячего! — Ерофей обер-нулся к внуку: — Давай, внучок, с рыбкой!

Алешка посмотрел на отца.

Николай хмуро покачал головой:

— Обедали!

Алешка отодвинул тарелку.

Дарья заплакала, ушла.

— Ну что ж, тогда о деле, — сухо сказал Ерофей. -- Ты на Чертову гриву лучше не ходи! Проклятое это место... Живым оттуда трудно выбраться.

— Странные тут дела. Ну ладно, с Чертовой гривой я сам разберусь. Ну а вы-то что, и вправду не знаете, куда Гуляев делся? Может быть, убили его?

— Может, убили, а может, и нет... — сказал Ерофей, пере-глянувшись с сыновьями.

— Если не убили, тогда где он? Уж кто-кто, а ты, Ерофей Павлович, должен знать!

— Не знаю, нет.

— Врешь! — резко выкрикнул Николай.

Ерофей помолчал.

Спиридон сказал:

— Это что, у вас, партийных, так заведено — на старших орать?

— погоди! — сказал Ерофей.

Николай встал.

— Значит, разговора не получилось. Пошли, Алеха! — От порога он обернулся и весело сказал: — Ну, родственнички, не дай Бог, если с Гуляевым что-нибудь по вашей вине случилось!

Утром Николай проснулся на своей незастланной кровати, потянулся к табурету взять штаны и вскочил в испуге — одежды на месте не было, сапог тоже. Николай сунул руку в изголовье и облегченно перевел дух — оружие было на месте. Он покрутил барабан — все семь патронов сидели в гнездах.

Из горницы доносилось шлепанье мокрой тряпки о пол.

Николай накинул на голое тело свое черное пальто, которым он накрывался, и выглянул из светелки. То, что он увидел, повергло его в изумление.

Стол был сдвинут в сторону, и какая-то баба с подоткнутым подолом мыла полы. Николай посмотрел на ее белые ноги и спросил:

— Ты чего здесь делаешь?

Баба выпрямилась, откинула рыжие волосы тыльной стороной ладони и улыбнулась. Это была Анфиса.

— Проснулись? — спросила, в свою очередь, она.

— А где Алешка?

— Здесь я, папаян! — раздался звонкий голос с кухни. — Картошку варю!

Николай повернулся к Анфисе:

— Одежку мою ты взяла?

— Во дворе, скоро высохнет!.. Да вы спите, рано еще!

Николай досадливо покачал головой:

— Рано! Я и так проспал! — И он вышел.

Совершив умывание в бочке по своему нехитрому способу, он натянул на себя мокрые портки и гимнастерку, снял с кольев вымытые сапоги. Причесываясь костяным гребешком, пошел в дом.

Как и вчера, Алешка опрокинул на стол чугунок с картошкой, достал воблу.

— Садись с нами, — пригласил Анфису Николай.

Анфиса села за стол, стала ловко чистить картошку. Подала Алешке, Николаю, потом очистила себе. Сказала, улыбувшись:

— Плохо живешь, начальник.

— Не хуже других.

— Ладно уж. Пирогов вам сегодня напеку. Только печь плохо тянет. Дымоход засорился.

— Надо почистить.

— А ершик у тебя есть?

— Найдется, — улыбнулся Николай.

Они замолчали... Ели, поглядывая друг на друга...

На следующий день утром Николай и Алешка выходили за ворота деревни. Их провожал Фрол.

— Мы к обеду вернемся, — сказал Николай.

— Не зарекайся. Чертова грива — это и есть Чертова грива! А может, не пойдете одни-то?

— Да я дорогу примерно помню.

— Пойти бы мне с вами...

— Да куда тебе с деревяшкой!

— Это точно — не пролезу!

— Ну, бывай!

— Поосторожней там!

Николай махнул рукой.

Они подошли к кладбищу. На старых могилах чернели покосившиеся кресты. А на дощечках по всему кладбищу только и значились две фамилии: Устюжанины и Соломины.

Они остановились у могилы с большим резным крестом.
— Папаня, а ведь кресты над могилами — это тоже религия. Надо бы их порубить!

— Помолчи...

Алешка замолчал, рассеянно разглядывая могилы.

Николай же, наоборот, сосредоточенно думал о своем. Шумели деревья, звонко пели птицы.

Николай развернул Алешку к реке, обвел рукой все вокруг и, глядя вдаль, сказал:

— Вот это и есть наша Родина, сынок! Хорошего мало, а все равно дорожке ее не найти. Эх, Алешка... Думал я, мечтал... Сделаем революцию и сразу будем здесь Город Солнца строить! Да, видно, мне не судьба. Пока еще черной работы по горло. Это уж тебе придется...

Они вышли на Афониноу дорогу. Она уходила вдаль, прямая, разрезая тайгу надвое.

Николай остановил Алешку:

— Гляди! Это дорога наша, устюжанинская! Ее мой отец, а твой дед, рубил. Так и зовется она — Афониноу дорога! Десять верст с половиной прошел. Всю жизнь рубил, на ней и помер!

— Куда дорога-то? — спросил Алешка.

— На звезду вел... Вон там над ней вечером встает звезда. Светила она ему, он на нее и шел.

— Один рубил?

— Один. Я дурак был молодой — мало помогал... А то бы еще дальше провели!

Он взял сына за руку, и они пошли по дороге.

— А ты будешь ее дальше рубить?

-- Конечно! Только теперь мне люди помогут.

— Я тоже тебе буду помогать! Всегда. Правда, папаня?

Николай положил ему руку на плечо.

Они уходили по дороге все дальше и дальше в глубь тихой, замершей тайги.

Теперь они пробивались через бурелом и валежник, через чащу злых колючих деревьев.

Алешка старался не отставать от отца.

— Без дороги-то совсем плохо! — пыхтя, сказал он.

— Не дурак твой дед был!

Алешка огляделся:

— Папаня, по-моему, мы здесь уже были!

— Молчи, Алешка, молчи — сейчас разберемся!

— Мы заблудились, да?

— Замолчи! — рассердился Николай.

Небо заволкло тучами. Пошел мелкий моросящий дождь.

В лесу стало совсем темно и страшно...

Они продирались сквозь сухой, мертвый лес. Ветви цеплялись за одежду, царапали лицо, руки.

Николай посмотрел на небо.

— Этот дождь не скоро кончится! — Он остановился и решительно повернул. — Пошли назад!

— Куда назад?

— Куда-нибудь туда! — Николай прошел несколько шагов, в растерянности остановился и вдруг громко закричал: — Эй!.. Э-эй-й!!

Ответа не было.

Алешка захныкал.

— Ты чего? — строго спросил Николай.

— Пропадем! — сказал Алешка.

— Я же с тобой — ты не бойся! — сказал Николай.

— Я не боюсь.

— Два дня будем ходить, три — все равно куда-нибудь выберемся! «Наган» есть, спички тоже... Не пропадем!..

Они снова двинулись через сухой лес и скоро вышли на пологий, изломанной линией уходящий в глубину тайги холм. За деревьями чувствовалось свободное пространство.

Николай и Алешка поднялись, и перед ними открылось огромное болото.

— Вот она, Чертова грива, — сказал Николай. — А где ж буровая?

Болото простиралось до горизонта. Редкие деревья, покосившись, торчали над его темной поверхностью. Николай

шагнул вперед, пробуя кочку. Она выдержала. Он шагнул еще раз и сразу же провалился по пояс в густую черную жижу.

Алешка отпрынул.

Николай стоял по пояс в болоте, глядел в небо. Верха деревьев почти касались мрачного низкого неба.

— Папаня, а ведь мы не выберемся! — с тоской сказал Алешка.

— Подай сук! — сказал Николай.

Алешка протянул ему толстую ветку. Николай осторожно стал выбираться. Из черной болотной жижи с бульканьем побежали пузыри. Они поднимались на поверхность в разных местах.

— Пахнет нехорошо, — поморщился Алешка.

— Да, дух тяжелый, — кивнул Николай.

Он выбрался на твердое место и огляделся:

— Нам туда не пройти. И буровой что-то не видно...

— Пойдем домой, — сказал Алешка, — у меня голова болит.

— Надо местность разведать, — сказал Николай и полез на здоровую раздвоенную ель.

Обламывая сапогами мелкие сучки, он все время срывался, но упорно лез наверх.

Алешка смотрел на него, съежившись от холода.

Какой-то шорох привлек внимание Алешки. Он глянул в сторону и окаменел.

Среди переплетенных сухих ветвей смутно виднелся кто-то маленький, приземистый, с горбом...

— Папаня, — в ужасе закричал Алешка, — папаня!!

Посыпались сломанные ветки, и Николай сверзился на землю.

— Ты что?

— Там...там... кто-то... — лепетал Алешка, указывая пальцем.

Николай выхватил «наган», побежал и скоро вернулся:

— Показалось... — Лицо его было поцарапано, гимнастерка порвалась. — Давай сучья собирай, обсушимся, отдохнем...

Они начали собирать валежник, складывать костер у самого края болота.

— Тяжело дышать, — сказал Алешка, — чем это воняет?

Отец не отвечал. Он, застыв, косил глаза в темноту под деревьями.

— Ты что? — шепотом спросил Алешка.

— Н-ничего... Посиди, я сам наломаю...

Николай, снова замерев, прислушался.

Алешка хотел что-то сказать, но отец сгреб его в охапку и, зажав ему рот рукой, прижался с ним к стволу дерева.

Он затаил дыхание. Пот выступил у него на лбу.

Под чьими-то приближающимися шагами похрустывал валежник.

Николай выпустил Алешку и кинулся из-за дерева в чащу.

— Стой! — крикнул он, выхватывая «наган».

Алешка, замерев, слушал.

Потом раздался выстрел. Кто-то пронзительно заверещал, жалобно выкрикнул:

— Не надо!.. Не надо!..

Появился Николай. Он тащил за собой упирающегося маленького раскосого человечка с мешком за плечами. Усадил его рядом с кучей хвороста.

— Ты кто такой?

— Федька я, Федька...

— Помню. — Николай приблизился к Федьке, принялся.

Сморщившись: — Даты пьяный совсем!

— Правильно, начальник, осень пианы!

— Где буровая вышка?

— Там! Там... — Хант махнул рукой в сторону болота, над которым поднимались испарения необычного желтого цвета. — Туда не пойдешь... Пусто, народ нету — ушел народ... Очень проклятый земля! — И Федька радостно засмеялся.

— А ты начальника знал, Гуляева?

— Знала, знала, — закивал Федька головой и снова улыбнулся. — Хороший был начальник!

— А где он сейчас?

Федька хитро улыбнулся.

— Федька не знает, Соломин знает, Соломина спроси! — Федька развязал мешок и достал четверть. — Выпить надо!

И он протянул бутылку с мутным самогоном Николаю.

— Откуда это у тебя? — спросил Николай.

— Соломина давал. Спиридон... Моя друг!

— За что?

Федька подмигнул и улыбнулся:

— Любит Федьку! Сейчас чум ходить, жинку поить, старуху поить, малых деток тоже поить — все спать ложатся...

Николай привстал и с размаху хватил четверть о дерево, вдребезги разбил.

Федька замер на секунду, потом обхватил голову руками и заплакал как ребенок:

— Что наделал, начальник! Бедный, бедный Федька! Полгода работал, полгода ходил тайга, соболь стрелил семь штука, куница стрелил десять штука, белка стрелил — не считал. Все Соломина давал за огненный вода... — Федька кинулся и из оставшейся стекляшки стал вылизывать самогон, раскровив губы.

— Значит, Соломины продолжают свое, — сказал Николай, доставая спички. — Ну ничего... разберемся! — Он зажег спичку, поднес к валежнику.

— Не надо! Не надо огонь!! — заверещал Федька, кидаясь к Николаю.

Но было уже поздно — валежник вспыхнул, загорелся, словно облитый бензином, и пламя тут же перекинулось на воду. Синие языки заплясали по воде, разбегаясь во все стороны.

Николай и Алешка, отпрянув, оцепенели.

Федька кинулся на колени и пронзительно завыл какие-то заклинания, стучаясь головой о землю.

— Что это... папаня? — прошептал Алешка.

— Кто его знает. — Николай сам был ошеломлен. — Газ, что ли, какой... А может, еще что... — Он поднял Федьку. — Пойдем, покажешь дорогу.

— Нга! Нга... Злой дух Нга! — повторял Федька испуганно. — Нельзя огонь!.. Сегодня Нга добрый, совсем мало огонь!.. Когда Нга злой — все в огне погибай!..

Алешка, держась за отца, уходил, оглядываясь на болото. Огни, танцующие на поверхности ряски, убежали к горизонту, вдаль. Чем дальше они убежали, тем больше их становилось, они множились, и сухая сосна, что была в полукилометре от берега, вдруг занялась и беззвучно запылала...

— Ну что же вы! — укоризненно всплеснула руками Анфиса, встречая входящих в избу Николая и Алешку. — Совсем запропастились!.. Три раза печку растапливала! Проходите...

— Там огни горят на болоте! — закричал Алешка и вдруг замер на месте, потому что увидел стол.

Чего тут только не было! И маринованные грузди, и сметана, и пирожки, и сотовый мед.

Атешка стоял словно замороженный, не в силах оторвать глаз.

Николай стоял рядом.

— А это что, папаня?

— Это пирог с осетриной.

— А это?

— Это вроде медвежий окорок.

— А это?

— Я сам забыл, вроде с творогом...

Анфиса внесла огромную миску с дымящимися пельменями.

— А это что?! — закричал Алешка, указывая на миску.

— А это, брат... — Николай безнадежно махнул рукой, — сейчас узнаешь! — И попросил Анфису: — Мне бы руки сполоснуть...

— В сенях, сейчас солью.

В полумраке сеней Анфиса зачерпнула ковшом и стала поливать Николаю на руки. Потом подала чистый рушник.

Он глянул на богатую вышивку. Таким чистым полотенцем он не вытирался со времен Насти.

У Анфисы в полутьме светились зеленые глаза. Она протянула к нему руку и оторвала висящую на нитке пуговицу на кармане гимнастерки.

— Ужо пришью, — сказала она шепотом.

— Шесть лет мне баба полотенце не подавала, — тихо сказал Николай.

— Тяжело, — шепотом отвечала Анфиса.

— Чего мужа-то себе не подобрала?

— Не всякий мил, кто глаза пялит.

— На Настьку ты мою похожа, — сказал Николай, глядя ей в глаза.

Анфиса не опустила взгляда.

— Чай, сестра двоюродная.

Николай вернул рушник.

— Проходи. — Она прижалась к дверной коробке, загордив проход.

Николай, опустив глаза, протиснулся в избу...

...Алешка, откинувшись к стенке, сидел на лавке. Он хватал ртом воздух и разглядывал свой набитый пельменями живот.

Николай сидел, положив голову на руки, и многозначительно глядел на Анфису.

— Ты пирожка еще попробуй, Алешенька, — сказала Анфиса.

Тот помотал головой:

— Не могу, тетя Анфиса, я лучше с собой возьму, можно?

— Дурачок, завтра придешь, я тебе подогрею...

— Ну, спасибо, — вздохнул Николай, поднялся. — А то у него глаза слипаются.

Анфиса встала проводить гостей. На пороге взяла Николая за рукав и просто сказала:

— Может, останешься?.. Я бы баньку затопила...

Николай молча освободил руку и, покачав головой, пошел за Алешкой.

Изба Устюжаниных сиротливо темнела пустыми углами. Николай зажег лампу, сел за пустой стол, закурил

Алешка потянулся:

— Здорово наелись! Как буржуи — от пуза!

Николай кивнул.

— Папань, а папань... — сказал Алешка.

- Что?

— А хорошо буржуем быть... иногда, правда?

Николай сверкнул глазами и вlepил сыну затрещину. Тот отскочил и закричал:

— Ты что дерешься? Сам жрешь, а дерешься?!

— Ишь ты! В буржуи захотелось! - выкрикнул Николай. - А ну марш спать!

Алешка полез на печь.

Николай задумчиво глядел на огонь лампы. Потом сказал:

— Надо бы тебя кормить хорошо, да не могу! Жизнь наша с тобой другая...

Сын не отвечал.

— Алеш! — позвал Николай.

Ответа не было.

Николай затушил папиросу.

— Ладно, спи. Я скоро вернусь.

Он затушил лампу, вышел.

На крыльце своего дома стояла Анфиса. Она словно ждала его. Устюжанин поднялся по ступенькам Анфиса протянула руки и тихо сказала:

— Иди ко мне.

Потом они лежали в темной светелке на широкой лебяжьей перине. Николай курил, а Анфиса, положив голову ему на грудь, разглядывала его лицо, гладила морщины...

Свет керосиновой лампы из горницы слабо освещал ее влажные губы, широко раскрытые глаза, мягкое, рассыпавшееся по белым плечам золото волос.

И еще лампа освещала слезу, катившуюся по щеке Николая.

— Не тужи, не плачь, — говорила Анфиса. — Все будет хорошо. Ты просто устал от этой своей жизни... надорвался. Я тебя выхожу, вот увидишь!.. Ты поверь, я все равно сейчас самая счастливая — ты мой! Мой!..

Николай не отвечал, только вздохнул.

И она вдруг запела тихо и ласково:

Свила птаха гне-е-здышко

Не в кусте осиново-ом...

Она глянула на Николая и снова начала:

Свила птаха гнездышко

Не в кусте осиново...

Николай стал тихо подпевать:

Свила его пташечка

На розовом кусте...

В пустой горнице потрескивала лампа. На столе стояла неубранная посуда. А из светлицы лилась старинная сибирская песня, которую пели Анфиса и Николай:

Шла к обедне вдову-у-шка,
Черный плат накинула,
Черный плат накину-у-ула,
В малиновый развод...

В дверь поколошматили.

Анфиса, оправляя на себе платье, пробежала из светелки к дверям.

— Кто там?

— Соломины, открывай!

В горницу вошел Ерофей с сыновьями — Спиридоном и Петром. Под мышкой у Петра тускло блестела полная самогонная четверть. Все трое были заметно навеселе.

Из светлицы, застегивая гимнастерку, вышел Николай.

Ерофей кинул Анфисе большую связку соболей, та едва поймала.

— Вот тебе, молодуха. На обзаведение, — довольно сказал старик. — Шубейку соберешь.

Гости прошли к столу, не дожидаясь приглашения, рассаживаясь.

Ерофей глянул на Николая:

— Вот вы, нонешние, — все не так! Нет чтобы по-христиански обвенчаться, свадьбу сыграть путем, а уж потом черта тешить! Собирай стол, племянница, поздравим вас по-родственному!

Анфиса засуетилась, Николай присел к гостям.

Петр разливал первач по стаканам, Ерофей подмигнул Устюжанину:

— Ведь ты, Николай, с нами второй раз роднишься! Значит, судьба никуда от нас не деться!

Подняли стаканы, затихли. Старик Соломин сказал:

— Настьку не уберег — Бог тебе судья! А уж Анфиску береги!

Чокнулись, выпили.

Ерофей понюхал соленый грибок и кивнул Устюжанину:

— Ты мужик толковый, только упрямый больно!

— Это точно, — кивнул Николай. — Так где же все-таки Гуляев?

— Дался тебе этот Гуляев! — добродушно всплеснул руками Ерофей. — Да на что он тебе теперь?

— Значит, знаете, где он?

— Ну, знаем, — сказал Спиридон.

— Жив он? — спросил Николай.

— Хорошо ему, хорошо, — сказал старик. — Не хуже, чем тебе!

И Соломины рассмеялись, переглядываясь.

— И ему хорошо, — сказал Спиридон, — и нам тоже! Слава Богу, не нашел он ничего, а нашел бы он эту нефть или что там... понастроили бы дорог, наперлось бы сюда голодранцев

со всей Руси, все разорили бы, вошь тифозную завезли, заразу... Такая бы жизнь началась!

— Прекрасная жизнь, — сказал Николай. — Приехали бы люди, электричество бы провели, город открыли, школу, больницу...

Спиридон усмехнулся:

— То-то ты от этой жизни — не успел приехать, к Анфисе в перину нырнул!

— Цыц, ты! — сказал Ерофей. — Тебе бы в его шкуре побывать — понял бы!

Николай стиснул зубы, помолчал, потом обернулся к старику:

— Где он? Где Гуляев?

— От тебя скрывается... В тайге. Вы же вон какие горячие: как что — сразу за «наган»! А в чем его вина? Искал он нефть вашу, не нашел, рабочие его разбежались! Измучился он вконец, заболел, плюнул он на вашу идею и решил здесь по-человечески пожить!

Николай покачал головой, сказал:

— Не может быть, чтобы Мишка Гуляев предал! Мы же его год ищем!

Спиридон торжествующе гоготнул:

— Да вам его не сыскать! Он в такие места ушел! Вам туда в жизни не добраться!

Устюжанин оглядел всех твердым взглядом:

— Ну вот что, родственнички! Не верю я вам, что Мишка Гуляев контрой стал, предателем.

— Это почему же сразу «предателем»? — спросил Спиридон.

— А потому, — тихо сказал Николай, — что у нас таких буровых четыре... на всю Западную Сибирь! Мы для них оборудование на золото в Англии покупали! Такое дело начинаем! И чтоб он в такой трудный для нас момент все бросил, пустил средства на ветер — не верю! Убили вы его!

Ерофей оглядел сыновей, потом, решившись, махнул рукой:

— Ну ладно, скажем. Гуляев на нашей Клавке женился, так что он теперь и твой родственник! Мы почему гуляем — дочка у него родилась, у твоего Мишки Гуляева! Внучка мне, стало быть! Так что давай-ка, Петруша, наливай!

Петр наполнил стаканы.

Николай, пораженный, молчал. Чокнулись без слов. Николай выпил до дна, водка на него не действовала. Он провел ладонью по глазам и тихо сказал:

— Лучше бы вы его убили...

— Чего же лучше? — ухмыльнулся Спиридон.

— Потому что пощады ему не будет, ежели он изменник! А я должен его арестовать!

— Не горячись, Колька! — примирительно сказал Ерофей. — Сам подумай, неужто мы Гуляева, своего зятя, выдадим? Тебе что — скажешь, не нашел Гуляева, и баста! Советская власть и без него устоит — она крепкая! А тебе с нами лучше в мире жить — в тайге наособицу опасно. Мы тебе здесь подмога, и нам свой человек у советской власти тоже пригодится.

Николай задумчиво кивнул головой:

— Я вам пригожусь...

Дом Ерофея Соломина давно проснулся.

Бабы задавали корм скотине.

Устюжанин оставил Фрола и Ермолая во дворе, а сам прошел в избу.

Ерофей с сыновьями завтракали. На столе пыхтел самовар.

— Здравствуйте, — с порога сказал Устюжанин.

— А-а, Кольша, — протянул Ерофей, — садись с нами.

— Некогда, спасибо... Вот какое дело, Спиридон, ты додай и поедешь со мной к Гуляеву — покажешь, где он скрывается.

Спиридон нагло хмыкнул, посмотрел на отца.

— А вот это видел? — И Спиридон выставил кукиш.

- Ерофей Палыч, прикажи сыну!

Старик покачал головой:
— Нет, такого приказу я ему не дам. Мы людей не выдаем.
— Да? — Николай прищурился. — А Родиона?
— Чего вспомнил!.. Ладно! — Ерофей махнул рукой. — Ты или садись за стол, или убирайся отсюда!
— Ну вот что, — тихо сказал Николай. — Тогда слушайте! Я тебя, Спиридон Соломин, именем советской власти арестую. Поедешь под охраной в город. Там с тобой разберутся! Полчаса на сборы!

Соломины замерли.
Николай обратился к старику:
— А тебя, Ерофей Палыч, попрошу со мной выйти!
— Ага, — с готовностью кивнул Ерофей, потом выразительно посмотрел на сыновей.
Те что-то поняли, тоже переглянулись.
Ерофей встал из-за стола.

Во дворе Николай поднялся к лабазам, кивнул на пудовый замок:
— Отопри!
— Ага, — согласно кивнул Ерофей. — Сейчас. Катька, принеси ключи!
Восьмилетняя рыжая девчонка стремглав кинулась в избу.

В избе у запотевшего окна стоял Спиридон с «винчестером», набивая магазин патронами. Он порывисто обернулся на вбежавшую девчонку:
— Чего ты?
— Дедушка ключи просит.
Спиридон снял со стены связку ключей, кинул их через стол девчонке, вытер рукавом стекло, приткнулся к нему.
Ерофей скинул замок, распахнул лабазную дверь.
В лабазе было сухо, светло. И как прежде, рядами висели дорогие, сверкающие, переливающиеся в полосах света меха. Много мехов.
Устюжанин, стоя на пороге, покачал головой:

— Ну что, Ерофей Палыч, продолжаете разбойничать? Все грабите хантов-то?..

— Мы не разбойники, мы добытчики... — пожал плечами Ерофей.

— Скажи, чтобы свечку принесли, — сказал Николай.
— Ага, — с готовностью кивнул Ерофей и обернулся к внучке: — Катька, принеси свечку!

Во дворе тем временем собралась уже вся родня. Молча наблюдали.

Катька вбежала в избу.
Спиридон у окна, тяжело и гневно дыша, сжимал ружье.
— Дедушка свечу просит!

Николай спокойно продолжал говорить:
— Я вчера Федьку встретил, ханта, на болоте...
— Конечно, есть кое-что и от них, от инородцев, но мы и сами добываем.
— А куда сдаете?
— Любители есть...
— Это и есть грабеж! — жестко сказал Николай. — Леса и недра, Ерофей Палыч, сейчас принадлежат народу, и распоряжаться ими может только советская власть. Вон кедрач у тебя лежит только что из тайги.

- Ну?

— Так ведь ты его украл!

— У кого?

— У народа. Там, в России, его просто так не срубишь, а сюда советская власть еще не добралась, вот вы и разбойничаете, как при царе... Но это теперь кончилось, Ерофей Палыч, навсегда! Теперь каждое дерево беречь будем!..

— Так что же, мне теперь и в лес не ходить? — грустно спросил Ерофей. — Ягоды, грибы, к примеру?

— Грибы и ягоды можно, — сказал Николай.

— Ну, значит, прокормимся, — ехидно ответил Ерофей, Николай взял свечу, протянул ее Ерофею:

— Держи.

Тот перекрестился, взял свечу.

Николай достал из кармана кусочек сургуча, монету и, капая расплавленным сургучом на пальцы Ерофея, залил монету и обрывком шпагата опечатал двери лабаза. На сургуче явственно пропечатался герб.

— Упаси Господь, Ерофей Палыч, тебя сорвать этот шнурочек! Ответишь по закону...

Ерофей побледнел. В это время с крыльца дома раздался истошный крик:

— Уйди, враг! Уйди со двора!!

Это выбежал на крыльцо Спиридон. Он кричал, задыхаясь от бешенства. «Винчестер» в его руках ходил ходуном.

— Уйди, кому говорят! Устюжанин, ты меня знаешь!.. — Спиридон задышался, медленно поднимая «винчестер». — Не вводи в грех!.. Уходи, а то жизни решу!..

Николай спокойно смотрел в его сторону. Домочадцы отшатнулись от лабаза, замерли.

— Последний раз прошу! Ну?!

Тут Спиридон почувствовал, как между лопаток в спину ему уперлось ружье, и он услышал спокойный голос Фрола:

— Не балуй. Брось оружие...

Спиридон замер. Фрол повторил:

— Ну, быстро!

Спиридон в бессильной ярости с размаху швырнул «винчестер» на землю. Ружье, ударившись о землю, разрядилось с оглушительным выстрелом. И весь заряд вошел в бок девятипудового борова, который, похрюкивая, грелся на солнышке. Боров вскочил с душераздирающим визгом, не разбирая дороги, сшибая все на своем пути, понесся по двору. В конце концов он вышиб рылом калитку, и пронзительный визг стал замирать где-то за кладбищем...

— Свяжите ему руки! — сказал Николай Фролу и Ермолаю.

Ерофей поднял на Николая пронзительный взгляд:

— Христом-Богом молю тебя, сынок, не доводи до греха!

Уходи!

— Ну чего вы? — заторопил Николай Фрола и Ермолая. — Я же сказал — вяжите!

Ерофей прикрыл глаза и сказал:

— Ну, пусть будет так! Делай, что велят, сынок!

Спиридон с ненавистью посмотрел на Николая, пересилив себя, покорно протянул руки.

На берегу реки собралось почти все село.

Увозили арестованного Спиридона. У мостков тархтел мотором баркас, на котором несколько дней назад сюда приехал Николай Устюжанин с сыном.

Связанный Спиридон стоял независимо, с ухмылкой глядя на небо.

Устюжанин наставлял Фрола.

— Не тяжело тебе будет на одной ноге? Справишься? — спрашивал Николай. — До поста путь неблизкий — суток трое не поспишь...

— Справлюсь, — уверенно кивнул Фрол.

— Довезти надо.

— Довезу. — Фрол кивнул на Спиридона: — Он знает, как я стреляю!

Спиридон свободной походкой прошел на мостки вслед за Фролом, остановился, поклонился односельчанам, весело сказал:

— Прощайте, люди добрые! Не поминайте лихом!..

Бабка Дарья заметалась, заголосила. Анфиса обняла ее, прижала к себе. Она тоже плакала.

Ерофей и Петр стояли насупившись.

Фрол, сжав губы, сидел в лодке, курил. Карабин лежал у него на коленях.

— Ничего, — сказал Устюжанин Спиридону, — вы меня тогда по реке спустили, я через это человеком стал! Прокатись и ты... Еще благодарить меня будешь!

Спиридон с ненавистью глянул на него, рассмеялся:

— А я и сейчас готов тебе в ножки поклониться! За все!

Баркас тронулся. Соломинские бабы заголосили еще сильнее.

— Прощай, отец! — крикнул Спиридон.

Ерофей отер слезу, срывающимся голосом прокричал:

— Смотри, не будь дураком!

— Ладно!

Близился вечер. В своей пустой, неудобной избе Николай за столом чистил «наган». Алешка ему помогал.

— Ну и правильно, не ходи к ней больше! — говорил Алешка. — Что мы с тобой, одни не проживем? Правда?

Николай с признательностью глянул на сына, вздохнул:

— Эх, Алеха, Алеха, ероха, воха... — И опять замолчал, не спеша собирая «наган».

— Есть хочешь? — спросил сын.

Отец покачал головой.

— Я тоже не хочу, — сказал Алешка. Он положил голову на руки и сказал: — И чего ж там горело вчера, на Чертовой гриве?.. Вода же не горит...

— Газ это.

— Откуда газ под водой?

— Не знаю, Алеха. — Отец вздохнул. — Я ведь не шибко грамотный. Все некогда было... Придется тебе за меня учиться как следует. Вот порядок тут наведем — на рабфак пойдешь. А там все узнаешь, чем Сибирь наша богата. Точно?

Алешка кивнул, потом спросил:

— Папаня, а ведь правда чертей нету?

— Нету.

— Алеших?

— Чему вас только Марь Иванна учила?

— Она говорит — точно нету!

— Вот видишь.

— Так это ж в городе. А тут лес... болото...

Алешка замолчал. Скрипнула дверь.

Николай повернулся.

У порога стояла Анфиса. Опустив руки, привалившись спиной к косяку, она смотрела на них.

— Пойдемте, я ужин приготовила, — наконец сказала Анфиса.

Николай молчал. Алешка перевел взгляд с отца на Анфису.

— Не обижай меня, Коля. Страшно мне теперь одной опять оставаться... И Алешка мне твой как родной. Не обижай меня!

Она подошла к Николаю сзади, склонилась и крепко обняла его.

— Ты только верь мне — будет у нас с тобой распрекрасная жизнь!

Николай вздохнул:

— Нету у меня пока права на эту распрекрасную жизнь, Анфиса. — Он зажмурился и добавил: — Уходи!..

Анфиса горько улыбнулась.

— Дурачок ты... — Она разжала объятия и легко вышла из избы.

Тишина давила на Николая и Алешку.

Алешка вскочил, подбежал к окну, вглядываясь в сумерки.

Устюжанин сидел, машинально перебирая детали «нагана».

Алешка прижался лбом к холодному стеклу и сказал:

— Папаня, поедем отсюда в город... Я в детдом обратно хочу!..

— Держись, Алешка... держись! — ответил Устюжанин, не подымая головы...

Ночью, когда вся деревня спала, чья-то тень прокралась вдоль забора соломинского дома, перелезла через калитку, залаял было пес, но тут же замолчал, завизжал радостно.

Человек постучал в дверь. Открыл Ерофей с лампой; в неровном свете блеснуло мокрое, поцарапанное лицо Спиридона. Ерофей ахнул и пропустил сына, торопливо закрыл за ним дверь...

Той же ночью Николай сидел за столом и писал письмо.

В углу на лавке спал, укрытый его черным пальто, Алешка.

Николай медленно выводил буквы. Он писал:

«В Центральный Комитет Ленинской партии большевиков. В этот трудный для нашей Родины момент, когда каждый коммунист-большевик должен быть беспощадно бдительным и негибачаемым...»

Спиридон и Петр тихо шли вдоль улицы, свернули за угол, стали ощупывать доски в заборе. Из-под полы у Спиридона высывался ствол карабина...

Николай писал дальше:

«...я встретил несознательную женщину-вдову, а поскольку я сам шесть лет как вдовый...»

Две доски были выдернуты из забора, и теперь в проеме виднелось освещенное окно. За окном в свете керосиновой лампы склонился над столом Николай. Тихо клацнул затвор, Спиридон поднял карабин, начал целиться...

Рука Николая писала:

«...завелась во мне ненужная жалостливость и слабость, а классовый враг...»

Через окно грянул выстрел.

Николай уронил голову на письмо. По бумаге поползла кровь, смешалась с пролитыми чернилами.

Алешка вскочил, ничего не соображая:

— Что? Что?

На крыльце затопали, дверь распахнулась. Вошли Спиридон и Петр.

— Пойдем, Алеша, — сказал жестко Спиридон, взял его за руку, повел за собой.

Алешку забило мелкой дрожью.

Николай застонал, значит, жив еще был, зашевелился, упал на пол, приподнял руку.

Братья застыли в дверях.

— Живой!.. — прошептал Петр, кинулся к столу, взял на руки Николая и, дунув, загасил лампу.

Они шли огородами. Тащили, поддерживая с двух сторон, Устюжанина. Он хрипел, стонал, ноги его волочились. Повизгивал от страха ошалевший Алешка — ничего не понимал, что случилось и кто стрелял в отца.

— Молчи, молчи, Алексей! — шептал Спиридон. — Потерпи, Николай, потерпи, скоро уже!..

Внесли в дом. Положили на лавку. Безмолвно затаились бабы.

— Примочки, травы где?

— Мать, скорее! — торопил Спиридон.

Разорвали рубаху, останавливали кровь.

Ерофей сидел неподвижный, окаменевший.

Алешка забился в угол, на него никто не обращал внимания.

Потом вдруг спины вокруг Николая выпрямились, и бабка Дарья перекрестилась, а за ней и все остальные.

Ерофей встал, прошелся к Николаю, прикрыл ему веки черным корявым пальцем.

— Гроб мой с чердака достаньте и рубаху мою белую...

— Торопиться надо, отец... — сказал Спиридон.

— Похороним, как положено у православных. — Он сорвал с шеи Николая ремешок со звеньями цепи и отбросил в сторону. Они, звякнув, упали у ног Алешки. — И креста на нем нет, — сказал Ерофей.

У Алешки глаза вдруг стали большими-большими...

Распахнулась дверь. На пороге стояла Анфиса. С распущенными волосами, в накинута на расстегнутую блузу шали. Лицо ее было мертвенно-бледно.

Взгляд ее остановился на лежащем Николае, потом она подняла голову и хрипло проговорила:

— Ненавижу!.. Ненавижу вас всех!..

Алешка встал, украдкой поднял ремешок со звеньями цепи и, наталкиваясь на суетившихся людей, прошел в сени. Выпил из ведра воды. Увидел прислоненное к косяку Спиридонове ружье. Схватил его и выскочил из избы.

* * *

Деревня еще спала. Брезжил рассвет. Алешка бежал что есть духу. Потом услышал топот. Оглянулся и увидел в рассветных сумерках фигуру Петра.

Петр бежал молча, большими шагами.

Мальчик скатился к реке.

С трудом развязал лодку и стал лихорадочно грести.

Весла не слушались, лодка медленно и беспомощно выбиралась на стремнину.

Он видел, как Петр метнулся по берегу, одним рывком столкнул лодку в воду и стремительно заработал веслами.

Его лодка быстро нагоняла Алексея.

— Вертайся, Алеша, — тихо, но отчетливо позвал Петр, — вертайся. Нечего тебе по детдомам жить! С нами будешь!

Алеша не отвечая поднял ружье.

Петр перестал грести, опустил весла, лодка по инерции приближалась к Алеше.

— Ну, стреляй, стреляй в дядьку!

Мальчик выстрелил — правое весло Петра перебило пополам, и лодка закружилась на месте.

Алеша снова схватился за весла. Лодка Петра отдалялась все дальше и дальше.

Из тумана доносился голос Петра:

— Алешка! Алешка! Алексей!.. Вертайся!.. Четыреста верст!.. Пропадешь!..

Алеша выпрямился и крикнул в туман:

— Слышишь, Петр! Ты Спиридону передай, передай ему — я до него...

И вдруг он заплакал, зарыдал, закрывая лицо руками...

Ранним утром пастух, выгонявший еланское стадо, остановился, пораженный, перед воротами соломинского подворья.

Спиридон, Петр и Василий на руках выносили гроб. За гробом шли старый Ерофей, Дарья, заплаканные бабы, зятя...

...Хоронили на кладбище. Стояли молча, торжественно. Ерофей прочитал молитву. Комья земли застучали по крышке гроба.

Вдоль реки ковылял на своей деревяшке Фрол. Лицо его было черно, измученно. Одежда порвалась, измочалилась. Фрол остановился, оглядел всех, потом глянул на могилу, на крест.

Спиридон, не спуская глаз, смотрел на него.

Лицо Фрола исказилось ненавистью.

— Всех вас арестовать надо! — сказал он тихо.

— Арестовывай! — спокойно отвечал Спиридон.

Фрол посмотрел на ружья, которые поблескивали в руках мужиков, достал махорку, закурил.

Спиридон с Василием вкапывали добротной, по-соломински сколоченный крест с резной надписью «Николай Устюжанин».

...Туман поднимался над темной водой. Мощное течение несло лодку с Алексеем все дальше и дальше вниз, туда, где над широким разливом воды вставало бронзовое солнце...

Кинохроника. Фотодокументы.

А страна строилась. Росла.

Корчевала вековую отсталость и темноту.

1930 год. XVI съезд ВКП(б).

Перевооружение народного хозяйства на основе современной техники.

Сдан в эксплуатацию Сталинградский тракторный.

Московский автомобильный.

Горьковский автомобильный.

Заливают горячее в первый трактор. Улыбаются радостные лица.

Трактор выезжает из цеха. Аплодисменты. Оркестр. Цветы.

За пятилетку выпущено сто тысяч тракторов.

ДнепроГЭС.

Открытие.
Митинг. Оркестры.
Радость строителей.
Моторы, моторы... до горизонта моторы.
И для каждого нужно горячее.
Выездная сессия АН СССР.
Академик И. М. Губкин:

«В создании топливной базы Сибири крупную роль будет играть нефть. Сейчас надо искать нефть на восток от Урала!»

Выходят в далекие маршруты поисковики, геологи, сейсмологи.

«Стандард ойл» закупает у короля Саудовской Аравии право на разведку нефти. Доверенное лицо Рокфеллера — Дональд Стивенс.

Стивенс и король Ибн Сауд. За спиной Ибн Сауда его брат Фейсал.

Потом состоялся военный парад — Фейсал командует армией.

Дональд Стивенс улыбается.

1934 год. XVII съезд ВКП(б).

Особое значение съезд придает изысканию новых нефтяных баз...

Ставятся первые колонковые вышки на берегах таежных речушек. Нехитрая техника.

Лошадь тащит оборудование по непроходимой дороге.

1933 год. Приходит к власти в Германии Гитлер.

Гигантский парад фашистов.

Сотни коммунистов брошены в тюрьмы.

Гитлер:

«Тысячелетний рейх будет опорой мировой цивилизации!..»

На всю страну прогремел трудовой подвиг Алексея Стаханова.

Вот его встречают друзья с цветами.
102 тонны угля в смену — мировой рекорд!
Последователи Алексея Стаханова во всех областях народного хозяйства.
Трактористы.
Доярки.
Рабочие.
Телеграмма геолога Васильева в редакцию газеты:

«Указание о выходе нефти на Югане подтвердилось. Необходимы детальные геологоразведочные работы».

Начало геологических изысканий в Советской Арктике, в особенности на минеральное топливо и металлы.

1936 год. Германия и Япония заключают антикоминтерновский пакт. К ним примыкает Италия.

Японский посол пожимает руку Гитлера. Оба позируют для исторической фотографии. Улыбки.

Гитлер:

«Мы создали самое мощное в мире государство! Оплот против большевизма!»

Италия и Германия помогают фашистам в борьбе с республиканской Испанией.

Американские кредиты восстановили экономическую мощь Германии.

VIII Чрезвычайный съезд Советов.

Все эксплуататорские классы в СССР ликвидированы...
Класс крестьян перестал быть классом мелких производителей, привязанных к клочку земли...

XVIII съезд ВКП(б).

Война фашистских государств против свободолюбивых народов — угроза делу мира во всем мире.

Япония приступила к захвату континентального Китая.
Тысячи японских солдат на дорогах.
Горят испанские города.
Беженцы, столпившиеся в порту.
Испанские матери целуют плачущих детей.
Новые военные заводы в Германии.
Германия ввела войска в Австрию.
«Мессершмитт» на испытаниях своего нового истребителя.
Немецкие танки.
Цех моторов. На стене портрет Гитлера.
Японские подводные лодки.
Американский авианосец «Шарп» сходит со стапелей.
Машинное отделение сияет чистотой.
Дизельные установки. Самые мощные в мире!
Потребление нефти в мире за десять лет возросло в 5 раз.
В Аравии ударил мощный газовый фонтан. На открытие эксплуатационной скважины приехал Дональд Стивенс.
Через год в Аравии уже стояли десятки нефтяных вышек.
10 тысяч баррелей в день!
Грузятся в порту нефтеналивные суда с эмблемой «Стандард ойл».
Организована «Арабиан-американ ойл компани»!
Через пустыни протянулись нефтепроводы к портам. Здесь теснятся нефтеналивные суда под американскими флагами.

...А здесь все было, как когда-то.
Шумела тайга.
Медведица с выводком резвилась на отмели.
Небольшое тихое лебединое озеро притаилось в глухой тайге.
Высокие кедры стеной окружили темную глубокую воду.
Солнечные лучи полосами пробивались сквозь густые кроны.
Белые дикие лебеди скользили по воде и ослепительно вспыхивали, попадая в солнечные пятна.

Вдруг птицы тревожно загоготали и поплыли к берегу — в воду вбежала рыжеволосая девчонка, видно, соломинская.

Она играла, кувыркалась в воде, радуясь теплему солнечному дню. Она гонялась за лебедями, и те даже не очень боялись ее — наверно, привыкли.

Наигравшись, Тайка вылезла из воды во всей красоте своей пятнадцатилетней юности. Она бежала по отмели обнаженная — ей некого стесняться — к брошенному у кустов платьишку.

Подбежав, она в ужасе застыла на месте.

Около ее одежды, прислонясь к кедру, полулежал мертвый человек. На вид это был парень лет семнадцати. Опухшее, расцарапанное лицо его было облеплено мошкой. Одежда порвана, перепачкана болотной тиной, за спиной валялся пустой вещевой мешок.

Парень еле слышно простонал и посмотрел невидящим взглядом на Тайку.

Тайка заверещала на весь лес и кинулась бежать, сверкая между кустов голой спиной.

— погоди! — еле слышно прохрипел парень. — Стой!..

Он снова уронил голову на грудь и замер в полузабытьи...

Переполошенные криком девочки, лебеди сделали несколько кругов над озером и, свистя крыльями, снова опустились на воду.

Послышались голоса. Из лесу появился Вечный дед, а за ним в длинной дедовой рубахе шла перепуганная Тайка.

Дед спокойно подошел к парню, тронул его за плечо.

Тайка схватила платье и отскочила.

Парень поднял веки и так же невидяще глянул на деда.

Дед покачал головой и стал подымать его.

— Помоги-ка! — приказал он девочке.

— Боюсь, — призналась Тайка.

— Дура! Вот выходим его, тогда будешь бояться! — кряхтя, сказал дед, подымая парня.

Тайка подхватила незнакомца с другого бока.

Они поволокли парня в лес. Рубаха его расстегнулась, и на тонкой шее стал виден ремешок, на котором поблескивали два сцепленных звена цепи.

Среди деревьев показалась заимка Вечного деда.

— Беглый небось, — сердито ответил дед.

— Точно беглый — легкий уж больно!

— Может, беглый, а может, и наоборот, — пробормотал дед. — Ладно, отойдет — расскажет. Ты гляди, в деревне — ни-ни! Ни слова!

Тайка кивнула:

— Не маленькая.

Парень проснулся в избе Вечного деда. В горнице никого не было. Вечернее солнце нежарко било в окна, освещая простенькую утварь, пучки разных трав, развешанных по стенам.

Парень недоуменно оглядывался. На лавке аккуратно лежала его выстиранная одежда и мешок. Спohватившись, он кинулся к мешку, нащупал там что-то ему нужное и успокоился. Оделся, встал и подошел к окну: за забором сплошной стеной стояла тайга.

Парень вытащил из мешка финский нож и бережно сунул его за голенище сапога.

— Проснулся? — услышал он за спиной.

В дверях стоял Вечный дед, в руках он держал плоску с сотовым медом.

Парень посмотрел на деда и сказал:

— А я, дед, тебя знаю.

— Меня многие знают.

— Ты Вечный дед.

— Кличут так, — согласился дед.

— Значит, я в Елани, — с облегчением сказал парень.

— Выходит, так. — Дед стал собирать на стол. — А ты кто будешь?

Парень хитро улыбнулся и подмигнул деду:

— Да никто!

— Ну да, — спокойно согласился дед, — а откуда?

— Ниоткуда.

— Ну-ну... — Дед понимающе закивал. — Бывает. Ты поешь.

Парень подошел к столу, отщипнул от лепешки корочку, пожевал.

— Неохота.

— Выпьешь? — предложил дед.

— Нет. — Парень посмотрел в окно и поинтересовался: — Что село-то, стоит?

— Не провалилось ишо... А тебе кто нужен?

— Соломины мне нужны, дед, — помедлив, сказал парень. — Дело есть.

— Соломиных много было... Вон девка, которая нашла тебя, тоже Соломина. Много было, да почти никого не осталось.

— А Спиридон? — вроде нехотя поинтересовался парень.

— А зачем тебе Спиридон?

— Серьезное дело у меня к нему. Наказать его должен. Клятву дал.

— Э-э-э... опоздал, милый. Его советская власть уже давно наказала — шестой год сидит.

Парень опешил:

— Как сидит?

— Убил он Николку Устюжанина, слышал про такого?

— Это отец мой.

— Я так и думал, — не удивился дед. — Алешка?

— Ну. — Алешка помолчал, потом вдруг грубо спросил: — Чего уставился?

— Смотрю. — Дед изучал Алешку. — Сам-то сидел?

— Не твое дело!.. Сколько ему дали?

— Кому?

— Спиридону.

— Десять годочков.

Алеша налил из штофа полстакана, выпил.

— Ничего... не уйдет! Дождись его! Достану. Ничего!

Он поднял вешевой мешок и направился к двери.

— Бывай, дед!

— Да ты хоть побудь здесь, на родной земле, сил наберись. Алеша обернулся в дверях и криво усмехнулся:

— Да ты что, старый хрен, чокнулся?! Чтоб я, Алеха Устюжанин, свою солнечную юность сгноил в твоих болотах?! Бывай! Через четыре года увидимся, если не загнешься!

Хлопнула дверь. Вечный дед в задумчивости сидел за столом, улыбался.

Алеша пошел по тропинке и почти сразу вышел на Афонинову дорогу. Она была все такая же — немного узковатая, прямая, как стрела, пролегла среди тайги. Только слегка покосились перильца у мостков и трава кое-где густо проросла меж кедрового наката.

Алешка шел по дороге в сторону Елани, когда ему показалось, что кто-то идет за ним. Он оглянулся — никого. Прошел еще сотню метров — опять почувствовал чей-то взгляд на своей спине. Позади — никого, только прямая, как стрела, дорога, стиснутая могучими стволами деревьев.

Алексей ускорил шаг, потом быстро оглянулся. Там, куда устремлялась Афонинова дорога, совсем низко над горизонтом бледно мерцала звездочка. Стояла удивительная тишина. Алеша почему-то стало страшно, он отер лоб, проверил финку в сапоге и быстрым шагом направился к Елани.

Он вышел из леса у кладбища и шел теперь по знакомой до шемящей боли тропинке вдоль реки. Здесь они шли когда-то с отцом.

У могилы отца Алешка остановился.

Он увидел деревянный крест, поставленный Соломиными, и прибитую к нему, видно, уже другими, дощечку с красной звездочкой и надпись: «Николай Афанасьевич Устюжанин (1897—1932), большевик, красноармеец, пал от злодейской руки классового врага».

Алеша постоял, опершись о невысокую ограду, потом вытащил из-за голенища нож и с яростью зашвырнул его далеко

в кусты. Слезы потекли у него из глаз, и он опустился на землю, привалившись к ограде. Он плакат долго. Стало смеркаться.

Вдруг он ощутил легкий удар в плечо, и к ногам его упала шишка. Алеша вздрогнул, вытер слезы, оглянулся — никого.

— Эй, кто там? — спросил Алешка.

Ответа не было.

Не успел он отвернуться, снова кедровая шишка небожно ударила в спину.

— Эй, ты! Поймаю — убью! — угрожающе крикнул Алешка и резко вскочил.

Ему померещилась чья-то метнувшаяся за соседнюю могилу тень. Он бросился туда и столкнулся нос к носу со стоящей за деревом рыжей девчонкой. Лицо ее ему было смутно знакомо.

Это была Тайка. Она стояла неподвижно и во все глаза с улыбкой глядела на Алешу.

— Ты кто? — спросил Алексей.

Тайка не ответила, только моргнула.

— Это ты меня нашла?

Она улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Ты что, немая?

Тайка кивнула — мол, угадал.

— А может быть, и глухая?

Она снова кивнула.

— Это ты мне одежду отстирала?

Тайка отрицательно замотала головой, глядя на Алешу во все глаза.

Алешка помолчал, потом спросил:

— Ты в Елани живешь?

Тайка не ответила снова и задрала голову.

Над деревьями раздались далекие тоскливые крики. В вечернем небе, освещенные солнцем, парили розовые птицы.

— Гуси, — сказал Алешка.

— Лебеди, — поправила Тайка.

Алешка проводил птиц взглядом и задумчиво произнес:

— А я пять тысяч километров сюда пер... И все зря.
Тая покачала головой, глядя ему в глаза:
— Нет, не зря.
— Деда ни за что обидел, — вздохнул Алексей. — Психанул. Мне только в колонии и жить.
— Ты что, сбежал?
— Беспризорничал — попал в колонию для малолетних...
Слушай, у тебя есть где переночевать?
— А у вас же дом стоит пустой... заколоченный...
— Не хочу я туда!
— У нас места полно. Мы с теткой Пелагеей вдвоем живем... — сказала Тая и направилась в сторону села, откуда доносился собачий лай и мычание коров.
Алеша направился следом.
Звездочка над Афониной дорогой поднялась и светила в темном небе во всю силу своей яркости.

Тая открыла скрипучую дверь сарая. Сквозь прорехи в соломенной крыше виднелось ночное небо. Тайка поднялась по лесенке, ведущей на чердачный настил, заваленный сеном.

— Алеша, — позвала она, — ужинать пойдем.
Алеша не отвечал. Он лежал, раскинувшись в сене, спал.
Тайка постояла, посмотрела и тихо спустилась вниз.
Скрипнула за ней дверь. Завозились потревоженные куры.

На следующее утро к еланскому берегу подплыла баржа, на которой шло шумное гулянье. Заливалась гармонь, парни и мужики все как один были во хмелю. И пели уже порядком охрипшими голосами.

Баржа пристала к берегу под кладбищем, и с катера на берег сошел плотный пожилой человек в военной форме в сопровождении другого, гражданского. Они поднялись по косягу и направилась в сторону села. Военный прихрамывал на левую ногу.

* * *

...Солнечные лучи прошивали соломенную крышу сарая. Кудахтали куры, Алешка и Тайка сидели наверху, на чердачном настиле, под самой крышей.

— ...а еще Сочи есть, Туапсе... Черное море — это вещь! На набережных по вечерам рестораны, музыка, парочки танго танцуют!

— Чего?
— Танго.
— Танго? — переспросила задумчиво Тая.
Алешка пристально посмотрел на нее:
— Ты танцевать-то умеешь?
— Танго — нет... — Тая опустила глаза.
— Хочешь, научу? — Алешка вскочил, раскидал ногами сено на настиле. — Иди сюда!

Военный в сопровождении штатского подходил к деревне. Они прошли распахнутые, покосившиеся резные ворота и зашагали по улице.

Тая стояла напротив Алешки, нерешительно глядя на него.
— Да ты ближе подойди!
Тая переступила шагочку поближе.
— Да еще ближе! Я тебя обнять должен, а ты меня — вот так! — Алешка попытался прихватить ее за талию, но она увернулась и заливиисто засмеялась.
— Нет, — хохотала Тайка, — это не танго.
— Я-то знаю! — сердился Алешка.
— Я тоже знаю — такие танцы после свадьбы танцуют!
— Да чтоб мне провалиться! Ты хоть в кино-то видела?
— Видела. В Мужах кино видела — такого не показывали!
— Метелка ты деревенская! — презрительно процедил Алексей. — Мала еще танцевать! Вот годика через четыре покажу!..

Тайка перестала смеяться, лицо ее выразило отчаянную решимость — даже капельки пота выступили на веснушчатом носу.

Она подошла к Алексею вплотную и сказала тихо:

— Ну? Давай учи!

Алексей обнял ее, и она прижалась к нему, обняла обеими руками.

— Да ты не цепляйся! — Алексей вспыхнул, оторвал ее от себя. — Это ж танец, руку мне на плечо, вот так.

И он запел вполголоса:

Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось.
В этот час ты призналась,
Что нет любви...

...Военный и штатский шли теперь в сопровождении Фрола — бывшего красного партизана, который с трудом поспевал за ними, ковыляя на деревянной ноге.

Они молча шли мимо домов, многие из которых были заброшены.

Прошли мимо соломинского дома с заколоченными ставнями, но раскрытыми воротами амбаров, мимо сгнившего, покосившегося забора устюжанинского подворья... Лица у всех троих были сосредоточенны и угрюмы...

Алешка, тихонько напевая, вел в танце обомлевшую от восторга Тайку. Тихонько напевал:

Расстаемся, я не стану злиться —
Виноваты в этом я и ты!
Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось.
В этот час ты призналась,
Что нет любви...

— Тайка! — слышалось со двора. — Тая!

Тая в руках Алексея от счастья ничего не слышала.

Бабка Пелагея, сгорбленная, сухонькая старушка, заглянула в сарай.

— Цыпа, цыпа, цыпа!.. — Она принялась кидать корм курам.

В этот момент настил с треском проломился, и сверху на бабку рухнули Алексей и Тайка. Закудахтали, заметались по сараю куры.

Бабка шарахнулась в сторону. Тайка вскочила, оправляя платяишко, а Алешка так и остался лежать в сене, заливаясь смехом.

— Охальник! — запричитала бабка Пелагея. — Все вы, Устюжанины, такие! Посватайся сначала, а потом на сеновал девку волоки!

— Мне свататься рано, бабка! — развалившись на сене, отвечал Алешка. — Я еще несовершеннолетний!

С улицы донесся заунывный звон. Кто-то стучал в железный обруч, что висел у сельсовета.

— Батюшки! Давно не колотили! — насторожилась бабка, обернулась к Тайке: — Ну-ка сбегай к сельсовету, узнай, за чем кличут.

К сельсовету сходил народ — старики, ребятишки. Фрол бросил стучать и подошел к военному, который сидел за вынесенным на улицу канцелярским столом.

— Все собрались? — спросил военком.

— Вроде все, — сказал Фрол, оглядывая людей.

— Бабки Пелагеи нет, — сказала бабка с ребенком на руках.

— И моя старуха с печи не слезает с осени, — сообщил Потапыч.

Военком выглядел усталым, побриться на барже ему не удалось. Он поднялся из-за стола.

— Товарищи, как вам известно, двадцать второго июня фашистская Германия вероломно напала на нашу страну!

Народ зашевелился, зашумел:

— Кто напал?

— Чево-о?..

— Когда это?

— Били уж немца-то!

— Вы что, не знаете?.. — Изумленный военком вышел из-за стола. — Война! Война, товарищи, с немцами! Третью неделю война!

Народ оторопел и смолк на мгновение. И сразу заголосили бабки, заговорили разом мужики.

Шестидесятилетний сын кричал глухому древнему отцу:

— Война с германцами!..

— Опять с германцем, мать его... — качал головой дед.

— Тихо, товарищи! — Военком поднял руку. — В соответствии с решением правительства объявлена всеобщая мобилизация мужского населения тысяча восемьсот восемьдесят шестого — тысяча девятьсот двадцать третьего годов рождения!..

Люди снова притихли, и вперед вышел рябой рыжий Степан:

— Эх, мил человек, у нас призывного возраста всего двое — от Устюжаниных Фрол, от Соломиных; на двоих по три ноги да по три руки! — Он махнул пустым рукавом. — Отвоевались уже! А молодых не осталось — в города ушли!

— Как же вы тут живете? — не выдержал, вмешался штатский, приехавший с военкомом.

— Да так и живем: бабы да старики!

— А ребятишки чьи? — любопытствовал военком.

— А все мои да Фрола, — сказал Степан.

— Шишек-то у них на двоих две — в гражданку не оторвало, уберегли! — крикнула здоровенная краснолицая баба с ребенком на руках, видно, жена Степана.

Кто-то засмеялся, на него цыкнули.

Военком покачал головой, воспаленными от бессонницы глазами оглядел толпу. Люди стояли и смотрели на него. Рыжие — соломинские, черные — устюжанинские. Детишки тоже присмирели, жались к ногам взрослых, глазели.

— Ну что ж, Фрол Пантелеевич, давай списки, для порядку проверим, — сказал военком.

— А что их проверять-то? Все, кто был призывного возраста, давно в зверосовхоз переехали...

— А у вас что?

— У нас этот... как его... филиал.

— А кто в филиале?

— Фрол да я, — подал голос Степан.

* * *

Алешка висел под самой крышей, шарил по застрехам в соломе, распугивал кур. Он то и дело вытаскивал оттуда свежие яйца и складывал их в кошелку. Бабка Пелагея стояла внизу — руководила.

В сарай вбежала раскрасневшаяся Тайка.

— Война, бабушка, война! — радостно сообщила она.

Алешка от неожиданности чуть не свалился.

— Где?

— У сельсовета на войну собирают!

Алексей кубарем скатился вниз, кинул бабке кошелку, та с перепугу не удержала ее — яйца полетели на землю.

Военком в сопровождении штатского направился к реке. Фрол провожал их.

От пристани доносилось удалое пение. Переборы гармошки, хриплые выкрики — гулянье, видимо, было в полном разгаре.

Военком с улыбкой смотрел с обрыва, потом сказал с гордостью:

— Хоть и глушь таежная, а от каждого села, видишь, каких молодцов набрали!

Фрол виновато вздохнул, почесал в затылке.

— За Елань обидно. На фронте представлена не будет.

— Ладно, не расстраивайся, — успокоил его военком. — Чего-чего, а народу в России хватит!

Они уже подходили к мосткам.

— Военком, ты кого привел? — весело кричали с баржи. — Ему на клюке воевать несподручно будет!

— стакан пропустит, завоеует! — ответил бородатый мужик, примостившийся на корме с самодельным удилищем.

Военком вздохнул:

— Ну, бывай! — Он подал руку Фролу.

— погоди! Э-э-эй!.. Пстой!

На кособоре показался Алешка. За ним бежала далеко отставшая Тайка.

Военком переглянулся со штатским, взглянул на Фрола Алешка, не разбирая дороги, бежал к мосткам.

— Берлин взяли? — Он с трудом переводил дыхание.

Военком с грустью посмотрел на него и не ответил. Алешка тяжело дышал.

— Меня... на войну... запишите!

— Кто таков? — спросил военком. — Откуда?

— Отсюда...

Военком посмотрел на Фрола. Тот покачал головой.

Тайка подбежала и остановилась поодаль, прислушиваясь к разговору.

— Я Устюжанин Алексей Николаевич.

Фрол недоверчиво покачал головой, глядя в лицо Алеши.

— Алексей?! Приехал? Приехал! Алеха! — радостно подтвердил он военкому, подковылял к Алексею и обнял его. — Вылитый Николай. Где ж ты был?

— Далеко, дядя Фрол. — Алексей высвободился из объятий Фрола и обернулся к военкому: — Ну что, берете?

— Кружка, ложка, две пары белья с тобой? — скороговоркой спросил военком.

— Все, все с собой! — крикнул Алексей.

— Документ?

Алексей протянул метрику. Военком заглянул в нее:

— Ты ж несовершеннолетний.

— А вы гляньте — через три дня у меня день рождения.

Военком проверил, сунул метрику в карман.

— Садись! — Он кивнул в сторону баржи.

— Видишь, Алешка, и поговорить не успели — война! — развел руками Фрол.

— Ничего! Скоро встретимся! — Алешка перескочил на баржу, где сразу же попал в водоворот веселья и хмельной беспечности.

Чья-то рука услужливо протянула ему полный до краев стакан.

Фрол улыбнулся военкому:

— Ну вот, и от Елани солдат нашелся!

Наверху, на косогоре, стояли еланские бабы с ребятишками на руках.

Тая переминалась с ноги на ногу и все не решалась окликнуть Алексея.

А он в окружении новобранцев уже отплясывал лихую чечетку. Круг расступился, давая ему место. Захлебывалась переборами гармонь.

Буксир дал гудок и дернул баржу.

— Алеша! — закричала Тая и побежала по берегу. — Алеша!

Алексей остановился. Только сейчас он вспомнил о ней и побежал к борту:

— Тайка!..

Хор на барже дружно грянул:

На диком бреге Иртыша

Стоял Ермак, объятый думой...

Военком на барже, а Фрол на берегу торжественно взяли под козырек.

— Ты приедешь еще?

— А ты будешь ждать меня?

Тая бежала молча.

— Ждать-то будешь? — хитро улыбаясь, повторил Алексей.

— Буду! Я буду тебя ждать всю жизнь! — крикнула Тайка и, неожиданно споткнувшись, растянулась на песке.

На барже заготовали.

Баржа уходила все дальше и дальше по сибирской реке, и песня звучала уже за излучиной, отдаваясь эхом в дремучей тайге, и, спугнув медведицу с медвежонком, унеслась к небу.

А в небе струился клин белых лебедей...

Раннее утро. Бело-желтая, зеленоватая бескрайняя пустыня с проблесками свинцовой воды...

Песок. Песок, грязь, тина, островки жухлой травы, полосы мелкой воды. Гнилое море.

Ничего живого. Редко покажется птица, просвистит по песку ветер, а так все тишина, пустыня.

Группа солдат числом около роты двигалась через эту пустыню. Солдаты обессилели, брели кое-как, в разбитых сапогах, грязном, порванном обмундировании. Измученные лошади тянули орудия. Телеги были нагружены понтонами, на них лежали раненые. Раненых сопровождала глазастая медсестра Зойка. Она также устала до предела, но все же изредка поглядывала на идущего рядом с лошастью парня и, если он оглядывался, неизменно улыбалась ему. А парень, которому она улыбалась, был Алексей Устюжанин, рядовой солдат этой измотанной в боях части.

Алексей время от времени оглядывался на Зойку, брел, поглаживая голову санитарного мерина, кормил его кусочками хлеба. Послышался гул приближающихся самолетов, кто-то крикнул: «Воздух!» — и все бросились врассыпную. Со страшным ревом и свистом с неба одна за другой сыпались бомбы, накрыли вжавшихся в землю людей; дико взвыла, заржала лошадь; взрывы разметали одну из телег, опрокинули пушку, подняли тучу песка, нарыли глубоких воронок...

Издали было видно, как медленно начали подниматься солдаты, помогали встать раненым, осматривали убитых, потом они снова собрались все вместе, снова кое-как построились и опять двинулись дальше в том направлении, в котором шли.

Солдаты уходили, шли, пока не скрылись из глаз в этой бело-желтой пустыне...

И снова тишина, только кричала непонятно какая птица...

Ветер начал тихо наметать белый песок на тела убитых...

И вдруг один из небольших песчаных холмов зашевелился и из-под песка на свет вылез солдат. Это был Алексей Устюжанин. Он отряхнулся, видно, был оглушен и ослеплен, выплюнул песок, стряхнул с глаз, долго крутил головой. А затем пополз, ничего не видя... Наткнулся на убитого, ощупал его,

свернул в сторону, обессилев, полежал, снова пополз... Он долго полз вдоль узкой полоски воды, затем все-таки свернул и нашел эту воду. Начал промывать глаза, полил из пригоршни, снова промывал глаза, тер их, пытался смотреть, но так ничего и не видел... Он долго сидел, напуганный этим, и вдруг впереди начали проясняться предметы. Он обрадованно засмеялся, посмотрел в одну сторону, потом повернулся в другую и застыл в ужасе: перед ним на белом песке лежала оторванная голова лошади, которую он совсем еще недавно кормил...

Алексей сидел потрясенный, с трудом сдерживая тошноту. Потом он поднялся и побрел несколько левее того направления, в котором ушли солдаты...

Он пересек полоску мелкой воды, вышел на узкую песчаную косу, на которой также виднелись следы бомбежки, полузанесенные песком тела убитых солдат, разбитая в щепки арба, вздувшийся труп лошади...

По мокрой полоске песка боком бежал маленький черный краб. За ним наблюдал человек в офицерском морском плаще. Он сидел на земле, привалившись своей могучей спиной к выветрившейся глыбе песчаника. По золотым нашивкам на рукаве было видно, что это старший офицер флота, капитан второго ранга. Фуражки на его голове не было, волосы были растрепаны, небритое лицо до крайности измождено. Оно было почти черным, видно было, что капитан очень страдает. В нем с трудом можно было узнать бывшего веселого еланского плотника Филю Соломина, соперника Николая Устюжанина, сына Ермолая.

Он услышал чьи-то тихие шаги по песку — то брел Алексей. Капитан равнодушно посмотрел на солдата. Алексей увидел живые глаза, испугался, остановился.

— Иди, иди, — сухо сказал Соломин.

— Куда? — растерянно спросил Алексей.

— Туда тебе идти. — Капитан указал рукой, в которой был зажат пистолет. — Неправильно идешь.

Алексей не двигался, смотрел на него. Где-то вдали слышался орудейный гул.

— Ну чего стоишь, уходи скорей!

— А вы?

Соломин отвернулся.

— Вы ранены? Я вам помогу!

Алексей шагнул к Соломину.

— Не подходи! — стиснул тот пистолет. — Кру-угом! Ну! — Он поморщился.

Алексей сделал к нему еще один шаг.

— Я дотащу! Я здоровый!

— Дотащишь...

Соломин прикрыл глаза, потом распахнул плащ и китель: в животе его зияла страшная рваная рана, видны были пульсирующие кишки. Алексей даже простонал, с шумом втянул в себя воздух. Потом он сорвался в места и побежал в ту сторону, откуда шел. Соломин даже не посмотрел ему вслед. Снова стал разглядывать краба, который копошился у его ноги.

Крабик спрятался в нору, от воды бочком по белому песку катился другой.

Алексей, шумно дыша, торопливо шел, волочил за собой доски от разбитой арбы, две каски. Он свалил все это неподалеку от Соломина.

— Сейчас чувилек свяжем и поплывем, — ободряюще сказал он. — По воде-то легче тащить...

— Чувилек? — повторил Соломин знакомое ему слово и даже чуть посветлел лицом. — Сибиряк, что ли?

— Точно.

— Это ж надо, — усмехнулся Соломин.

Алеша начал торопливо связывать вожжами доски, сооружать небольшой плот, а сам рассказывал:

— Я в песке зарытый лежал, бомбой закопало. Похоронило напрочь. Очнулся — тьма. Ну, думаю, в могиле! Куда копать, а где верх, где низ? Все-таки откопался. Вылез, а сам ничего не вижу!.. Ползаю, как крот, а вода рядом! Оклемался,

гляжу, а около ног голова Тристана — мерин у нас был, санитарный. Чудно! Голова лежит оторванная, а я его хлебом только что кормил...

И тут Алексей вдруг замолчал, опустился на песок, уронил бессильно руки, глядя в одну точку. Весь поник. Соломин смотрел на его спину. После долгого молчания Алексей тихо сказал:

— И Зойку, наверно, убило...

Он встал, подошел к Соломину. Вынул из-за пазухи несколько индивидуальных пакетов, стал рвать бумагу.

— У убитых взял, — пояснил он. — Давайте раздеваться, товарищ кавторанг, надо вас перевязать.

Он начал осторожно снимать плащ с Соломина. Соломин побледнел, капли пота выступили на его лице. Он скрипнул зубами, закрыл глаза, тихо сказал:

— Солдат, я скоро потеряю сознание... Если буду просить воды, не давай, понял? Это смерть, понял?

— Я знаю.

Соломин уронил голову, его тело стало тяжелым и непослушным.

По бескрайнему разливу тихой, теплой и мутной воды Гнилого моря брел Алексей. Глубина была чуть выше колен. Он тащил за собой плотик, на котором лежал Соломин, привязанный вожжами. Он был без сознания, время от времени говорил что-то неразборчивое, выкрикивал. Алексей механически, больше для себя, отвечал ему. Он устал почти до полного равнодушия ко всему.

— Пить! — просил Соломин.

— Нельзя!

— Пить!.. Дайте воды... воды! Воды дайте, воды!..

— Нельзя. Мне Зойка объясняла: при ранениях в живот воды не дают. Чудак ты, непонятливый, хоть и капитан второго ранга.

Офицер долго молчал, потом снова жалобно заговорил:

— Мама... пить... Мамочка... Горит все!.. Попить!..

Солнце пекло нещадно. У Алексея почернели, потрескались губы. Каска пригизала голову книзу.

Внезапно раздался гул приближающегося самолета. Алексей остановился, задрал голову. Старался разглядеть, чей это самолет. Но против солнца он ничего не мог различить. А когда самолет пролетел над ним, он увидел на его брюхе жирный черный крест. Летчик, видимо, заметил бредущего по воде солдата. Самолет развернулся и стал снижаться. Алексей испуганно огляделся — спрятаться было некуда. Самолет совсем низко с ревом несся на него. Алексей беспомощно закусил, обхватил голову руками и плюхнулся лицом в воду.

Черная тень промелькнула, и ветер рванул рябь по воде.

Алексей вынырнул, отплевываясь, вскочил, схватился за автомат, но вспомнил, что это бесполезно. Он начал материться, потрясая кулаком:

— Гад!.. Сволочь!.. Сука!..

А самолет снова заходил на него. Снова повторился весь маневр. Самолет опустился на этот раз еще ниже, он летел, почти касаясь брюхом воды. Это было так страшно, что Алешка не выдержал, кинулся в сторону, споткнулся, упал, зарылся головой в грязь и тину.

Короткая пулеметная очередь подняла фонтанчики на воде. Самолет с ревом пронесся над плотиком и, набирая высоту, ушел, пропал в небе.

Алексей медленно поднялся, весь залепленный грязью. Он попытался поднять руку и вскрикнул — пуля задела предплечье, на рукаве заалела кровь. Зажимая руку, Алексей побрел к плоту.

— Сволочь! Сволочь! Сволочь! — Он увидел открытые глаза офицера. — Ушел все-таки, сволочь!

— Водку пьешь? — спросил Соломин, пытаясь улыбнуться.

— Я все пью, — с наигранной лихостью ответил Алексей.

— А чего больше всего любишь?

— Шампанское, — признался Алексей.

— Останемся живы — ящик шампанского с меня.

Алексей поднял набухшую от воды веревку и побрел дальше, таща за собой плот.

Ночь. Ясное, с крупными звездами южное небо. В тишине слышался негромкий плеск и журчание воды.

Алексей шел, тащил за собой плотике Соломиным, с трудом поднимая голову, смотрел на луну, на широкую лунную дорогу в спокойной воде. Где-то очень далеко, внизу, на небосклоне светила, мерцала яркая звездочка — это была звезда его деда, Афонины звезда...

...Светало. Густой туман спустился на воду. Обволакивал все вокруг.

Алексей брел не зная куда, механически передвигая ноги. Ему казалось, что он идет по бесконечному кругу. Туман съедал не только пространство, но и звуки.

Соломин не подавал никаких признаков жизни. И наконец у Алексея кончились силы... Он остановился и в наступившей тишине вдруг явственно расслышал чавканье шагов по воде.

Алексей не поверил своим ушам. Он начал оглядываться по сторонам, но густой туман все заслонял. Звук шагов непрерывно раздавался и слева и справа. Начали вырисовываться неясные силуэты, человеческие фигуры, бредущие в воде... Алексей оцепенел, ждал, боялся оказаться замеченным... И тут раздался сиплый голос:

— А вот еще... Одного типа послали в разведку...

Алексей радостно заорал:

— Свои!.. Ребята!.. Это вы?!

Он кинулся к солдатам.

— Алешка! — обрадовался старшина. — Жив, паразит?!

Алексея окружили солдаты.

— Ну, ты даешь!

— А мы уж тебя похоронили, — сказал осипший.

— Ты откуда вылез-то?

— А кто это с тобой? Кого тащишь?

Счастливый Алексей горячо, сбивчиво заговорил:

— В песке я зарытый лежал! Меня бомбой закопало... Потом оклемался, вот капитана нашел, у него живот разворочен.

— Живой он? — спросил кто-то.

— Не знаю...

Кто-то потрогал лоб Соломина.

— Кажись, живой...

— А потом во, глядите, ранило меня! Самолет, гадюка, играть со мной решил!.. Я сейчас иду, думаю — все, кранты, а тут вы, ребята...

Губы Алексея задрожали, он заплакал и уткнулся лицом в медали старшины.

Сиплый удивленно сказал:

— Вот чудило, чего ж ты плачешь, живой ведь...

Старшина провел рукой по спине Алексея, ответил, вздохнув:

— Живому только и поплакать...

...Солдаты подхватили раненого Соломина, потащили к понтону, на котором вокруг пушки лежали раненые.

— Зойка, принимай!

Медсестра вытаращила большие глаза, будто и не спала вовсе. Закричала:

— Осторожнее, идола!

Один из солдат подмигнул ей и сказал:

— Алешка твой там малость размок.

Зойка ахнула, спрыгнула в воду и побежала.

Подбежав к Алексею, она схватила его за руку:

— Алеша!

— Зойка! Живая! А я думал, тебя убило!

— Дурак!

— Сама дура!

Зойка обняла Алексея и поцеловала в губы.

— Ну, дает! — сказал осипший.

Вставало солнце. Туман на глазах редел, расходился клочьями. Передние солдаты уже выходили на песчаный берег, по которому, взрывая песок, неся командирский вездеход морской пехоты.

С переднего сиденья высунулся, открыв дверцу, капитан первого ранга с жестким, суровым лицом и воспаленными от усталости глазами.

— Командира ко мне! — строго крикнул он.

Старшина одернул гимнастерку, вытянулся:

— Товарищ капитан первого ранга!

— Вы офицера морской пехоты не подбирали? — перебил старшину капитан.

— Есть один, товарищ капитан первого ранга, только что обнаружился! Вон на понтоне...

Капитан первого ранга выпрыгнул из вездехода, побежал прямо по воде к понтону, взглянул и закрыл глаза, крепко зажмурился и так, не открывая глаз, спросил:

— Живой?

Капитан первого ранга наклонился к Соломину, бережно дотронулся до него, позвал:

— Филипп...

Соломин тихо застонал, не открывая глаз.

— Очень тяжелое ранение в брюшную полость, — пояснила Зойка.

— Живой, — тихо повторил каперанг, морщась и кусая усы.

Он повернулся к вездеходу, взмахнул рукой. Вездеход рванулся прямо в воду, подкатил к понтону. Из него выскочили здоровенные моряки, бережно подхватили, подняли, как пух, беспамятного Соломина.

— Кто? — спросил каперанг, обращаясь к старшине.

— Вас не понял, товарищ капитан первого ранга! — вытянулся старшина.

— Кто спас?

— Мальчонка есть у нас, Устюжанин, рядовой... Всю ночь его тащил, сам раненый был. Тащил всю ночь, один... на себе.

— Устюжанина ко мне!

Алексей шагнул вперед, смущенно и неловко вытянулся. Капитан первого ранга вынул из планшета листок бумаги, макнул в воду чернильный карандаш:

- Значит, Устюжанин?
- Так точно! — еще больше вытянулся Алексей.
- Имя?
- Алексей Николаевич.

Капитан первого ранга начал быстро что-то писать. Вдалеке послышались разрывы. Донесся грохот орудий. Каперанг кончил писать, протянул старшине бумажку и вдруг стал отвинчивать орден Красной Звезды со своего кителя.

— Эх, Алексей Николаевич, — сказал он Устюжанину с неожиданно мягкой улыбкой, — если бы ты только знал, кого спас! Родина тебе этого никогда не забудет. — Он протянул орден Алексею: — Носи!

Алексей растерянно взял орден.

— Для меня этот человек... — начал снова капитан первого ранга, потом запнулся и только тихо добавил: — Эх, только бы выжил!

Он обнял Алексея, крепко расцеловал и прыгнул в кабину вездехода. Вездеход взревел, рванулся к берегу.

Ошеломленные происшедшим, все стояли неподвижно, провожая глазами машину.

Осипший покачал головой:

— Ну, Алеха!.. Звездочка тебе прямо с неба упала! А ты тут воюешь, воюешь... и никакого на тебя внимания!..

Старшина повернулся к нему, сказал:

— Не тужи, Разгибаев, война не завтра кончается, успеешь и ты отличиться!

Война кончилась не завтра...

Впереди было много путей-дорог...

Еще много смертельных боев.

Кинохроника. Фотодокументы.

Шла самая разрушительная война XX века.

Кровь войны — топливо. Все, несущее смерть в этой войне, движется — по земле, по воде, по воздуху.

Сотни самолетов с фашистской свастикой заправляются горючим...

Танки, танки... Подъезжают автозаправщики, заправляют топливом, на баках можно прочесть надпись «Стандард ойл».

Войска Муссолини захватили Ливию. Фашистский надзор над всеми нефтяными районами, где властвовали англичане.

Но сэр Генри Детердинг не забыл девиза «Кто захватит нефть — захватит власть!».

В Африку прибыл экспедиционный корпус Роммеля.

Вот он, «лис пустыни», Роммель, с биноклем на вездеходе. На фоне песков нефтяные вышки.

Победы Роммеля над англичанами были сокрушительными.

В это же время японцы захватили нефтеносные районы Юго-Восточной Азии — Суматру, Борнео, Голландскую Индию.

Но ход войны решался на полях России.

1942 год. Январь.

Гитлер понял, что идея «молниеносной» войны потеряла крах. Нужно было готовиться к длительной позиционной войне. Для решения стратегических задач нужны неограниченные запасы энергии.

Секретное донесение советской разведки:

«Ставка Гитлера предполагает развернутое наступление группировки «Клейст» — Дон, Астрахань, Сталинград, Баку...»

Фашистские войска наступали на нефтеносные районы.

Немецкая танковая армия двигалась в сторону Грозного. Она взяла Анапу, Новороссийск, Краснодарский край, Нальчик и двигалась на Клухорский перевал.

Волга была практически перерезана.

День и ночь трудились нефтяники Баку и Грозного.

Плакат на буровой вышке: «Все для фронта, все для победы!»

Цех снарядов. У станка мальчик. Ростом мал, еле достает до станка — под ногами ящик.

Плакат: «В труде, как в бою!»

Гитлер убежден в скором захвате русской нефти.

Сформирован «Германский комитет по управлению нефтеразработками Закавказья».

Специальный поезд с техническим оборудованием для скорейшего пуска захваченных нефтяных промыслов.

На платформах — буровые станки.

Рядом немецкий часовой.

В особом вагоне размещался весь административный аппарат — от управляющего до главного технолога. Чисто немецкая предусмотрительность — знали, что на местных нефтяников надеяться нечего!

Ноябрь.

...Войска Юго-Западного и Донского фронтов перешли в наступление.

22 немецкие дивизии оказались в кольце.

Сокрушительный разгром немцев под Сталинградом!

1943 год. Гитлер объявляет тотальную мобилизацию.

Курская дуга.

В операциях с обеих сторон принимало участие свыше 5 тысяч танков.

Больше 20 тысяч тонн горючего в день.

А битва продолжалась месяц...

Разгром немцев на Курской дуге означал коренной перелом во Второй мировой войне.

А потом зазвенела победа!

И поверженные фашистские знамена падали на землю перед Мавзолеем.

И женщины встречали поезда с возвратившимися мужьями и солдатами.

Объятия и слезы.

Уже восстанавливались города.

Уже пахарь вышел на мирную землю.

Радость и надежда по всему миру.

...К тихому еланскому берегу пристала моторка, из нее выскочил старый, сгорбленный Фрол Устюжанин. Он кричал что-то, нам неслышное, ковылял к нескольким женщинам, полоскавшим белье у мостков. В руках у Фрола трепыхалась на ветру газета.

Женщины окружили Фрола, заплакали, стали обнимать его. Одна из них — тоненькая, в огромном, не по росту, ватнике — отошла в сторонку, утирая слезы. Она встала у самой воды, глядя вдаль, туда, откуда приходили в Елань все добрые и недобрые вести...

Это была повзрослевшая за пять нелегких лет Тая...

А в это время по полям и перелескам польской земли летел, украшенный портретом вождя и цветами, эшелон с солдатами-победителями.

Теплушки были настезь распахнуты. Листва зеленых деревьев билась о стены. Гремели песни, заливались трофейные аккордеоны.

Солдаты возвращались домой.

Резкое солнце било сквозь ветки, выхватывая из тьмы вагона счастливые лица и среди них — лицо Алексея Устюжанина, гвардии сержанта, кавалера орденов и медалей, вспыхивающих у него на груди.

Мелькнул и пролетел мимо полосатый пограничный столб.

— Граница! — закричал кто-то, и все кинулись к дверям.

Алексей, потный, веселый, обнимал сразу двух девушек-связисток и целовал их — то одну, то другую.

Мимо плыли родные широкие поля.

Одна из девушек заплакала и тихо сказала:

— Россия.

— Утри слезки, Маруся! — перекрывая паровозный гудок, закричал Алексей. — Мы живем! Теперь на земле мир и покой! И полный порядок...

* * *

6 августа 1945 года.

Огромный смертоносный гриб повис над японским городом Хиросимой.

Последнее достижение цивилизации ознаменовалось гибелью сотен тысяч невинных людей.

Вот они, обожженные, изъеденные язвами лучевых поражений, безжизненно лежат в коридорах клиник и госпиталей. Обреченные наумирание...

Нет, человечеству суждено пройти еще несколько кругов истории, прежде чем оно поймет, что мир хрупок, что от людей зависит — будет цвести земля или превратится в выжженную, мертвую планету...

Часть третья

АФОНИНА ЗВЕЗДА

Новая эпоха. Послевоенная.

Мир жил, двигался, дышал...

Словно вихрь проносятся перед нами кадры кинохроники, фотографии...

Встающий из руин Сталинград...

Академик И.В. Курчатов — выдающийся ученый в области атомной энергии.

С.П. Королев со своим коллективом ученых-ракетостроителей.

Киножурнал «Наука и техника». Диктор:

«Производство мощных турбобуров для бурения глубоких скважин налажено на Новокраматорском заводе...»

1947 год. Сан-Франциско. Заседание ООН.

Выступление постоянного представителя СССР Я.А. Малика.

Правительство Советского Союза поддерживает создание в Палестине двух равноправных суверенных государств — Израиля и Палестины.

Через шесть месяцев Израиль напал на Палестину и захватил нефтеносный район полуострова...

1947 год. Тюмень.

Поиски нефти.

Начало систематических геологоразведочных работ.

* * *

1950 год. Правительство Ирана заявило о своем намерении национализировать нефтепромыслы, принадлежащие английским монополиям.

Покушение на директора мексиканской национальной нефтяной компании Кастейро.

При расследовании Кастейро показал, что «Стандард ойл» предложила взятку в размере 10 миллионов долларов в любой банк мира за контракт, дающий возможность получить часть промыслов.

Проектирование атомохода «Ленин».

Пуск в эксплуатацию первой в мире атомной электростанции.

Новая техника, новые мощности, новые показатели...

А в это время над Кореей на бреющем полете неслись американские истребители, сбрасывая напалм.

Горели хижины. Бежали обгоревшие женщины, прикрывая детей своими телами...

Цивилизация несла людям не только счастье.

Но венцом этого десятилетия, первого мирного десятилетия в нашей стране, — спутник!

Радостные лица москвичей.

Сыплются праздничные листовки с неба.

В далекой сибирской тайге геологи слушают радио.

1958 год. Верховный Совет СССР.

Решение об одностороннем прекращении Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия.

Революция уже двигалась по земле через континенты и океаны...

И вот она уже на американском континенте.

Куба!

Фидель Кастро. Площадь Хосе Марти. Массовый митинг.

...А в это время в США начиналась новая предвыборная кампания.

От демократов — Джон Кеннеди.

Семейство Кеннеди, крупнейшие промышленники Америки. Джон Кеннеди, будущий президент, родился в 1917 году. Кеннеди:

«Одна из проблем, мешающих нашему обществу, — непомерные цены на нефть, контроль над которыми в руках нефтепромышленников...»

Эти слова не могли понравиться ни одному нефтяному магнату.

Особенно Ханту.

Сидней Хант родился в 1897 году. Техасец. Состояние вложено в разработку нефтяных скважин. Точной цифры его состояния назвать нельзя. Глава техасских нефтяных королей.

В предвыборной кампании Хант финансировал кандидатуру Линдона Джонсона.

Линдон Джонсон родился в 1908 году. Техасец. Преподаватель. В издательстве, принадлежащем Ханту, вышла подробная биография кандидата. Когда стало ясно, что на съезде демократической партии победит Кеннеди, Хант уговорил Джонсона принять пост вице-президента. Словно чувствовал, что Кеннеди не уйдет со своего поста живым...

А Джон Кеннеди праздновал победу...

Мангышлак. Нефтеразработки на полуострове.

Заседание Экспертного совета Госплана СССР.

Предполагается строительство ГЭС на Нижней Оби. Создание Нижнеобского моря приведет к интенсивному развитию промышленности Западной Сибири...

Торжественное учреждение ОПЕК — организации стран — экспортеров нефти. Делегации: Ирак, Иран, Венесуэла, Кувейт, Саудовская Аравия, Ливия, Алжир, Индонезия.

Центр тяжести из промышленных стран смещался в страны развивающиеся — новая фаза в мировой истории.

1963 год. Кеннеди:

«...подвергаю сомнению налоговую льготу. Бесконтрольные прибыли нефтяных компаний ухудшают экономическое положение в стране...»

В Белом доме президент встречается с большой группой нефтепромышленников по их просьбе.

Один из лидеров после встречи заявляет журналистам:

«Мы не удовлетворены встречей...»

Через несколько дней Джон Кеннеди получил пулевые ранения в момент, когда президентский кортеж направлялся из далласского аэропорта к залу аукционов...

Скончался в госпитале от ран.

Похороны Кеннеди. Жаклин Кеннеди, рядом с ней новый президент Линдон Джонсон...

Дорога к нефти не расходится с дорогой к власти.

Опасная дорога... смертельная дорога.

А в далекие таежные дали уходили геологи-поисковики.

Тащили на себе нехитрую амуницию.

Пробирались топами и болотами.

Вытаскивали из-под льда провалившийся трактор...

1965 год. Автомобильный салон в Лондоне.

Сияют лаком самые разнообразные модели, изящные линии, плавные формы — «роллс-ройс», «ситроен», «линкольн», «паккард»...

Автомобиль из средства транспорта становится бичом, господином человека!

Их уже так много, автомобилей. Они запрудили улицы крупных городов.

Гигантские, многокилометровые заторы на дорогах. Загрязнение воздуха на улицах мировых столиц достигло критического уровня.

В Токио на перекрестках — специальные установки, к которым, взяв в руки маску, припадают пешеходы за глотком свежего воздуха...

Авиационный салон в Париже.

Военные самолеты — американские, английские, французские: хищные, заостренные формы, мощное вооружение.

Все выше, все дальше, все быстрее!

...А оторванная рука у этого вьетнамского мальчика не стоит ничего. Она бесценна. Он сидит над телом убитой матери в дыму напалма и плачет, зовет ее...

Гонка вооружений нарастала.

Новые модели авиаматов.

Атомные подводные лодки.

Мощное ракетное оружие.

Склад атомных боеголовок.

Цены на жидкое топливо подскочили.

Недовольство трудящихся Парижа, Лондона, Нью-Йорка...

Демонстрация, плакаты, пикеты...

Роберт Кеннеди. Выступление на предвыборном митинге:

«Надо дать потребителю приемлемые цены, и прежде всего приемлемые цены на бензин!..»

Журнал «Ойл энд гэз»:

«Роберт Кеннеди расценивается как угроза промышленности...»

6 июня 1968 года этой угрозы не стало.

Роберт Кеннеди падает с окровавленной головой.

Паника в толпе.

Схваченный убийца...

Итальянские газеты:

«Крупнейший нефтепромышленник — случайная катастрофа или убийство ?..»

Дорога к нефти — опасная дорога, смертельная дорога...

Вихри истории реяли над миром, и каждый человек, будь то

рабочий,
докер,
пахарь,
ученый,
мать с ребенком —

каждый! — частица этого мира, своим делом, сам не чувствуя, не вдумываясь в смысл каждой прожитой секунды, творил эту историю.

А здесь, в Елани, казалось, все было по-прежнему. Неподвижная стена кедровой тайги окружала село. Река катилась через лесные завалы.

Дымилась подернутые дымкой бескрайние болота.

Потайное озеро все также отражало черной неподвижной бездонной водой замороженные папоротники и исполинские кедрачи...

И жизнь в Елани словно тоже остановилась. Всегда была глухой, а стала еще вроде глуше. Народу поубавилось. Мощные почерневшие срубы кое-где покосились. Многие были забиты досками.

И на улице безлюдье. Тишь.

Скрежет металла разорвал эту сонную тишину. На реке чуть пониже кладбища стояла у берега баржа.

Ревели дизели тракторов, медленно сползавших по трещавшим сходям на песчаный бугор. Визжали лебедки: многие десятки тонн железа — сварные конструкции, оборудованные буровой выгружалось с баржи. Крики, ругань, смех...

А к селу по заросшей дороге, урча, полз бульдозер. За рычагами сидел бывший солдат Алексей Устюжанин — такой, каким он стал через пятнадцать лет после войны. Такой же жилистый, с белозубой улыбкой, только глаза вроде бы малость выцвели.

Рядом с Алексеем бригадир, буровой мастер Тофик Рустамов. Смуглый гигант, чернобровый, черноусый, весь в густом черноволосье.

— Сейчас мы их порадуем, — засмеялся Алексей. — Интересно, кто-нибудь хоть из моей родни остался?

Дорога вела вверх, где на горе чернели мощные рубленые ворота. Забор, что когда-то окружал Елань, почти весь сгнил, повалился, и только ворота стояли теперь словно мемориал той жизни, которой жило когда-то село.

— Что-то живых людей не видно, — заметил Тофик.

— Стесняются, — снисходительно улыбнулся Алексей, — они ведь и трактора, наверное, ни разу не видали!

Бульдозер остановился перед воротами. Их резные полураскрытые створы загораживали проезд.

Тофик оценивающе оглядел искусную резьбу по кедру. чмокнул:

— Хорошая работа. Теперь так даже в Баку не делают...

Алешка соскочил на землю, толкнул створку, она не поддалась — видно, петли заржавели.

— Не заперто, их толкнуть малость... — залезая в кабину, сказал Устюжанин.

— Зачем толкать? Пешком пройдем.

— Не-е, Тофик! Устюжанин на родину вернулся! Шутишь, такая техника в руках — а ты пешком. Пусть привыкают! — Он взялся за рычаг.

Бульдозер медленно подъехал к воротам и осторожно толкнул их. Створки не поддавались. Алешка поднажал.

Ржавые петли застонали и лопнули, ворота распахнулись — правая створка, описав полукруг, медленно завалилась в лопухи, а левая пропустила бульдозер, с пронзительным визгом вернулась назад, оторвалась от скобы и, продолжая движение, рухнула на дорогу...

Бульдозер с ревом шел посреди улицы.

Алешка, высунувшись из кабины, озорно орал:

— Привет землякам от нефтяников Каспия! Привет труженикам села от рабочего класса Башкирии!

Открывались калитки, ворота, и старушки разного калибра появились на улице. Молча провожали взглядом ревущее, лязгающее гусеницами чудовище.

Бульдозер развернулся в конце улицы и пошел обратно.

— Есть где жить ребятам, — заметил Тофик. — Хозяйки тоже подходящие — моложе семнадцати лет...

— Значит, по ночам спать будем, — сказал Алексей.

На выезде из села бульдозеру пришлось остановиться: в проеме ворот, не уступая дороги, стояли двое — кряжистый, крепкий старик с сиво-рыжей бородой и молодая женщина. Они несли сеть, ведро с рыбой. Мокрая юбка бабы была подоткнута, и белая нога высоко обнажена. Оба смотрели на приезжих — старик гневно, женщина с игривой улыбкой.

— Останови! — сказал Тофик.

Когда мотор заглох, старик сердито заговорил:

— Что же вы, сукины дети, добро рушите?! Мешали они вам?! — Он ткнул пальцем в ворота.

— А на хрена тебе ворота, дед, если забора нету, — высунулся из кабины Алексей.

— Эти ворота люди делали, мастера... На века делали, а вы корежите, идола!

— Не жалея, дед, — куражился Алексей, — мы тебе скоро железные ворота поставим, с завитушками, а тебя в проходной посадим!

Тофик перебил его:

— Погоди!

Он вылез из кабины, пошел к воротам.

— Не сердись, отец, это нетрудно поправить. — Рустамов принялся подымать створку, но даже при его силе это ему не удавалось.

Старик стал помогать.

— Новые петли надо ставить, — покраснев от натуги, говорил Тофик.

— Двести лет стояли! — не мог успокоиться старик.

— Да ладно тебе, Спиридон, врать-то — двести лет! — досадливо прикрикнула женщина. — Чего пристал со своими гнилушками! Огораживать-то давно нечего!

Алешка выпрыгнул из кабины, подошел, заглянул в ведро.

— Ого! Хороша рыбка! Бредешок не дашь половить?

— Бредешок не мой, — покачала она головой.

— Может, рыбкой угостите?

— Рыбка тоже не моя.

— А чья же?

— Рыбка речкина, — усмехнулась женщина.

— А сама чья?

— Да уж не ваша!

— Не скажите! — Алексей «настроился на волну» и теперь заходил на первый вираж. — Не скажите! Мы ведь сюда не на один день приехали, полгода пробудем. Так что все может случиться... Еланская?

— А какая ж?

— Соломина, значит?

Она удивленно уставилась на Алексея:

— Откуда знаете?

Он подмигнул:

— Да кто ж не знает, что самые красивые девки в Сибири из Соломиных! Всем известно: как Уральский хребет переехал — лучшие девки в Елани, соломинские, рыжие!

Женщина пристально посмотрела на Алексея, что-то во взгляде ее изменилось.

Алексей зашел на второй вираж:

— Вот и я как услышал, так сразу сюда, к вам, в Елань.

Давайте знакомиться...

— Давайте, Алексей Николаевич. — Она протянула руку.

Алексей опешил:

— А вы откуда...

— А у нас тоже в Елани известно: как в Сибири появляется бабник — значит, Устюжанин Алексей... Верно?

— Ну, ты даешь! — заржал Алексей, но вдруг прищурился и, наставив на нее палец, сказал: — Точно! Медсанбат, Второй Украинский фронт!

Она покачала головой.

Алешка наморщил лоб, вспоминая:

— Мурманск? Ресторан «Кавказский»?.. Сдаюсь, — развел руками, — напхни...

— Танго, — сказала она. — Утомленное солнце...

— Точно! — обрадованно заорал Алеша. — Сочи! Вспомнил!

Он обнял ее за плечи.

Она засмеялась и показала на сарай за покосившимся забором:

— Не Сочи, а вон тот сарай... Вы меня танцевать учили...

— Теперь точно! Вспомнил!.. Тофик, иди сюда! Я тебя познакомлю!

Тофик, который возился со второй створкой ворот, выпрямился, достал гребешок и, расчесывая бакенбарды, усы и брови, степенно подошел.

— Знакомься, — сказал Алешка, — моя старая знакомая!.. Можно сказать, первая любовь — Соломина Рая.

— Тая, — поправила она.

— Ну да, Тая, — без смущения кивнул Алешка.

Теперь наконец он действительно вспомнил ее.

Тофик почтительно пожал протянутую руку. Такие женщины ему очень нравились. Он покосился на подоткнутую юбку. Тая заметила, оправила подол.

Алешка заходил на третий вираж:

— А это Тофик Закирович Рустамов, мой непосредственный начальник, знатный нефтяник из Баку, орденоносец, мастер спорта... — Алеша сделал паузу и скромно закончил: — Хороший семьянин, пятеро детей...

Тофик метнул взгляд на друга, потупил глаза.

Тая ласково улыбнулась «хорошему семьянину», разглядывая его вороненные усы и блестящие глаза. Такие мужчины ей тоже иногда нравились. Она собралась что-то сказать, но в это время у нее за спиной раздался хриплый голос:

— Рыбу отнеси, вертихвостка!

Все оглянулись.

Старик исподлобья смотрел на Таю.

— Да ты что раскомандовался? — вскипела Тая. — Ты кто мне, отец или муж? Скажи спасибо, что еще помогаю тебе, хрычу старому!

Спиридон молча смотрел на нее.

Тая осеклась, нехотя подняла бадью и, покачивая бедрами, пошла к избе.

Старик стоял, расставив ноги, словно врос в землю, готовый к нападению. Он пристально смотрел на Устюжанина. Тот тоже глядел. С ухмылочкой.

— Добрался, племянничек? — наконец спросил старик.

— Добрался, дядюшка...

— Ну вот он я!

— Вижу.

— Что теперь делать будем?

— Что делать?.. — Алексей закурил. — Да вот поставим буровую, добуриremos до нефти, снесем деревню твою к чертовой матери, заасфальтируем все. Дома выстроим высокие. Будем жить с тобой припеваючи! В одном подъезде. Со всеми удобствами.

Спиридон вдруг горестно вздохнул и с тоской поглядел вокруг.

— Лучше б ты меня тогда зарезал. До войны!

— Зачем резать? Это я по молодости дураком был. — Алексей обернулся к Рустамову: — Познакомься, это мой родной дядя — Спиридон Ерофеич Соломин... — Алеша помолчал, снова усмехнулся. — Между прочим, убил моего отца.

Тофик окаменел с полупротянутой рукой.

— Да, убил! — с вызовом проговорил старик. — И за это принял от советской власти все, что положено! В штрафбате был, медаль имею! Искупил кровью, понятно?!

— Понятно.

— И ни о чем не сожалею! Понятно?

— Понятно.

— И отца твоего сам хоронил, потому как он мне родной человек был, как и ты тоже... — Спиридон перевел дыхание и продолжал: — А горя мы от него, от твоего папаши, хлебнули по горло! Раскидал он нас, Соломиных, расшвырял из гнезда, от корней. Бешеный был, потому как кровь устюжанинская...

— Протца не надо, — вдруг мягко попросил Алексей.

Спиридон осекся, перевел дух.

Из-за крыш со стороны реки вдруг вымахала стая лебедей... Они негромко перекурлькивались, летели клесу. Летели свободно и так низко, что слышно было, как скрипели перьями тугие крылья, со свистом рассекавшие воздух...

Трое мужчин медленно провожали птиц взглядом.

Алексей выплюнул окурок, и глаза его вдруг азартно засветились.

— Где там ружьишко? — проговорил он, подбегая к бульдозеру.

Он достал из-под сиденья двустволку, опоясался патрон-ташем.

— Слушай, Тофик, я тут в одно местечко смотаюсь по старой памяти, через час дичь будет к ужину... А бульдозер пусть Вася отгонит. Идет?

Тофик кивнул.

Алексей убежал в сторону леса, и полы его дождевика развевались по ветру.

Тофик посмотрел на Спиридона.

Старик с бессильной горечью смотрел вслед Устюжанину.

Вода в потаенном озере не колышется, словно зеркало. В солнечных бликах вспыхивают стрекозы. Засвистел воздух, запрыгали зайчики — лебеди с шумом садились на воду. И снова тишина, покой. Только по черному зеркалу медленно скользили прекрасные птицы.

Алексей раздвинул ветви стланика и застыл на мгновение. Потом, стараясь не шуметь, поднял ружье.

Мушка ходила ходуном от волнения. Крупный лебедь с широкой грудью, испачканной тиной, поднял встревоженно голову, но, не заметив ничего опасного, снова толкнулся и заскользил по застывшей глади.

Алексей задержал дыхание, мушка перестала дрожать, она вела теперь лебедя под корень шеи. Алексей уже собрался плавно нажать спуск, когда вдруг чья-то рука мягко, но властно отвела ствол ружья вверх.

Перед ним стояла Тая.

— Что ж ты, изверг... — сказала Тая, странно улыбаясь и глядя ему прямо в глаза.

Алексей с удивлением смотрел на нее.

Глаза Таи возбужденно блестели. Она успела подкрасить губы, подвести брови, и ее лицо стало еще более привлекательным. На ней была новая юбка, на плечах полushалок.

— А что? — спросил Алексей.

— У них же сейчас самая любовь!..

— Да? — сказал Алексей. Потом, не отрывая глаз от Таи, осторожно приставил ружье к дереву. — Понятно...

Он приблизился к Тае и, крепко обняв, поцеловал в губы. Тая ответила ему.

Оторвавшись, чтобы перевести дух, она посмотрела на Алексея все с той же странной улыбкой.

— Что это ты приткий такой? — И сама крепко прильнула к его губам.

Алексей оценил ситуацию и почувствовал, что можно дать волю рукам.

— Подожди, Алеша... — неуверенно сказала Тая.

— Да ладно... — пробормотал он в ответ.

Вдруг Тая вся напряглась и замерла, глядя куда-то в сторону и прислушиваясь.

— Ты что? — Алеша невольно сам задержал дыхание.

— Да нет, ничего... — Она с тревогой оглядывалась.

— Да чего ты все смотришь-то? — с досадой спросил он.

— Да так. Места тут... все время вроде кто-то мерещится!

— Пугливая какая! — выдохнул Алексей Тае в лицо и снова прижал ее к дереву. Целуя ее лицо, губы, глаза, расстегивал пуговички на кофте.

Тая торопливо шептала:

— Погоди, Алеша, родной... Ну зачем же здесь-то? Я в доме одна живу, Алешенька...

— Ладно, дома потом, — также торопливо отвечал он.

Она сползла на мох.

— Погоди! Вон... там!.. — Она смотрела в сторону темных зарослей.

Алексей оглянулся:

— Чего?

— Вроде стоит кто-то, видишь? Смотрит...

Алексей вгляделся.

В шевелящейся листве, казалось, виднелся чей-то колеблющийся силуэт. Алеша вгляделся попристальнее. Силуэт растворился в густой черноте тенистого ольшаника.

— Да нет никого.

— Есть!

— Ну и пускай смотрит!

Алексей зарылся в распустившиеся рыжие волосы Таи, стал целовать ее в шею, крепко прижимая к себе. Нога Алексея в огромном кирзовом сапоге скользнула по земле, приблизившись к прикладу ружья, которое он прислонил к дереву.

— Алеша, милый! — шептала Тая, жарко целуя его.

Вдруг где-то в ногах раздался оглушительный выстрел.

— А-а! — рванулся испуганно Алексей, но Тая обеими руками крепко обхватила его, прижимая к себе.

— Да ружье это... ружье... твое... не бойся... — шептала Тая. — Ружье это!..

Взорвалась хлопаньем лебединых крыльев тишина над озером -- стая лебедей тяжело и косо подымалась над водой.

И опять казалось, что за ольховыми кустами стоял кто-то, или просто причудливо металась черные тени среди ветвей.

Птицы сделали круг над лесом, над озером. Снова опустились на воду. Пошумели, поплескались. Брызги воды разлетались веером из-под белоснежных крыльев.

Потом снова разбежались на пары и заскользили по успокоившейся черной воде.

...Тая сидела, прислонившись к дереву. Ласково, с любовью смотрела на Алексея. Он полулежал на плаще, курил.

Тая, зажав шпильки в нацелованных губах, поправляла волосы.

— Эх!.. Не узнал ты меня. — Она с укоризной улыбнулась. — Совсем забыл, Алеша!

— Ну, это я не виноват! Ты тогда такая была... козявка! А теперь вон что из тебя получилось! И вид у тебя совсем не деревенский!

— Я сюда всего полгода назад вернулась. До этого на «Академике Тимирязеве» работала буфетчицей. Двухпалубный! Ресторан второго класса. Каюта люкс. Диваны бархатные...

— Хорошо? — покосился на нее Алексей.

— Хорошо. — Тая вздохнула и горько улыбнулась.

— Чего ж не осталась?

— Так... хорошенького понемножку. — Она невесело усмехнулась, вынула у него изо рта папироску и затянулась. — Теперь здесь, Спиридону помогаю. Злой, черт, а жалко — он ведь один. И я одна. Пелагея-то умерла...

— А чего ты не замужем?

Она посмотрела на него пристально:

— Сказать?

- Ну?

Она помолчала.

— Долго рассказывать.

Алексей вдруг глянул на часы и заторопился:

— Мать моя женщина! Меня там люди ждут! Бежать надо! — Он вскочил и принялся приводить себя в порядок. — Знаешь, Тая... Давай врозь вернемся. И вообще, чтоб в деревне не знали. А то неудобно — все-таки коллектив у меня. Сама понимаешь...

— А-а! — Тая вдруг сделалась деловой. — Коллектив. Как же, понимаю.

Лицо ее стало вдруг некрасивым, глаза потускнели, и под ними резко проступили ранние морщинки. Она смотрела в сторону.

— Ну, я побег, — сказал Алексей. — Физкультпривет!

И побежал сквозь кусты напрямик.

Тая не повернулась. Она равнодушно смотрела на темную озерную воду, на лебедей, курила, глубоко затягиваясь, думая о чем-то своем, невеселом.

Потом подняла глаза.

Высоко в небе горела первая вечерняя звезда. Звезда Афанасия Устюжанина.

Он шел по берегу, уже разбитому, развороченному тракторами и тягачами. Увязая в грязи, бульдозеры с натужным ревом тащили на полозьях многотонные фермы вышки, бочки с соляжкой. Все поглотил рев машин, крик, перебранка.

Алексей бродил среди штабелей стальных труб, беспорядочно разбросанных мешков с цементом, выискивая кого-то...

Рустамова Алексей нашел на кладбище. Тот стоял среди могил и с недоумением разглядывал карту-километровку. Здесь даже слышно было, как шелестят на ветру березы.

— Едут мои ребята! — радостно сообщил Алексей Тофику. — Едут мои соколики, мои полковнички! Сегодня должны быть.

Тофик кивнул, не подымая глаз от карты, пробормотал:

— Не пойму — что они, пьяные, что ли, чертили?..

— А что?

— По карте получается, что мы буровую должны прямо на кладбище ставить. Вот здесь!

Алексей пристально посмотрел на него, холодно сказал:

— Ставь.

— Куда ставь?! — рассердился Тофик. — Вот сюда?! В могилу бурить?! Может, прямо в эту?!

Алексей обернулся.

За изгородью на кресте было начерчено: «Афанасий Устюжанин».

— Родственник? — спросил Тофик.

— Они все мои родственники! Это дед родной...

— Что ж? Так в деда и будешь забуриваться, да?

Алексей, сдерживая себя, ответил:

— Давай в деда!

— Ты соображаешь?! — возмутился Тофик. — Предков когда уважать будем?

— А ты друзей-товарищей когда уважать будешь? — наконец взорвался Алексей. — Ты что мне обещал, когда из Башкирии звал?!

— Что? — с невинным выражением спросил Тофик.

— Не помнишь? Что буровую будем ставить, где я покажу! На Чертовой гриве!

— Алеша, — лицо Тофика выразило страдание, — у меня же проект. Утвержденный!

— А, у тебя проект, а на Чертовой гриве прямой выход газа! Я же тебе тысячу раз рассказывал, как мы с отцом там чуть не задохнулись. Если хочешь знать, я только из-за этого сюда и приехал. И ребят своих вызвал!

— Алеша...

— Выходит, ты меня обманул?

Тофик вздохнул.

— Если честно... обманул! — Он приложил руку к сердцу. — Очень мне хотелось, чтобы ты со мной опять работал! А там еще мы поставим! Обещаю!

Алексей пошел прочь, махнув рукой:

— Бури в деда... бури в бабку... В душу, в мать... Бури!

— Алеша! — с отчаянием воскликнул Тофик. — Мне же за это по шее дадут!..

Алексей остановился, обернулся:

— Может, и по шее, а может, звездочку дадут!

— Звездочку?.. — Тофик прищурил глаз.

— Да! Героя Соцтруда!

Тофик не мог стерпеть искушения, махнул рукой и с деланным возмущением сказал:

— Вечно ты меня втрапляешь в авантюры... Поехали!

Трещал настил Афоной дороги, широкие гусеницы вездехода выворачивали бревна. Старые, полусгнившие плахи крошились, падали, и между ними проступала черная болотная жижа. Рев дизеля сотрясал окрестности, сизый дым клочьями повис над дорогой.

Впереди показался Вечный дед.

За последние шестьдесят лет дед мало изменился, разве стал пониже, покрючковатей.

Уступая дорогу, дед сошел на обочину и тут же провалился по колена в сырой мох.

Алексей затормозил:

— Здоров, дед! Живой еще?

— Алешка! — улыбнулся дед. — Слышал, что вернулся. Говорят, уже наломал дров?

— Старое ломаем, новое строим, дед! Скоро тут все заасфальтируем, забетонируем. Слушай, как на старую буровую проехать? Я забыл. Может, покажешь?

— Я в ту сторону не хожу. И вам не советую...

— И почему?

— Нечистое это место, — нехотя ответил дед.

— Двадцатый век, дедушка, — сказал Тофик мягко. — Мы без предрассудков, в чертей не верим!

— Ну тогда валяйте, — улыбнулся Вечный дед.

Мотор взревел, и трухлявые бревна затрещали под гусеницами...

Вездеход с урчанием продирался через чащобу, виляя между толстых, бородатых от лишайников стволов, переваливая через корневища и поваленный бурелом. Он то врзался носом в ярко-зеленую ряску трясины, то карабкался наверх по кочкам, поросшим брусникой и морошкой, подминая под себя целые кусты.

— По-моему, мы на этом месте уже были, — сказал Тофик.

— По-моему, тоже. — Алексей вытирал рукой взмокший лоб. — Вроде вот здесь где-то рядом... Вот и сосна с развилкой, а за ней должно...

Затрещали сучья, заскрежетали по днищу, вездеход плыл по болотному озерцу. Когда он вскарабкался на берег, Алексей закричал:

— Вот она, вот она, Чертова грива!

Перед ними по изломанной линии холма, протянувшегося среди болот, стоял высохший, неживой островерхий лес. Мертвые, местами обугленные стволы иглами ершили в небо, отчего гряда напоминала хребет фантастического животного.

— Не поверишь, мне эта Чертова грива с самого малолетства снится, — тихо сказал Алексей. — И сейчас как под банкой спать ляжешь — обязательно приснится! Сосна горит, а за ней все болото в огне! Я до нее, можно сказать, всю жизнь добирюсь...

Вездеход взобрался на возвышенность, с хрустом врзался в страну сухостоя, проломился через нее и снова остановился.

Перед ними расстилось болото, какого они никогда не видели. Испарения, поднимавшиеся от земли, были необычного желтого цвета. Редкие сосенки торчали между кочек. В струящемся от испарений воздухе колыхалась седая трава, дрожали обманчивые ядовито-зеленые лужайки с нежными цветочками.

— Проклятая земля! — тихо сказал Алексей.

Слева, там, где на краю болота подымалась глухая черная стена лесов, стояла покосившаяся вышка невысокой деревянной буровой.

Алексей, напряженно улыбаясь, медленно потянул рычаги.

Вездеход спустился по болоту, потом поплыл по жидкой грязи к вышке. И неожиданно накренился, вздыбился, заелозив гусеницами по скользкому настилу из нескольких рядов полусгнивших бревен. На этом плоту когда-то и была поставлена буровая.

— Дальше не проехать, — сказал Тофик.

Они подтянули отвороты резиновых сапог и вылезли, хлопая по колена в болотной жиже, на заросший мхом и травой настил, который под ногами расступался и уходил вниз.

Буровая стояла странная, похожая на остов опутанного водорослями затонувшего корабля. Длинные пряди мха свисали с позеленевших трухлявых перекладин.

В стороне стояли два полуразвалившихся сарая.

Они пошли вдоль покосившейся бревенчатой стены, обогнули ее.

У венца кладки в неестественной позе лежал человеческий скелет. Сквозь него проросла сочная трава. Меж ребер весело светились ягоды брусники.

Они пошли дальше.

Тофик остановился, оглядываясь.

— Ты ничего не чувствуешь?

— А что? — посмотрел на него Алексей.

— Н-ничего... так... показалось.

— А что показалось? — настороженно спросил Алексей.

От обильных испарений воздух дрожал, искажая все предметы — деревья, кусты как бы слегка извивались.

— Нет! — громко сказал Тофик. — Летом нам сюда не пробиться. Они, конечно, ее зимой ставили!

Алексей ничего не ответил.

— Ты что? — внимательно посмотрел на него Тофик.

— Там кто-то есть! — Алексей глазами показал на дверь сарая.

— Ружье где?

— Под сиденьем. — Алексей кивнул в сторону, где они оставили вездеход.

— Сбегаю принесу.

Тофик, балансируя на расходящихся бревнах, убежал.

Алексей постоял и решительно направился к сараю, но вдруг замер на месте: дверь внезапно стала со скрипом раскрываться.

— Дед, ты? — почему-то громко спросил Алексей.

Никто не ответил. Алексей шагнул в черноту сарая.

В сарае было пусто. В углу валялось ржавое железо, истлевшее тряпье. Что-то черное, мохнатое внезапно сорвалось из-под крыши, заметалось по сараю, задевая Алексея по лицу. Он вздрогнул, а потом рассмеялся — это была слепая сова.

И в это время до Алексея донесся глухой протяжный крик.

* * *

Рустамов стоял по грудь в болоте, он раскинул руки, стараясь удержаться. В нескольких метрах от него, накренившись, торчала из трясины кабина вездехода, который буквально на глазах погружался в трясины. Алексей забегал по хлюпающим трухлявым бревнам.

— Сейчас, Тофик, сейчас! Главное — не шевелись!

Он распоясался и перепрыгнул на кочку с молодой березой.

С кочки до Тофика было не более трех метров.

Алешка тянулся к Тофику, кинул ему конец ремня.

— Я сейчас, я сейчас... — бормотал Алексей.

Тофик схватился обеими руками за конец ремня. Алексей потащил и сам, поскользнувшись, плюхнулся в трясины. Он сразу начал энергично сопротивляться — это было его ошибкой, он мгновенно ушел по грудь в жидкое месиво.

— Не шевелись, — сказал Тофик, растерянно улыбаясь.

Губы его посинели.

— Вот так дела, — сказал Алешка.

— Газ, — сказал Тофик. — Метан. — Он глазами указал на пузырящуюся болотную жижу прямо перед своим лицом.

Алексей втянул в себя воздух.

— Точно — прямой выход! Так мы недолго протянем. — И Алексей отчаянно закричал: — Эй!.. На помощь!

Алешка орал, вдыхая в себя сырой, пахнувший газом ядовитый воздух. Уже только одни их головы торчали над трясиной.

— Какое хорошее место, — проговорил Тофик. — Ты прав. Здесь надо буровую ставить. Только зимой...

— Дурею я, Тофик, — прошептал Алексей, — боюсь, что сознание потеряю... — И он закричал срывающимся голосом: — Э-э-э-эй!.. Де-е-ед!.. На помо-ощь!.. — Он заматал головой и посмотрел на Рустамова.

Тот не моргая уставился в одну точку. Алексей повернул голову.

На кочке под березкой в густой высокой траве сидело косматое, заросшее седыми волосами существо, смотрело на них и даже как-то криво улыбалось.

— Тофик, ты видишь? — прохрипел Алексей.

Тофик кивнул.

Существо приподнялось и стало отдаленно напоминать старого человека в вытертой рваной кухлянке. Лицо старика было изуродовано глубоким шрамом. Это был хант Федька, но Алексей не узнал его.

Существо подпрыгнуло, повисло на березке, стараясь изо всех сил пригнуть ее к трясине. Наконец белый ствол нехотя затрещал и с шелестом упал между Тофиком и Алексеем.

Оба судорожно вцепились в ветви.

— Только осторожно, — просипел Тофик.

Старый хант улыбнулся изуродованным ртом и растворился в густом тумане...

Смеркалось. Две фигуры с ног до головы в болотной грязи тащились, поддерживая друг друга, по раскученной Афониной дороге.

— Все-таки плохой ты товарищ, — вдруг сказал Тофик.

— Почему?

— Зачем ты ей сказал, что у меня пять детей?

— Кому? — не понял Алексей.

— Зачем Тае сказал? Ты же знаешь, я холостой!

— Ну, ты даешь! — Алексей засмеялся.

— Нет, ты скажи — зачем?.. Она тебе нравится, да?

— Эх, Тофик, — вздохнул Алексей. — Да они мне все нравятся!

В вагончике-столовой за столом расположилась вновь прибывшая вахта Алексея Устюжанина, которую он с таким нетерпением ждал.

Два помбура — Петро и Ваня. Петро — рябой, с редко улыбающимся ртом, для пущей солидности еще старался вы-

глядеть помрачнее. Ваня — степенный, квадратный, надежный.

Дизелист Костя — маленький, верткий, судя по лицу, любитель выпить и закусить, конечно, в свободное от работы время.

Четвертым был высокий парнишка, раскосый, с длинными, до плеч, волосами, черными, как крыло ворона, которыми он, видимо, очень гордился. Он был хант. Звали его Сашка.

Все были приодеты, видимо, еще с дороги, в галстуках. На пиджаках у тех, кто постарше, ордена и медали.

Остатки ужина были сдвинуты в сторону. Сашка с еле заметным акцентом читал из толстой истрепанной книги вслух, а остальные слушали с величайшим вниманием.

— «...тюремщик Дантеса, хоть и не показывал виду, часто в душе жалел бедного юношу, так тяжело переносившего свое заточение: он передал коменданту просьбу номера тридцать четыре...»

В это время дверь распахнулась и, откинув марлевый полог, ввалился чумазый, но счастливый Устюжанин.

— Приехали, родные... Соколики! Полковнички!

— Это наш новенький — Сашка, верховым, курсы кончил, — кивнул на Сашку Ваня.

— Ясно, — улыбнулся Алексей. — Ого, какие вы! При орденах-медалях!

— Дорога дальняя, пересадок много, — пояснил Костя.

— Ты это откуда вылез? — спросил Ваня.

— А-а... — отмахнулся Алексей. — Вездеход надо выдернуть. Но это завтра...

— Начинается, — пробурчал Петро.

— На Чертовой гриве были! — Алексей чмокнул языком. — Там буровую надо ставить!

— Слушай, Алеха, — твердо сказал Ваня. — Поговорить надо. Мы к тебе по первому вызову приехали, потому что любим тебя, ценим как мастера... Но вот говорим тебе в последний раз: если мы опять без денег останемся, как в прошлый сезон...

— Мы-то хрен с ним! — как бы извиняясь, пояснил Костя. — Можно и без премиальных, а у Петро дети малые и жена... сам знаешь какая!..

Петро, потупившись, угрюмо молчал.

— Соколики! Полковнички! Слово Устюжанина! Никакого новаторства! Никаких мировых рекордов!..

— Смотри, Алеха, в последний раз верны. А если что — не обижайся. Получишь пендюлей хороших... Верно говорю, Петро?

Петро кивнул и выложил на стол здоровенные кулаки.

— Все понял, соколики, договорились! — кивнул с готовностью Алексей.

— Держи пару! — Ваня протянул руку. — И топай умыться, а мы тут почитаем малость! — И обернулся к мальчишке: — Заводи, Саша!

— «...несмотря на жаркие молитвы, Дантес оставался в тюрьме. Тогда дух его омрачился и словно туман застлал ему глаза. Он не мог в уединении тюрьмы и пустыне мысли воссоздать былые века...»

Алеша встал и на цыпочках пошел к двери.

Вечером, умытый, Алексей сидел один в своем родном доме.

Керосиновая лампа слабо освещала пустые пыльные углы. На столе негромко играл транзистор. Мужской хор пел старую песню Гражданской войны:

Мы красные солдаты,
За бедный люд стоим,
Свои поля и хаты
Мы в битвах отстоим...

Забывшая музыка ударила Алексея в самое сердце. Он вздрогнул, поднял голову и впервые с момента возвращения оглядел свою родную избу.

Вот стол, за которым они когда-то сидели с отцом.

Вот кровать и лавки, на которых они когда-то спали.

Печь с приступками...

А со стены напротив, со старого, пожелтевшего революционного плаката, который он когда-то сам повесил, смотрел на него в упор красноармеец с неистовым взглядом, чем-то отдаленно напоминавший Алексею отца...

Все пушки-пушки грохотали,
Трещал наш пулемет,
Бандиты отступали,
Мы смело шли вперед...

Теперь уже почти сорокалетний Алексей Устюжанин не отрываясь смотрел на плакат, и на глазах у него выступили слезы...

Ярким июльским утром Спиридон и Вечный дед занимались несложной и невеселой работой — копали на краю кладбища могилу.

Рядом за низкой порослью ольшаника, на очищенной от леса площадке возвышалась сорокаметровая стальная громада буровой вышки. Оттуда явственно доносились крики. Потом завывали моторы. Повыли и смолкли.

Здесь, у буровой, чувствовалось праздничное возбуждение — готовились к забуриванию.

Уже давно были открыты амбары — огромные емкости, а попросту — ямы для раствора.

Уже давно была смонтирована буровая, и все оборудование уже уместилось на разлапистой металлической площадке, крытой стальными листами.

Тофик с молоденькой лаборанткой брал пробу раствора.

Алексей, Петро и Вася закрепляли огромное, сверкающее резцами бурильное долото.

По заляпанной грязью, прогибающимся досточкам через площадку шла Тая. Она поздоровалась с Костей, кивнула рыжему Семену из третьей вахты — видно, многих уже знала.

За грудой пустых бочек из-под солярки она наткнулась на Алексея.

— Ты чего здесь делаешь? — изумился Устюжанин.

— Да вот пришла на кладбище бабку Степаниду хоронить, дай, думаю, на тебя гляну. — Тая скинула черный платок и кокетливо улыбнулась. — Ты что же так с девушкой нехорошо поступил?

— Чего? — не понял Алексей.

— А того! Как из лесу вышел, так и забыл.

— Времени нет, — вздохнул Алексей.

— За месяц-то мог бы найти. Или коллектив отвлекает? — Она глянула в сторону лаборанточки у амбара.

Из-за штабеля бочек вынырнул юркий Костя.

— Ну так что, будем насосы прогонять или нет?

— А я что делаю? — беззлобно огрызнулся Алексей и повернулся к Тае: — Извини, Тайка, не до тебя. Сегодня у нас, можно сказать, праздник — забуриваемся! Так что в следующий раз.

Он побежал к буровой.

— Поздравляю, коли праздник! — не обидевшись, крикнула ему вслед Тая.

А Тофик ничего не слышал из того, что говорила ему хорошенькая лаборантка, глядел во все глаза на плывущую среди железа и скрежета Таю.

Хант Сашка с мегафоном в руке забрался на самую верхнюю площадку вышки — к лебедке. Перед ним волнами уходила к горизонту его родная тайга. Слева в редколесье синели болотные озера.

Сашка приложил мегафон ко рту и сказал:

— Эй, Сибирь, даю пробу!

Он с удовольствием слушал, как его усиленный во сто крат металлический голос полетел над просторами тайги.

А над темными верхами елей неслышно кружились далекие лебеди...

Тофик, галантно подставив руку, вел Таю через территорию буровой. Тая шла по досточкам, а Тофик рядом проваливался по колено в густую жирную грязь. Это не мешало ему что-то оживленно рассказывать Тае.

На кладбище хоронили старую Степаниду. Усопшая лежала в маленьком аккуратном гробике, на холме свежей земли. Вокруг собрались провожающие — все такие же древние старушки, Спиридон, Вечный дед, еще кто-то из села.

Спиридон бормотал нараспев:

— Помяни, Господь Боже наш, в вере и надежде живота вновь преставившуюся рабу твою, сестрицу нашу Степаниду, и яко благ и человеколюбец, отпуская грехи...

— Господи, помилуй! Господи, помилуй!.. — подхватил нестройный хор дребезжащими голосами.

Лица поющих были сосредоточены и покойны. Их не тревожил визг лебедки и лязг гусениц. Подошла и стала Тая позади всех.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй!..

— ...Сашка, твою в Бога, ты опять колы валяешь и к стенке приставляешь! — раздался металлический, усиленный мегафоном голос Алексея. — Тофик Закирович, можно начать прогонку насосов!..

Спиридон прикрыл глаза, повысил голос, запевая:

— Тем же милостив тому буди, и веру, яже в тя вместо дел вмени и со святым твоим яко щедр упокой: несть бо человека, иже поживет и не согрешит...

— Ваня, Петро! — звенел металлический голос. — Костя, давай!

И тут завывли дизели, окутав площадку сизым дымом, застучали насосы. Пронзительный гул и визг, заглушая службу, заполнил все над кладбищем.

Старушки раскрывали рты, что-то пели, но голосов не было слышно.

— Костя! Мать твою через так! — зазвенел снова металлический голос Устюжанина.

Спиридон не выдержал, сплюнул:

— Тьфу, прости, Господи!.. Похоронить не дадут! — Он перешагнул через могилу и направился к буровой.

Старушки, толкаясь, засеменили за ним.

У гроба остались Тайка и Вечный дед. Тая повернулась и медленно побрела в село.

Вечный дед глядел вслед Спиридону и не знал — то ли идти следом, то ли остаться стеречь усопшую.

Алексей, натянутый, напряженный, отложил мегафон, последний раз глянул на манометры, окинул взглядом бригаду:

— Готовы? По местам! Сашка! — Он глянул вверх.

— Нормально! — донеслось с верхней площадки.

Мощно и ровно гудели дизели, стучали насосы. Дрожали шланги под огромным давлением нагнетаемого раствора.

Еще мгновение... В этот момент на мостках замельтешили черные старушечьи фигурки, среди них, как пророк, с непокрытой головой и развевающейся бородой — Спиридон.

Алексей замер у пульта, удивленно глядя на гостей.

— Выключи ты ее... хоть на полчаса! — взмолился Спиридон. — Душу вымотал! Дай хоть похоронить-то по-христиански!

— Не могу, дядя, — озорно улыбнулся Алексей. — Раньше надо было помирать, а теперь — забурились! Теперь до осени ничего выключить нельзя!

Спиридон затрясся от гнева:

— Окаянная душа!

Старушки тоже замахали руками, запричитали, но за шумом слов разобрать было нельзя.

— Смотрите, родимые! — Алексей подошел к трубе, нависшей над ротором, и указал вниз.

Над ним угрожающе нависло долото с тупым мощным рылом.

— Смотрите! — Он обернулся к землякам. — Сейчас мы матушке земле этого дурака под кожу загоним, прямехонько

туда! — Он выразительно показал рукой и округлил для большего страха глаза. — Прямехонько под наших праотцев!

— Бога на тебя нет! — запричитали бабки. — Охальник!

Алексей подбежал к пульту, глянул на помощников.

Те сосредоточенно ждали у своих мест.

Алексей подмигнул и нажал на рукоять.

Завизжали лебедки, и долото стало медленно опускаться в землю. Застонало, вздрогнув, железо буровой. Из-под земли брызнула струя раствора с первой намытой водой.

Огромные железные механизмы медленно задвигались.

Среди них орудовали перепачканные веселые буровики.

Старухи, крестясь, пятились к ступеням.

— Бог тебя накажет, Алешка! — крикнул с отчаянием Спиридон. — Проклятое твое семя, устюжанинское!.. — Голос Спиридона сорвался, он махнул бессильно рукой и пошел вниз.

Алексей хохотал, кричал что-то, сверкая зубами, махал рукой, призывая к себе...

А у могилы одиноко стоял гробик. Подле него все в той же нерешительной позе стоял Вечный дед.

Ровный пульс нечеловечески мощного организма заполнил все вокруг и отдавался за рекой, у далекой кромки тайги. Сизая гарь поползла между могил.

Бригада Алексея работала слаженно.

Петро не глядя хватал одной рукой скобу помбурского ключа, распахивал его челюсти.

Ваня привычно упирался, также не глядя травил трос. Он навинчивал трубу, чувствуя, сколько витков осталось.

Сашка наверху суетливо выводил из-под упора новую трубу, закреплял ее и с восхищением глядел на удалую работу профессионалов.

Рука Алексея уверенно лежала на рычагах пульта.

Дрожали стрелки манометров.

Ревели четырехсотильные дизели.

Все глубже и глубже, туда, в огромное тело сибирской земли, ввинчивалась жирно блестящая, мощная труба.

И земля, казалось, дрожала, безмолвно перенося страдания, не в силах воспротивиться этим пришельцам, чужакам, которые вели себя на ней с уверенностью хозяев...

...Лакированная «Чайка» миновала прозрачный куб международного Шереметьевского аэропорта и притормозила у ворот, ведущих на летное поле.

— Кого встречаете? — наклонился к водителю дежурный.

— Первого секретаря обкома Соломина, рейс триста первый.

Дежурный козырнул, поднял шлагбаум.

По взлетной полосе, рокоча турбинами, уже выруливал на стоянку авиалайнер.

«Чайка» миновала стеклянный зонт дебаркадера, подъехала к самолету.

По ступенькам трапа спускался широкоплечий седой мужчина с депутатским значком на груди. Мы не сразу узнаем в нем Филю Соломина, нашего старого знакомого, давнишнего соперника отца Алексея Устюжанина — Николая, а затем кавторанга Соломина, с которым судьба однажды свела Алексея на фронте.

В руках Соломин нес плетеную бамбуковую сумку, в которой качался диковинный тропический плод.

Секретарь обкома, улыбаясь, пожал руки встречавшим его людям, сел в машину, и она, плавно тронувшись с места, понесла его к зданию аэровокзала...

В зале молоденький работник таможни вернул Соломину паспорт, механически спросил:

— Овощи, фрукты, семена, цветы везете?

— Вот везу... одного, — сказал Соломин и поднял плетеную сумку, — а кто он, фрукт или овощ, не знаю.

Чиновник сконфуженно покачал головой:

— Нельзя, товарищ депутат.

— Детишкам показать.

— Нельзя. — Таможенник покраснел от волнения, но решил не сдаваться.

— Да ты пойми, я его по ту сторону экватора сам сорвал... Ребятишки-то мои в тайге, кроме шишек еловых, ничего не видели!

— Я сам первый раз вижу, но... — Юный работник таможни развел руками.

— А что делать? Выкидывать?

— Съесть можете, здесь... сейчас...

В этот момент откуда-то вынырнул запыхавшийся помощник:

— Одну минутку, Филипп Ермолаевич, сейчас все уладим.

— Погоди, нечего улаживать — нельзя так нельзя. Нож есть?

— Нет, — растерянно покачал головой таможенник.

— Я сейчас принесу, — сказал помощник.

— Давай! Заодно и вас угощу.

Соломин медленно пошел по холлу.

Навстречу ему быстро шел седой человек в несколько помятом костюме, с плащом на руке. Обветренное, с резкими чертами лицо его было озабочено.

— Приветствую, Филипп Ермолаевич! Как я вас ждал вчера!

— Здравствуй. Самолет опоздал. — Соломин подал подошедшему руку.

— Я прямо из Госплана.

Соломин насторожился:

— Ну?

— Решение о строительстве ГЭС в нашей области утверждено. Слушали авторов проекта. Запивается площадь сто тридцать тысяч километров. Отметка тридцать пять метров — это значит, что все плодородные пойменные земли и больше ста миллионов кубов леса — под воду! Все построенные за последние четыреста лет поселки тоже под воду! Волосы дыбом!.. И

главное, принимается все так гладко, празднично, с энтузиазмом! Самая северная ГЭС! Самое большое море!..

— Кто был от геологов? — помолчав, спросил Соломин.

— От области я, от министерства Битюков.

— Выступали?

— Выступали, — усмехнулся Гурьев, — шилом моря не нагреешь...

Соломин, сдерживая себя, медленно произнес:

— Ясно... Значит, подсутились ребята... Да, далеко зашло! Теперь нас может спасти только одно — живая нефть... а не обещания.

— Нефть будет! — твердо сказал Гурьев. — И именно в этих затопляемых районах!

Соломин всем корпусом повернулся к нему:

— Слушай, Гурьев, я это от тебя уже восемь лет слышу! Никто же тебе не верит — ни в министерстве, ни в Госплане. Ни в Академии наук. Даже смеются, говорят: «Нефть существует в больном воображении Гурьева». Восемь лет я своими плечами сдерживаю натиск на тебя! Но хоть плечи у меня и широки, а уж сил не хватает. Ноги подгибаются.

Лицо Гурьева покрылось красными пятнами, он, тоже с трудом сдерживаясь, заговорил:

— А я все эти восемь лет, вместо того чтобы нефть как следует искать, таскаюсь по инстанциям и доказываю, что два десятка буровых — это не масштаб для такой страны, как Сибирь! В нашей области одних только болот — три Франции! Мне немедленно нужна самая мощная техника, авиация, вертолеты, бульдозеры, вездеходы! Ведь все это у нас есть, но мне не дают — не верят! А люди кишки рвут по болотам, чтобы оборудование на точку поставить! Я, в конце концов, геолог! Мое дело искать, а не пороги во всех приемных обивать! Не своим делом занимаюсь...

Соломин, сдерживая бешенство, тихо проговорил:

— Только не жалуйся! У нас у всех не своих дел хватает!

Подбежал помощник:

— Ближайший самолет домой в девятнадцать сорок пять.

Соломин постоял, сосредоточенно раздумывая, потом решительно произнес:

— Ладно... Свадьбы еще не было! — И направился к выходу.

— А багаж? — растерянно спросил помощник.

— Багаж в гостиницу, билеты верни, а я в ЦК!

И он на ходу с размаху засадил заморский фрукт в урну, отчего это изящное украшение интерьера с треском развалилось надвое. Но Соломин этого не заметил, стремительно проходя в стеклянные двери аэровокзала...

Бритый наголо, заросший по щекам смоляной щетиной мужик перебирал струны гитары. Маленькая сережка в правом ухе выдавала его цыганское происхождение.

Мужик улыбнулся ослепительной улыбкой и запел с надрывом, по-нездешнему.

Хотя песня эта родилась где-то далеко и, казалось, годилась только для степей, она почему-то очень прилась к этой таежной сибирской реке, к зеленым хвойным лесам, уходящим за горизонт.

Был разгар лета. Может быть, за все лето только один раз до Елани добралась баржа — мешали перекаты и частые завалы.

Баржа завозила в дальние деревни нехитрый товар, без которого ни одно поселение в XX веке не обходится, — керосин, соль, сахар, спички, чай, резиновые сапоги.

Приезд баржи был большим событием для еланцев, просто праздником — старухи стояли за керосином, перебирали ситец, мужики торговали разное железо.

На корме собрались самые случайные пассажиры — работники, охотники, геолог, амнистированный. Все они расположились вокруг цыгана, кидали ему деньги, заказывали песни.

По берегу шла Тая. Шла легко, разряженная, улыбающаяся.

— Тай, а Тай! — крикнул с буксира помощник капитана. — Совсем тоска без тебя на «Академике Тимирязеве»! В буфет такую ведьму поставили...

Тая улыбнулась:

— Что, в разлив не дает?

— Никак не дает!

На буксире заржали.

Тая легко пробежала по сходим. Все мужики уставились на нее. Даже цыган на минуту перестал петь, а потом запел, зарыдал с еще большим вдохновением.

В лавке по стенам громоздились хомуты, топоры, чугуны.

Тая протиснулась к прилавку, спросила кокетливо:

— А серьги у вас есть?

Взопревший продавец оторопело уставился на нее:

— Что?!

— Серьги.

— Серьги? — Продавец постоял, схватил преискуронт, пробежал глазами по списку. — Есть!

Он нырнул куда-то за бочки, достал несколько коробочек.

На синем бархате сверкали сережки.

Тая примеряла, поглядывая в зеркало.

— Сколько?

Продавец глянул в преискуронт:

— Сто.

— Сто? — переспросила Тая.

— Золотые. — Продавец посмотрел в сторону.

Тая, покачав головой, стала вывинчивать сережки.

В этот момент через ее плечо на прилавок спланировала новенькая сторублевка и раздался веселый голос:

— Берем!

Тая оглянулась.

Алексей Устюжанин прищурился, оглядел Таю и причмокнул:

— Очень идет вам, Таисия Петровна.

— Это что, мне? — удивилась Тая.

— Подарок, с днем ангела.

— Еще чего!

— Сегодня — Таисия, Фекла и, извиняюсь, Хавронья.

Тая покачала головой:

— Образованный вы, Алексей Николаевич.

— В нашем деле без образования нельзя, — развел руками Алексей.

Они шли по деревне. С реки доносилась удалая песня, выкрики. За кладбищем завывали дизели буровой.

— Небось соскучилась? --Алексей подмигнул Тае.

— День и ночь не сплю, о тебе думаю, — улыбнулась она.

Алексей посмотрел на нее недоверчиво.

— Мог бы и заглянуть за два месяца, — без упрека сказала Тая.

— Замотался, — вздохнул Алексей, — работы много...

— Грунт тяжелый? — участливо спросила Тая.

— Откуда знаешь? — удивился Алексей.

— Слыхала... Разве мало тут вас, бурильщиков?

Они подошли к воротам Таино дома.

— Ну, спасибо тебе за подарочек. Большое спасибо. — Тая открыла калитку.

Алексей двинулся за ней. Она приостановилась:

— Что, зайти хочешь?

— Надо ж именины отметить. — Алексей подмигнул Тае и, приобняв ее, заговорщицки добавил: — У меня до смены еще есть время...

Они вошли в избу. Алексей оглядел горницу.

— Хорошо живешь, просторно. — И он снова прижал Таю к себе, потянулся поцеловать.

Тая уперлась ему в грудь, глядела с озорством.

— Ты что? — спросил Алексей. — Вроде я тебе не совсем чужой...

— Мы в Елани тут все родственники.

— Забыла, что ли, про озеро?

— Не было ничего, Алеша.

— Как так? — растерянно спросил Алексей.

— Приснилось тебе все. — Тая высвободилась из его объятий. — Садись, гостем будешь.

— Ну, ты даешь! — Алексей с восхищением покачал головой.

Тая легко двигалась по избе, накрывала на стол.

— Да не надо, у меня времени мало, — сказал Алексей.

— Сейчас грибков, у соседки... — Тая побежала к дверям.

— Да ну их, грибков, — поморщился Алексей.

— Я мигом! — Она исчезла.

Алексей возбужденно прошелся по комнате, глянул в зеркало, поправил чуб, окинул взглядом высокую, с пуховой периной Тайкину постель, посмотрел на часы. Простая гениальная мысль пришла ему в голову.

До вахты оставалось не так много времени, поэтому он очень быстро разделся и нырнул под одеяло. Потом вскочил, достал из кармана штанов «Беломор», придвинул стул к кровати, поставил вместо пепельницы блюдечко и с наслаждением закурил. Широко разметавшись под одеялом, он поглядывал на дверь в ожидании Таи.

Дверь распахнулась, и в избе вместо Таи появился бригадир, буровой мастер Тофик Рустамов. Он только что принял баню — был в трусах и длинной тельняшке. Верхнюю одежду и сапоги, которые он держал в руках, Тофик аккуратно свалил на сундук, прошлепал босыми ногами к зеркалу и начал тщательно зачесывать густые волосы — укладывать волну.

Алексей Устюжанин был в разных переделках, но в такую ситуацию он попал впервые. С выпученными глазами лежал он на кровати, застыв с полуподнесенной ко рту папирсой.

— Тая! Таечка! — зычно крикнул Тофик. — А ты пуговицу мне не пришила! — Тофик повернулся к столу, налил стопку, выпил, потянулся за рыбкой.

— Ну, ты даешь! — сказал из постели Алексей.

Тофик поднял глаза. Теперь пришла его очередь обалдеть.

— Ты... ты что здесь делаешь?

— Я?.. — Алеше нужно было что-то отвечать. — Да вот... думал отдохнуть перед... вахтой.

— Ага, — понимающе кивнул Тофик и стал быстро натягивать брюки.

— А ты что делаешь? — спросил Алексей.

— Я тут с Таисией Петровной договорился... Баня у нее хорошая. Сам понимаешь, надо ж где-то мыться... Парюсь я тут, понимаешь...

— И давно... паришься?

— Нет. Всего месяц.

Тофик оделся. Получив, таким образом, моральное преимущество, он сел за стол и уже спокойно посмотрел на Алексея.

Вошла Тая. Она также изумилась, увидев Алешку в кровати.

— Ты что там делаешь? — растерянно спросила она у Алексея и покосилась на Тофика.

Тофик пояснил ледяным тоном:

— Отдыхает он... перед вахтой.

Тая спрятала улыбку и включилась в игру:

— А-а... как тебе — в кровать подать или за стол сядешь?

Алешка махнул рукой, конфузливо засмеялся.

— Да ну вас... Мне и правда пора. Отвернись, Тая.

Он свесил ноги с кровати, потянулся за штанами.

Тофик очень ласково, вкрадчиво сказал:

— Кстати, насчет работы, Алексей Николаевич. Не нравится мне, как твоя вахта работает. Вчера пять часов на смену долота ушло. Я для тебя всех твоих людей из Башкирии вызвал. а работа неважная...

— Да ты поищи таких мастеров! — вспыхнул Алексей. — По всей Сибири поищи. Лучшие люди в Башкирии были! Один Петро чего стоит — профессор! Давно б мог бурмастером стать!

— Петро твой по ночам читальню завел, «Графа Монте-Кристо» до утра читает, а потом как вареный ползает... Нет, я

просто хочу сказать, что Колина смена больше метров гонит, хотя у него одни новички... Так что прибавить надо.

Алексей застегнул ремень, расправил плечи и многозначительно сказал:

— Ладно, Тофик Закирович, сейчас пойду прибавлю.

Тофик не смог скрыть торжествующей улыбки. Чувствовал, что завел друга до отказа.

— Вот и хорошо. Только технику безопасности соблюдай.

— Я сейчас прибавлю! — повторил Алексей.

Он рассеянно улыбался, думал о чем-то своем. Потом покачал головой и пошел к двери.

— Алеша! — Тофик поднялся из-за стола и подошел к Устюжанину. — Понимаешь... как тебе сказать... не стоит в бригаде говорить, что я сюда... что я здесь... — Тофик замялся.

— Паришься? — подсказал Алексей.

— Нуда, — кивнул Тофик. — Все-таки коллектив, а мне, бригадиру...

Алексей оборвал:

— Лады, Тофик, могила.

Тайка при словах Тофика потемнела лицом, налила рюмку, залпом выпила.

Алексей посмотрел на нее, улыбнулся, покачал головой:

— Ну, ты даешь!..

Он сошел с крыльца, быстро пересек двор.

Теперь Устюжанину было не до смеха. Он, дернув, чуть не оторвал ручку от калитки, но потом разобрал, что она открывается наружу, ногой распахнул ее и почти выбежал на улицу.

Когда за окном раздался скрип калитки и все затихло, Тофик застучал кулаками по столу, бешено заорал:

— А-а-а!.. — Он вскочил и как тигр заметался по избе. — За что?.. Кретин! Я тебе верил, я тебя на руках носил! — Он подскочил к Тае. — Я сразу увидел, откуда сережки! Он подарил? Отвечай, отвечай! Змея!

Тая, подперев голову рукой, задумчиво смотрела мимо Тофика.

— Ты думаешь, Тофик жадный?! Я тебе десять сережек подарю! Тофик любимой женщине все отдаст!.. Развратница, Я за тобой два месяца ухаживал, а он только вошел — сразу в кровать нырнул!.. Что молчишь?!

Тая подняла на Тофика спокойные глаза и тихо сказала:

— Стыдливые какие... Коллектив, говоришь?.. Вот и катись отсюда в свой коллектив!.. И чтоб ноги твоей здесь больше не было!

Тофик на секунду замер, потом выскочил из избы.

От гнева Тофик забыл, что калитка открывается наружу, он рванул калитку на себя и с оторванной ручкой повалился на поленницу, обрушивая дрова...

А на буровой вкалывала бригада устюжанинской вахты.

У ротора помбурами стояли Петро и Ваня. Верховым, как всегда, Сашка. Алексей у пульта дирижировал всей работой с азартом.

— Я ему прибавлю, я ему покажу, — бормотал Алексей, безошибочно осаживая перед ротором элеватор, летевший с двадцатичетырехметровой высоты.

Шел спуск инструмента — одна за другой навинченные трубы исчезали в устье скважины.

Петро не глядя хватался за скобу помбурского ключа, распахивая его, подводя к замку. Ваня, сосредоточенный, как боксер во время раунда, делал выпад вправо, захлопывал челюсти.

Петро зарядил ключ, отошел. Алексей не глядя, только чувствуя, что Петро отошел, включил ротор, заскрежетал трос, миг — и труба была навинчена.

Помбуры отскочили, потому что сверху со свистом шел инструмент, который по мановению Алексея мягко затормозил над самым стволом.

И снова Сашка наверху, на полатах, выводил из-под упора новую свечку.

— Какая свеча? — задрал голову, крикнул Петро.

— Двадцать седьмая! — раздался сверху голос Сашки.

— Перекур! — Петро полез было за папиросой, но труба вдруг дернулась и заходила свободным концом над площадкой, так что Петро и Ваня были вынуждены ее ловить.

— Ты что? — сердито обернулся к Алексею помбур. — Спятил!

— Не будет перекуров! — отрезал Алексей.

— Как не будет?

— Что это с ним? — изумился Ваня.

Алексей зло улыбнулся:

— Если бы не эти перекуры, давно бы при коммунизме жили! Я бы их по всей стране запретил Советом министров!

— Ты пока не Совет министров! — сказал Петро и достал папиросы.

— Лентяи вы!

Алексей гнал работу, и помбурам приходилось не отставать.

— Это я лентяй?! — набычился Петро.

— А кто ж? Десять лет вкалываешь, а все помбур! Другой бы за это время инженером стал!

— А может, он не хочет? — вступился за друга Ваня.

— А может, я не хочу? — кивнул Петро. — Инженеров — как собак нерезаных, а помбуров хороших из Башкирии переманивают. Да сам-то ты кто?

— А я такой же долбак, как и ты! Остался бы в армии, уже полком командовал бы... А сейчас с вами гнус в тайге кормлю! В глину долото макаю!

— Осторожней, ты!.. — крикнул Петро.

Алексей, подгоняя буровиков, уже опустил тормоз, и новая труба со свистом уходила в скважину.

— Слушай, Алексей, мы тебя предупреждали! — угрожающе покачал головой Ваня. — Куда гонишь?

Алексей не ответил. Напевая что-то себе под нос, он продолжал чеканную, выверенную до малейшего жеста работу.

— Эй, я не успеваю! — раздался сверху голос Сашки.

Алексей поднял голову, крикнул:

— А не успеваешь, слазь оттуда, иди к бабам мешки с раствором таскать! — Он ухмыльнулся. — Ну как, слезешь?

Сашка не ответил.

Работа шла все в убыстряющемся темпе.

Помбуры с потными лицами только успевали крутиться.

Несколько ребят из третьей смены наблюдали эту работу.

Костя вышел из дизельной, вытирая ветошью замасленные руки, посмотрел на ребят, на буровую, с гордостью спросил:

— Ну как, красивая работа?

Рыжий парень не ответил, покачал головой.

— На мировой рекорд идем! — небрежно бросил Костя. — Без перекуров всю смену.

Рыжий мрачно посмотрел на него, сплюнул и обернулся к новичку:

— Ну-ка шуруй за Тофиком Закировичем!

Алексей не отрывал глаз от индикатора.

— Я ему прибавлю!.. Я ему прибавлю!.. — бормотал он.

На верхотуре Сашка, замызганный, со слезами бессильной ярости в глазах, металлическим крюком выводил из-за пальца новую трубу. Он не успел как следует защелкнуть замок, труба завертелась, навинчиваясь на колонну.

— Эй, осторожно! — крикнул Сашка, но было уже поздно...

Защелка расстегнулась, труба выскользнула из челюстей элеватора, замоталась, с грохотом околачивая железные фермы вышки.

— Элеватор! — Сашка отскочил в сторону.

Свеча, увлекаемая вниз километровой колонной труб, со скрежетом пересчитывала стальные переборки вышки.

Помбуры бросились кто куда.

Алексей присел за пультом.

Скрежет трубы становился все пронзительнее, выше, и вдруг все оборвалось, словно ножом срезало, — незакрепленный конец колонны исчез в скважине...

Костя, наблюдавший от дизельной происходящее, кинулся в будку и выключил двигатель.

Наступила тишина.

Сашка скорчился на верхней площадке.

Петро и Ваня, еще не пришедшие в себя, выглядывали из укрытия.

Алексей подошел к устью и зачем-то заглянул туда, в черный колодец скважины, где исчезла колонна труб, а с нею и надежда и смысл их работы на этом обрыве у деревни Елань...

Он стоял так и вдруг... засвистел свое любимое танго. Не глядя ни на кого, пошел с буровой прочь.

Онемевшие помбуры растерянно глядели ему вслед, не в силах проронить ни слова.

Сашка спускался вниз и в голос плакал:

— Это я виноват! Я защелку не закрепил!

— Да молчи ты! — сердито оборвал его Петро.

На площадку поднимались ребята из других вахт.

— Не... вы видели психа? — смеялся рябой Степан. — Я вижу: Устюжанин за кусты зашел, оглянулся да как рванет, словно за ним тигра гонится!

Ваня глянул за кусты, за которыми исчез Алексей, покачал головой:

— Ну, поймаем!..

— А что толку-то? — зло сказал рыжий. — Ну, поймаете вы своего психа, наломаете ему шею, а толку что? Мы теперь сколько стоять будем? Месяц аль два? Доигрались со своими рекордами? Убивать таких новаторов надо!.. «Мастера-а из Башкирии», фото в газетах! — кривлялся рыжий.

— Ну-ну, потише! — вызывающе поднял кулак Петро.

В это время все расступились — на буровую поднялся Рустамов.

Он молча оглядел скважину, изуродованный кожухлебедки, коротко спросил:

— Где он?

— Убег! — почти выкрикнул рыжий.

Тофик блеснул глазами, но подавил в себе ярость, тихо сказал:

— Искать! Найти! Привести! Поставить!.. Сюда поставить! Здесь будет стоять!.. Есть не будет, пить не будет, спать не будет! Вместе со мной... Пока я колонну не поймаю!.. А когда зацеплю — зарежу!..

И бригадир пошел к пульту.

Перепрыгивая через лужи, через провалившиеся бревна, бежал Алексей что есть духу по Афониной дороге. После мосточка остановился перевести дух, оглянулся — погони не было. Алексей свернул на тропку, ведущую к заимке Вечного деда.

В избе деда почти ничего не изменилось — только разве кружевные салфетки, вырезанные из газет, говорили о том, что и сюда добрались средства массовой информации.

Дед сидел у окна, подшивал валенок.

Алешка ввалился, едва переводя дыхание.

— Здоров, дед! Фу, дай отдышаться! — Он подошел к оконцу, глянул на двор. — Десять километров кросса на приз братьев Знаменских! Ну, здесь меня никто не найдет... Слушай, водка у тебя есть?

Дед не ответил, налаживая дратву варом.

— Да ты что, оглох, что ли? — Алеша принялся сам лезть по полочкам. — А я ведь завтра уезжаю. Все, хватит! Обрубок. — Он с ожесточением застучал себя в грудь пальцем и заговорил с воображаемым оппонентом, забыв про деда: — А то, что я полтора года без отпуска, — это понять кто-то может? Ато, что живем черт-те где, без удобств, жрем одни макароны, — это понять кто-то может?! Друг называется! Плохо работаю! Не нравится ему!.. И то, что инструмент упустил, — это с каждым может случиться!.. Да где ж у тебя водка?

Алексей шарил за печкой. Дед поднял глаза на него и, не ответив, продолжал работу.

— Найдите себе получше бурильщика!.. Все, хватит! Я право на отдых по конституции имею! Сейчас не то время — мы тоже ученые! Завтра расчет беру — и в Сочи.

— Значит, не понравилось на родине? — подал голос дед.

— Моя родина, дед, от тайги до балтийских морей. Двадцатый век! Сегодня здесь, а завтра там. Эх!.. — Алексей хлопнул руками, потер их. — Жизнь одна, ее ценить надо! А они пускай месяца четыре без меня поработают! Еще сами позовут! А вот зимой на Чертовой гриве — это я бурить буду, никому не отдам. Там точно газ, а может, и нефть... Да у тебя водки, что ли, нет? — Алексей остановился посреди избы и с досадой сказал: — И как ты тут живешь?

Дед не отвечал, только смотрел на Алексея.

— Ну ничего, на болоте нефть откроем, всех чертей на буровую загоним, электричество проведем, будет у тебя холодильник, телевизор и торшер. Ты чего так на меня смотришь?

— Так, — сказал дед.

- Как?

— Смотрю, — коротко отвечал дед.

Алексей неожиданно присел, не спуская со старика глаз.

— А тебя никогда к судебной ответственности не привлекали? — тихо спросил он.

— За что?

— За телепатию там... или за колдовство?..

Заскрипела дверь, в избу вошел медведь. Не глядя на людей, прошел к печи и с кряхтением улегся. Алексей с опаской смотрел на него:

— Он меня не тронет?

— Ты не тронь его, он тебя не тронет.

— Да есть у тебя выпить?! — взмолился Алексей.

Старик протянул руку, взял с окна крынку, нацедил стакан прозрачной жидкости.

— Это что? — Алексей понюхал, поморщился. — Ух, хорош, стерва... Сашку жалко — он ведь новичок, верховым второй месяц всего. А я ничего. Я в порядке. Переночую, а завтра в путь — баржа-то завтра уходит!..

Дед поднял на Устюжанина выцветшие почти до белизны глаза:

— Беги, беги!

— Куда? — не понял Алексей.

— Сейчас беги, завтра поздно будет! — Старик не моргая смотрел на Алексея.

Медведь поднял голову, посмотрел на деда, потом на Устюжанина.

Тому стало не по себе, он поставил стакан.

— Почему поздно?

— Потому что жизнь коротка, а смысл длинный, — изрек Вечный дед и склонился к работе.

— Свихнулись вы тут все! — пробормотал Алексей и не прощаясь вышел из избы.

Верхушки елей слегка краснели от заходящего солнца, а снизу были уже сумерки. Коридоры между мощных стволов уводили во тьму.

Алексей возвращался по Афониной дороге в село. На душе у него было беспокойно. Его снова охватило странное ощущение, будто кто-то незримо наблюдает за ним.

Он резко остановился и обернулся.

В черной тени серебрившиеся ольховые кусты сдвинулись с робким шелестом — то ли от налетевшего ветра, то ли скрывали кого-то.

Алексей облизнул пересохшие губы, ему хотелось пить.

Он перешел через мостик и спустился к болотной речушке. Встал на четвереньки и увидел в спокойной воде светлое вечернее небо и свое черное лицо. Алексей прильнул к воде, жадно сделал несколько глотков и снова, оторвавшись, обернулся, стал оглядываться.

— Эй!.. Ты!.. Опять? — с угрозой крикнул он в пространство.

Голос прозвучал, словно в соборе, гулко, торжественно.

На дне сквозь прозрачную воду мерцала яркая точка.

Алексей посмотрел вверх. Смутное воспоминание чего-то утерянного щемящей болью обожгло сердце... Он стоял на четвереньках перед ручьем, с запрокинутой головой. Капли звонко падали с его небритого подбородка.

Наверху среди черных ветвей сияла ему ясным светом Афонина звезда.

А на буровой кончалась злополучная вахта.

Почти вся бригада находилась здесь, вокруг вышки, сидели, переговаривались, курили в ожидании... Поймает бригадир сорвавшийся инструмент или нет? Расходиться не хотелось. Поднялась на площадку новая вахта.

Степан принес миску с дымящимся гуляшом, остановился позади Тофика, орудовавшего у пульта.

— Ну что, не цепляется? — спросил он мастера.

Тот покачал головой: мол, нет.

— Ты бы поел, Тофик Закирович.

Тофик скинул рукавицы, сел на железный ящик, стал, обжигаясь, есть.

В темной пустой устюжанинской избе за столом у керосиновой лампы сидели Алексей и цыган.

На черной бревенчатой стене смутно желтел старый революционный плакат, внизу под плакатом, на полу, поблескивая фольгой, стояли две бутылки из-под шампанского.

Цыган перебирал струны гитары, Алексей привалился головой к его плечу.

— Уедем мы с тобой, Сережа,— говорил Алексей.— Сочи — город моей мечты. Ты был в Сочи?

— Я везде был.

— Ну как, понравилось?

— Когда деньги есть, везде хорошо.

— Точно. — Алексей вытащил десятку, сунул ему. — Спой еще.

— Для хорошего человека всю ночь петь можем, — улыбнулся цыган.

- Во! А он говорит — во мне смысла нету!

— Кто?

— Вечный дед... Спятил! Они все здесь спятили!.. Это во мне смысла нету!

Алексей встал, вытащил из-под кровати чемодан, принялся шарить в нем, раскидывая в разные стороны барахлишко. Наконец он достал со дна тускло поблескивающие звенья цепи па ножевом ремешке.

— Во, видишь? — спросил он.

— Цепь, — сказал цыган.

— А знаешь, что за цепь?.. На ней сам Томмазо Кампанелла в тюрьме сидел!

— По какой статье? — спросил цыган.

— Эх, цыган!.. — вздохнул Алексей. — Это ж был великий итальянский революционер. Триста лет назад жил. Город Солнца мечтал построить!..

Цыган молчал, перестал перебирать струны гитары.

Алексей продолжал:

— Она мне от отца досталась! Во мне смысла нет?! — Он подошел к стене и ткнул пальцем в старый пожелтевший плакат: — Видишь? Тридцать лет назад я отцу дал клятву Город Солнца построить! И не выполнил ее... А разве я виноват? Отца убили... беспризорничал... потом война— Германия, Маньчжурия, потом разруха... Работал во сколько! — Он провел ладонью по горлу. — И все вот этими руками! — Алексей потряс кулаком с зажатой в нем цепью. — Да я по всей Сибири таких Городов Солнца наворочал бы, если бы не мешали! А года-то пролетели... так что — во мне уже и смысла нет? Ну скажи!..

— Есть.

Алексей сел к столу, надел на шею ремешок со звеньями Родионовой цепи и сказал:

— Тогда пой!

Цыган взял аккорд и запел «Невечернюю».

Гудели в ночи дизели. Огни буровой дрожали в тумане, окруженные лучистым сиянием.

Тофик Рустамов с горящим от напряжения взглядом орудовал у пульта, ловил упущенный Устюжаниным инструмент — колонну труб.

Над желто-зеленым разливом тайги летел вертолет. Не отставая от него, по зеркалам болот мчался яркий солнечный зайчик.

Болота, болота, бесконечные озерца и снова болота до самого горизонта. Лишь четыре сосны и огненные островки осин, а там снова тайга, и чем дальше на север, тем больше деревьев с облетевшей листвой.

Звучал чей-то возбужденный голос:

— Я счастлив, что мой проект будет осуществляться именно в вашей области и именно под вашим руководством. У вашей области огромные перспективы — вы начинаете с нуля, у вас еще ничего не тронуто...

У иллюминатора в кабине вертолета сидел секретарь обкома Филипп Ермолаевич Соломин. Он глядел вниз, хмурился, вроде бы слушал.

Голос за кадром продолжал:

— ...ваша область — огромные пространства... Населенность в среднем один человек на сто квадратных километров. Представляю, какое чувство удовлетворения и, можно сказать, гордости испытываете вы как секретарь обкома...

— Какое? — неожиданно пробасил Соломин и повернул свою большую голову.

Его спутник — гидролог в больших роговых очках, с нервным узким лицом — растерялся, подыскивая слова:

— Ну... ну, создание крупнейшего в мире искусственного моря и крупнейшей гидростанции выдвинет вашу область на одно из первых мест в стране.

Соломин снова отвернулся к иллюминатору.

— Угу... По воде-то мы и так на первом месте...

— Простите?

— У меня в области одних болот по территории на три Франции.

Вдруг вертолет накренился и начал кружиться над одним и тем же местом. На косогоре стояла деревенька, чуть поодаль ее кладбище, за которым виднелась вышка буровой.

Гидролог глядел в иллюминатор.

— Бросовые земли, — говорил он. — Ну ничего, скоро мы все здесь затопим, и вырастут прекрасные портовые города, побегут пароходы, красота! Вот деревня. Посмотрите, полюбуйте! Можете себе представить, какво жить в такой глухомани! В этой дыре! Ужас! Семнадцатый век!..

— Да, дыра, — угрюмо вздохнул Соломин. — Эта, как вы сказали, дыра — моя Родина. В этом селе я родился, а вон там, на кладбище, похоронены все мои родные... Так что я здесь сойду, а вы полетите дальше.

Гидролог запнулся, замолчал растерянно.

— Вася! — крикнул секретарь обкома пилоту. — На обратном пути меня заберешь!..

Над Еланью снижался, заходил на посадку вертолет. Из-за вновь навешанных резных ворот выскочил Спиридон, стал размахивать руками, как дают отмашку техники на аэродромах.

— Эй, бабы! — кричал от ворот Спиридон. — Летит! Собирай народ!

Старушка у ближайшей избы засуетилась, кинулась к соседке:

— Акулина, Филька летит!..

И пошло от двора ко двору:

— Филя, Филька летит!

— Наконец-то!

— Царица небесная, не забыл!

И потянулись по улице от домов черные, как вороны, старые жительницы села, затрусили вслед за Спиридоном.

От вертолета шел к ним Филипп Ермолаевич Соломин, бывший их плотник, а нынче секретарь обкома.

Несмотря на брезентовую куртку и сапоги, в его кряжи³⁸¹ той фигуре было что-то начальственное.

Встретившие окружили его. Он наклонился к одной из самых древних старух, поцеловал ее.

— Здравствуй, тетка Евдоха! Ну как ты?

— Хорошо, хорошо! — прошамкала та в ответ. — Прилетел, не забыл!

— Заступник ты наш! — раздалось в толпе.

— Заждались мы тебя, — сказал Спиридон. — Спасай! Со всем никакой жисти не стало! Поставили каланчу, гудит, визжит! Как ты им позволил у родной деревни?.. И кладбище, того гляди, опоганят. Прогони их отсюда!

— Помоги, Филя, ты большой человек! — прошамкала Евдоха.

— Али тебя уже прогнали? — спросила из толпы самая маленькая сухонькая бабуля, но Евдоха перебила ее:

— Молчи, дура! Вишь, прилетел на этой... стрекозе, значит, в почете!

— Помогай, Филя! — повторил Спиридон. — А уж коли нефть найдут, то и вовсе конец деревне!

Соломин вздохнул:

— Если бы нашли!.. А то тут вообще скоро ничего не будет!

— Это как? — не понял Спиридон.

— Затопят эти места... Море здесь будет.

— Чего-о?

— Дно моря, вода... Самая большая в мире электростанция, вот так...

— А ты там не можешь сказать, в правительстве?

— Правительство и решило.

Старушки зашептались, смолкли.

Спиридон собрал бороду в кулак, озадаченно постоял, потом с решимостью махнул рукой:

— Ну и правильно! Затопить — и никаких забот! Затопить все к чертовой матери! Правильно, все один конец!

— А мы куда денемся? — спросила непонятливая бабуля.

— Переселят вас в каменные дома! Со всеми удобствами! — с раздражением сказал Соломин и двинулся. — Пойду схожу на кладбище...

Спиридон зашагал следом, старушки тоже засеменяли.

Спиридон заботливо наставлял Соломина:

— Берегись, Филя! Ты хоть и далекая родня, а все же Соломин. Я ведь тебя знаю — ты рискованный, а сверху-то падать больней. Если чего не знаешь, не лезь, не спрашивай, смолчи — пусть другие выскажутся. Не забывай, ты ведь в Елани один — наверху-то!

Соломин остановился, улыбнулся:

— Да и вы у меня одни.

Снова все окружили его, глядя с умилением и преданностью. Откуда-то возникла удалая песня и снова затихла за кустами.

Тетка Евдоха протиснулась к Соломину, прошамкала, схватив костлявой рукой за лацкан пиджака:

— Филька, нас когда топить-то будут?

— Года через два.

— Э-э-э... Так не тужи, родимый, нас тут немножко осталось — молодые разбежались, а мы за два-то года как есть все порем!

— Я, тетя Евдоха, не расстраиваюсь. Земля здесь бросовая, одно слово — проклятая! Да только другой родины у нас с вами нет...

Секретарь обкома повернулся и пошел за ворота, в сторону буровой.

Дорога к буровой вела мимо кладбища.

Со стороны реки явственно слышалась цыганская песня с гитарным перебором. Песня звучала неожиданно красиво, и Соломин остановился, с удовольствием прислушиваясь, закурил.

Из-за косогора медленно возникло странное явление — впереди по тропинке шел ящике ногами, еще были видны две могучие кисти, обнимавшие этот ящик. Ящик покачивался на не совсем твердых ногах, позванивал, булькал.

Заящиком шел цыган в ватнике поверх кумачовой рубахи, он-то и исполнял понравившуюся Соломину песню.

Выйдя на обочину дороги, ящик опустился на землю, звякнули две дюжины бутылок шампанского. Алексей Устюжанин, который нес ящик, выпрямился и, тяжело вздохнув, отер пот. В шалых, покрасневших от бессонницы глазах Алексея горела решимость.

— Привет! — весело кивнул Алексей проходившему мимо Соломину.

— Привет! — ответил Филипп Ермолаевич.

— Слушай, мужик, будь другом, подсоби малость, здесь недалеко... Вон до буровой...

— А этот? — кивнул на цыгана Соломин.

— А играть кто будет?

Соломин усмехнулся:

— Логично.

Он ухватился за ящик с одной стороны, Алексей взялся с другой, и они двинулись к буровой.

Дорога была разбита. Грязь едва не доставала колен, и идти с грузом было нелегко.

Цыган шел сзади, пел не переставая одну песню за другой.

— Хорошо поет? — спросил Алексей Соломина.

Тот кивнул.

— Мой человек, — доверительно сказал Алексей. — Уважает. Только неделю на воле! Амнистия, слышал?

Соломин кивнул.

— Чего ты такой неразговорчивый?! — воскликнул Алексей. — Может, выпить хочешь?

— Спасибо, подожду.

— Ты лучше здесь пей, пока не поздно! А то на буровой хрен выпьешь! Ни-ни! «Сухой закон»! Тофик голову оторвет!

— Голову оторвет, а мы несем!

— Особый случай! Выдающийся! Бить меня должны, виноват я крутом, просить прощения иду, мириться. А шампанское пьют при дуэлях и когда мирятся обязательно. Как же! Граф Монте-Кристо пил... И в Кремле тоже! — И, заметив улыбку на лице Соломина, Алексей горячо подтвердил: — Сам видел по телевизору!

— В чем же ты провинился?

— Инструмент упустил.

— Бывает... За что ж сразу бить?

— Да я один виноват... Загнал ребят, погорячился, а потом испугался и убежал. Конечно, таких бить надо! А теперь Тофик вторые сутки без передышки цепляет, а кроме него — некому!

Соломин кивнул. Алексей продолжал:

— Кроме Тофика, некому! Таких ловильных мастеров в Сибири нету! Классный мужик! Я с ним после войны еще в Татарии работал... Орденосец!

— Что ж твой орденосец буровую так близко к кладбищу поставил? Все-таки понимать надо! Это же для людей святое место.

Алексей слегка протрезвел и посмотрел на Соломина:

— А ты сам-то откуда? Чего-то я тебя не видел здесь. По нефти, что ли?

— Отчасти.

— Что ж ты тогда? Не знаешь, что мы не по своей воле вышки ставим? В Москве, в министерстве, какой-нибудь очкарик ткнет пальцем, а на что пришлось, только тут и увидишь! Опорное бурение! Еще отнесли ее в сторону, она по расчету-то прямо кладбище покрывала. Нам еще выговора налепят, что не точно забурились...

— Не налепят, если нефть найдете.

Алексей презрительно глянул на собеседника:

— Да какая тут нефть? Тут, кроме гнуса, ничего нет! Вон за Чертовой гривой, там — да! А здесь нет! Это ж Елань — одно слово! Я ж сам из Елани. Отец мой здесь похоронен и дед тоже! Устюжанин.

Филипп Ермолаевич внимательно посмотрел на Алексея:

— Николая сын?

— Что, знал?

— Встречались, — улыбнулся Соломин.

Тофик, обросший, с покрасневшими от бессонницы глазами, продолжал колдовать перед пультом. Рядом с ним на

площадке снова работала бригада Устюжанина — Петро и Ваня, но делать было нечего, только смотрели и удивлялись нечеловеческому терпению Тофика.

В томительном ожидании вокруг буровой стояли и свободные от вахты буровики.

Сашка забрался на самую верхнюю площадку буровой, к лебедке. Отсюда, с верхотуры, была видна придавленная хмурыми облаками тайга на добрую сотню километров, бесконечные блюдца озер, деревня как на ладони, ниточка дороги, огибающая кладбище...

— Идет! — вдруг закричал Сашка, указывая на дорогу. — Идет!

Все обернулись.

Через площадку к буровой двигалась странная компания — Устюжанин с каким-то мужиком тащили ящик, сзади шел чернявый цыган с гитарой.

Тофик продолжал невозмутимо работать.

Люди, свободные от смены, молча глядели на приближающихся.

Алексей с Соломиным вскинули ящик на гусеницу бульдозера. Алексей хлопнул Соломина по плечу:

— Спасибо, друг! — И вышел вперед, к людям. — Вот он я!.. Виноват — бейте, но не мог я к вам не прийти! — Он раскинул руки и, широко улыбаясь, упал на колени. — Бейте, но простите! Не могу уехать, чтоб друзья на меня обиду держали! Уезжает от вас Алеша Устюжанин и хочет, чтоб добром поминали его, и для этой цели приволок к вам... Сережа, сколько? — Алексей обернулся к цыгану. — Двадцать четыре бутылки шампанского! По бутылке на нос!..

Все молчали, косясь на Тофика.

— Это вместо премиальных? — с издевкой спросил рыжий.

Соломин с великим интересом наблюдал за происходящим.

Трудно представить, чего стоило Тофику сдерживать себя, но он продолжал невозмутимо работать.

— Тофик! — закричал Алексей, не вставая с колен. — Тофик, объявляй на час перерыв! Прощаться будем! — Он обернулся к цыгану: — Сережа, ну-ка, прощальную!

Цыган ударил о струны, залился песней.

— Тофик, слышишь, все равно ты ничего не поймешь!.. Тофик!!! Спустишь, выпьем за мир и дружбу, и я поеду!

Чаша терпения переполнилась. Тофик побагровел, замер на мгновение, потом взорвался и завопил:

— Уедешь?! Уедешь, да?! А кто тебя пустит? Это я, Тофик Рустамов, говорю: пока все, что нагадил, не вычистишь — ни па шаг от буровой не отойдешь! Спать здесь будешь! Есть здесь будешь! К вышке прикую на цепь!

Алексей восторженно глядел на Тофика, не поднимаясь с колен.

Тофик медленно спускался с буровой, распаялся все больше и больше, засучивая рукава.

— Все премиальные, что у бригады отнял, до рубля отработашь! Работать будешь! Думаешь, бурильщиком? Нет! Думаешь, помбуром? Нет! Глину будешь таскать! Раствор месить! С утра до вечера! Спать не будешь! Не дам!.. — Тофик в ярости обернулся к поющему цыгану: — Замолчи ты!

Цыган испуганно замолчал, а Тофик так и застыл с вытянутой рукой и разинутым ртом — он увидел секретаря обкома.

— Здравствуйте, товарищ Рустамов, — поздоровался Соломин.

Тофик на секунду зажмурился, потому что все переключатели в его голове раскалились докрасна: нужно было совершать невозможное — не останавливаясь пустить машину в обратную сторону. Наконец он открыл глаза, и лицо его озарилось такой счастливой улыбкой.

— Филипп Ермолаевич! Какими судьбами! Не может быть! — Тофик раскинул руки и направился к Соломину.

На ходу он мимолетно кивнул буровикам в сторону Алексея. Его поняли, окружили стоящего на коленях Устюжанина сплошной стеной.

Сам мастер подходил в это время к Соломину, загораживая происходящее своей широкой спиной.

Короткая возня оборвалась сдавленным криком, и на площадке не было уже ни Алексея Устюжанина, ни цыгана, ни ящика с шампанским. Бригадирское дело Тофик знал.

Почтительно пожимая обеими руками соломинскую руку, Тофик говорил:

— Очень, очень рад видеть вас на нашей буровой! Какая радость! Первый секретарь обкома к Рустамову приехал! Саша! — позвал он. — Скажи там, чтобы чай был!

— Ты бы хоть побрился, — заметил Соломин.

— Немножко не было времени, Филипп Ермолаевич. Маленькая авария... Пришлось поработать без перерыва, — Тофик посмотрел на часы, — тридцать шесть часов не спал!

— Веселая у тебя буровая!

— Вы об этом? — Тофик поморщился досадливо. — А! Это чистая случайность! Совпадение. Упустил инструмент, бывает. А вообще скажу, — Тофик понизил голос, — отличный рабочий! Самый лучший бурильщик! По Башкирии знаю. Мастер. Умница! Рационализатор... Морально совершенно устойчив, непоколебим... Просто очень расстроился человек, надо понять... Травма души... Вот он и позволил себе... — Говоря это, Тофик почтительно увлекал Соломина в сторону культбудки.

— Ты мне про него не объясняй, мы с ним все обсудили. — Соломин глянул на Рустамова: — Ну что, будет фонтан?

— Обязательно будет!

— Когда? — с надеждой спросил Соломин.

Тофик отвел глаза.

— Это другой вопрос.

— Где?

— Здесь, конечно, вряд ли... Но есть одно место... недалеко.

— Не на Чертовой гриве, случайно?

— Откуда знаете?

— Я ж местный!

— Во такое место! — Тофик поднял большой палец. — Чуть не утонул! Там должна быть!

— Что ж вы там сразу-то не забурились? — с досадой спросил Соломин.

— Невозможно. Болото — дна нет! Была бы техника! С тяжелыми вертолетами я бы там поставил! А тракторами только зимой! Так что на будущий год.

— Эх, Рустамов, — вздохнул Соломин. — А мне сейчас нефть нужна! Вот так! — Соломин провел ребром ладони по горлу и, тяжело ступая, пошел в сторону кладбища...

День клонился к вечеру.

Соломин медленно брел по заросшему кладбищу, поглядывая на могилы, на кресты, перечитывая давно знакомые надписи.

У одной могилы он остановился, надолго задумался. Какое-то шуршание в траве привлекло его внимание.

Соломин повернул голову и увидел быстро ползущего меж будыльев травы маленького юркого старика. Старик шуршал, быстро полз на коленях, время от времени стараясь прихлопнуть ладонью что-то ему одному видимое.

Соломин пошел следом, нагнал. Приглядевшись, узнал Вечного деда.

— Здравствуй, дедусь.

Старик обернулся.

— А, Филя! — И снова принялся преследовать кого-то в траве. — Прилетел? Давно не был.

— Ты кого ловишь?

— Не твое дело! — отрезал старик. — Помогла моя травка-то? К зиме снова настой будет. Приезжай. На могилку залетел?

— Да, дедусь. А то ведь скоро затопят, слышал?

— Не затопят! — уверенно сказал дед.

Соломин снисходительно улыбнулся:

— Совет министров подписал.

— Это сгоряча, — говорил дед, продолжая свою вахту.

- Там назад своих решений не берут.
- А ты на что?
- А я согласен, — улыбнулся Соломин.
- Не ври!
- Согласен, — повторил Соломин, — убедили.
- Не криви душой-то!

Дед наконец поймал какую-то невидимую тварь и стал засовывать ее в берестяную коробочку.

— Э-э, Филя, забыл ты, видно, — дальше Сибири не сошлют...

Филипп Ермолаевич Соломин стоял на обрыве. Река внизу терялась среди таежных занавесей. На той стороне стояли недвижно леса, подернутые туманом. Внизу, под обрывом, стояла готовая к отплытию баржа.

С буровой доносился ровный гул дизелей.

— Друг, закурить имеется? — раздался за его спиной сиплый голос.

Соломин оглянулся и увидел Алексея и цыгана.

— Это ты? Ну что, помирились?

— А ты думал! — Алексей старался казаться бравым, но видно было, что зашел на последний круг.

Соломин протянул ему папиросы и жестко сказал:

— Пора бы и успокоиться, Устюжанин.

— А ты откуда меня знаешь? — изумленно уставился тот.

— Да ты сам мне представлялся.

— Не помню что-то...

Соломин внимательно разглядывал Устюжанина.

— Я все думаю, где я тебя видел?.. Просто на отца ты здорово похож, — заключил он и пошел в сторону деревни.

Протяжно закричал буксир от баржи.

— Я поехал, Алеша, — сказал цыган.

Алексей не ответил, он глядел вслед уходящему Соломину, словно тоже стараясь что-то вспомнить.

— Я поехал, — повторил цыган и пошел вниз, к реке. — Прощай.

— Бывай, — сказал Алексей, с трудом приподнимая вдруг отяжелевшие веки. — Пиши.

— Не могу! — крикнул цыган. — Я неграмотный!

И он ударил по струнам, пронзительно зазвеневшим, запел.

И застонала, полилась над таежной рекой протяжная и задумчивая, грустная и удалая цыганская песня.

Она провожала улетающий вертолет, в котором у окна сидел секретарь обкома Соломин и смотрел, смотрел на свою родную деревню, на кладбище у обрыва, на буровую за кладбищем, и все становилось меньше и меньше, теряясь в бесконечном море тайги...

Под эту песню уходила по свинцовой осенней реке последняя баржа...

Под эту песню задумчиво сидели в балке свободные от вахты буровики...

А Сашка мечтательно глядел с высоты на окружавший его мир.

АТофик с неистовым упорством продолжал свою бессменную вахту. Крутились лебедки. Работали моторы.

А Тая, словно прислушиваясь к этой песне, сидела у окна, положив голову на руки.

И наконец угомонившийся Алексей Устюжанин спал, привалившись к могильному столбику с полустершейся надписью: «Николай Устюжанин. 1897—1932»...

Под эту песню чьи-то руки бережно подняли Алексея с земли. Это верные друзья Ваня, Петро, Сашка уносили своего непутевого бурильщика отсыпаться...

...Подлинному коридору правительственного здания, сейчас безлюдному, шел Филипп Ермолаевич Соломин. Он остановился перед одной из массивных дверей. Вошел.

Секретарь приветливо улыбнулся Соломину:

— Здравствуйте, Филипп Ермолаевич. Федор Петрович вас уже спрашивал...

В кабинете за столом сидел ответственный работник ЦК КПСС, знакомый нам по тому солнечному дню далекого военного сорок второго года, когда он, молодой капитан первого ранга, носился на вездеходе в поисках своего фронтового друга Филиппа Соломина.

Федор Петрович пристально смотрел на сидящего напротив него секретаря обкома. Оба долго молчали. Наконец хозяин кабинета негромко сказал:

— Что же ты со мной делаешь, Филипп?

— Что? — не глядя ему в глаза, спросил Соломин.

— В среду было обсуждение, — негромко начал Федор Петрович, — зашла речь о недопустимой задержке строительства ГЭС в твоей области. И к тому же в твоей областной газете появилась статья, прямо выступающая против строительства. Значит, продолжаешь свое?

— Да, продолжаю.

Федор Петрович покачал головой:

— В двадцатых тебя бы просто расстреляли за саботаж... И меня... за попустительство.

— Наверно, — согласился Соломин. — Но это не саботаж, Федор. Саботаж — это пассивное сопротивление, а я против этого проекта.

Федор Петрович нахмурился:

— Вот что, Филипп, мы с тобой старые друзья. У нас никогда не было недомолвок. Я в Политбюро поддерживал твоё выдвижение на пост секретаря обкома. А теперь начинаю думать, что поторопился! На фронте я бы тебе доверил корпус... армию! Но руководить областью, видимо, тебе трудно...

Соломин потер виски.

— Летом я за границу ездил, в Африку... Представь картину: сидит босой человек на песке, а песок такой, что ткнешь пальцем — фонтан нефти! Так вот, они собираются национализировать все иностранные нефтяные компании! Понимаешь, чем это пахнет?

Федор Петрович молчал. Соломин продолжал:

— Ленин после революции говорил о необходимости освоения богатейших недр Сибири. Сорок лет нам мешали — войны, разрухи, восстановление, опять войны. И только сейчас, во второе мирное десятилетие, мы можем наконец начинать осваивать Сибирь! Только сейчас у нас появилась техника, средства, специалисты. Ты ведь сам работал в Сибири, знаешь — без современной техники там гибель! А мы собираемся затопить, похоронить к чертовой матери под водой, может быть, перспективный район! Вот тебе вся политика!

Федор Петрович молчал, курил. Соломин продолжал:

— И пока я секретарь обкома, я буду требовать по меньшей мере в десять раз больше техники и средств только на одно — на поиски нефти и газа! Скоро наступит такое время, когда мы будем жалеть не только об упущенных годах, но о месяцах и даже днях!..

Федор Петрович покачал головой, усмехнулся:

— Ну и насобачился ты слова говорить, капитан второго ранга! — И серьезно добавил: — А если там нефти нет?

— Есть! — твердо сказал Соломин. — Не один я в это верю!

— А если все-таки нет? Ты понимаешь, какие миллиарды полетят на ветер?

Соломин посмотрел в глаза фронтовому другу и с чувством сказал:

— Федор, вспомни войну. Много бы мы с тобой тогда боев выиграли, если бы не рисковали? Ты же отчаянный мужик! Ты должен меня поддержать... И тогда мы выиграем!..

— А если нефти все-таки нет? — в третий раз спросил Федор Петрович.

— Тогда что ж... — Соломин развел руками и вдруг озорно улыбнулся: — Дальше Сибири не сошлют!

Снег в Елани ранний. А в этом году пошел в конце сентября. Низкое свинцовое небо цеплялось за верхушки елей.

Алексей дотащил мешок до амбара — огромного дощатого бассейна, заполненного до краев глинистым раствором. Там он разорвал мешок, стал пересыпать глинопорошок.

А сам все поглядывал в сторону буровой.

Около вышки собралась почти вся бригада.

На пульте за бурильщика стоял Петро. От устья медленно подымалось дмящееся корявое колонковое долото, которое ставят для взятия проб.

Сашка и Ваня ухватили свечу, оттащили в сторону.

Из культбудки выскочила лаборантка Катя. Запахнув ватник, побежала в сторону буровой. Пробегая мимо Алексея, позвала:

— Алексей Николаевич, пойдете — новую пробу вытащили!

— Чего смотреть-то? — спросил Алексей.

— А вдруг нефть нашли?

— Жди... нефть, — усмехнулся Алексей.

В воздухе неожиданно беззвучно повис вертолет. Ветер относил рев моторов.

Алексей посмотрел, как Рустамов и еще двое пошли к вертолету встречать начальство, потом загасил окурок задубевшими пальцами и взялся за новый мешок.

Мешок был рваный, и, чтобы не рассыпать глинопорошок, он не стал взваливать его на плечо, а понес на руках, прижимая к животу. Тащить было неудобно, Алексей прибавил шаг.

Из-за дизельной высунулась улыбающаяся физиономия рыжего, потом вышел он сам. В руках держал кол с прибитым к нему листом фанеры. На фанере тавотом было намалевано: «Да здравствует свобода! Последний день каторжных работ!»

Рыжий приблизился к Алексею на безопасное расстояние и крикнул:

— Эй, граф Монте-Кристо, завтра опять бурильщиком станешь!

Алексей, не обращая на него внимания, тащил мешок. Рыжий не унимался:

— Устюжанин! Завтра у тебя реабилитация! С тебя причитается!

Алексей неожиданно бросил мешок и кинулся к рыжему.

Тот увернулся. Выставив перед собой фанеру, он размахивал ею, не подпуская Алексея.

— С тебя пузырек, Устюжанин!

Алексей смеялся тоже, пытаясь вырвать фанеру из рук рыжего. Наконец это ему удалось.

Рыжий отскочил, готовый защищаться, но Алексей не собирался нападать. Он улыбался, тяжело дыша, потом пошел к навесу и воткнул плакат в грязь — для всеобщего обозрения.

Затем подобрал мешок и потащил к амбару.

В лаборатории среди колб и проб с кернами сидели Тофик и прилетевший главный геолог треста Юрий Михайлович Гурьев.

Гурьев разбирал диаграммы, сводки. Тофик докладывал:

— Эти объекты вторая проба. Как видите, Юрий Михайлович, интересных объектов нет.

— Что предлагаешь? — коротко спросил Гурьев.

— Ликвидировать скважину.

Гурьев глянул на Рустамова, усмехнулся:

— Ведь это первая скважина в новом районе. Даже если она даст воду, и то больше пользы, чем уехать без новых данных. Я тебя не узнаю!

Тофик покачал головой:

— Мы три недели потеряли из-за аварии. А теперь еще одна бессмысленная работа.

Гурьев помолчал, потом поднял тяжелый взгляд на Тофика:

— Ну, ликвидируешь ты скважину, а дальше?

— Дам отпуск, а потом перебазируюсь на пятнадцать километров к востоку. Прямой выход газа! — Взгляд Тофика загорелся. — Метан, сам нюхал.

— Где? — коротко бросил Гурьев.
Тофик развернул карту:
— Вот здесь где-то. Чертова грива, ее на карте нет. Там геодезистов не было. Такое место, просто заколдованное, точно говорю!

Гурьев изучающе посмотрел на Рустамова, потом сказал:
— Ну вот что!.. Ты тут, по-моему, сам слегка одичал... Колонну спустить, скважину испытать. Потом всем отгул. Ясно?
— Ясно.

— А пока вы в себя придете, мы на твое заколдованное место пошлем сейсморазведку... Где у тебя рация? — И главный геолог вышел из лаборатории.

Не успел он выйти, как в дверь просунулась голова Устюжанина:
— Можно?
— Заходи, Алексей.

Алексей вошел, остановился перед Рустамовым.
— Ну вот, тридцатая вахта кончилась, Тофик Закирович.
— Понятно. Завтра встанешь за пульт.
— Я месяц проработал чернорабочим?
— День в день.
— Вину искупил?
— Ну? — не понимал Тофик.
— Вину перед коллективом искупил или нет? — настаивал Алексей.

— Я же говорю: завтра встанешь бурильщиком.
— Значит, искупил? — повторил Алексей.
— Искупил, — кивнул Тофик.
— Тогда вот! — Устюжанин выложил на стол бумажку. — Увольняюсь. Подпиши заявление.
— Алеша, погоди, — покачал головой Тофик.
— А чего ждать? — спокойно сказал Алексей. — Я, Алексей Устюжанин, разведчик... между прочим, кавалер орденов и медалей... бурильщик восьмого разряда, проработал месяц чернорабочим! Чего теперь ждать? Кому от этого хорошо?.. Я могу всю жизнь мешки таскать, если для дела!.. А это для чего?

Воспитывать надумал? Мало меня по детдомам воспитывали?.. А может, для тебя хорошо?.. Так я же видел, как вы без меня ковырялись через пень-колоду!.. Вот так!.. Не будем, Тофик. Как говорится, забудем старые обиды... Так что, если не подпишешь, сам уеду!..

— Уходи, уходи, — тихо сказал Тофик, — просить не будем.

— Да ты не обижайся, — улыбнулся Алексей. — Честно говоря, я уехал бы и так.

— Куда поедешь? — спросил Тофик.

— Мало ли мест? Может, обратно в Башкирию, а может, в Египет, на Асуан, там, говорят, бурильщики нужны...

— Алексей, — Тофик старался подобрать слова, — я не хотел тебя обидеть... Я...

— Да ты что? — Алексей встал. — Все путем!

Он направился к двери. Рустамов остановил его:

— Алексей! Что же, на Чертовой гриве мы без тебя забудимся?

— Выходит, так. — Алексей подмигнул Тофику. — Там не скучно будет! Ну, я пошел собираться. — И он тихонько прикрыл за собой дверь.

Тая вытерла мокрым полотенцем коровьи соски, подняла ведро с молоком и вышла из хлева. Она запахнула кофту и пересекла двор — сильный ветер со снегом свистел в резных коньках крыш.

Посреди избы стоял Алексей. У ног его примостился потрепанный чемодан.

Тая не удивилась его приходу, молча прошла в кухню, поставила ведро, спросила:

— Ты что это с чемоданом?

— Зима ранняя, — беспечно улыбнулся Устюжанин. — Гляжу, лебеди на юг собрались. Мне тоже за ними.

Тая вышла с кухни, сложила руки на животе.

Алексей, не дождавшись приглашения, сам сел за стол.

— Уезжаешь, значит? — спросила Тая.

— Надо.
— В Сочи?

Он промолчал. Лицо его стало неожиданно серьезным, почти печальным.

— Ты что? — спросила Тая.
— Тай... ты простить меня можешь?
— А я на тебя не в обиде.
— Правда? — Он поднял на нее глаза.

Тая прошла к столу и села напротив.

— Помнишь, в лесу ты спросил, почему я не замужем?.. Я ведь тебя после войны ждала... Шесть лет...

— Врешь! — вырвалось у Алексея.

Тая покачала головой и улыбнулась:

— Дурочка была... Шесть лет просидела, а потом на пароход устроилась... чтобы до Сочи доплыть, тебя найти... — Она вздохнула. — Только через Салехард до Сочи больно трудно добираться. Это в другую сторону...

Алексей смущенно улыбнулся, махнул рукой.

— Тебе скажу. Я ведь в Сочи и не был никогда.

— Ну да?

— Точно! — Он торопливо заговорил: — В кино видел, а потом все попасть мечтал. Да и некогда было. То детдом, то война... То нефть эта проклятая! Да и дорога длинная — день-ги довести невозможно, сколько б ни было.

Они помолчали. Потом Алексей спросил:

— Так это правда?

— Что?

— Что ждала?

— Правда.

Алексей глянул на нее и с тоской произнес:

— Выходи за меня, Тая!

— Не пойду, Алеша... — Она лукаво прищурилась. — Да и ты не возьмешь меня.

— Возьму.

— Не возьмешь... Я беременная...

— Ну, ты даешь! — вырвалось у Алексея. — От кого?

Тая долго молчала, потом отвернулась к темному окну:

— Не знаю.

Алексей закурил, прошелся по комнате, потом решительно сел за стол.

— Ладно, Тая, все равно! Беру не глядя!

Она засмеялась:

— Нет, Алексей, не пойду... Не нужен ты мне.

Он словно ждал этих слов, закивал головой, глядя в узорчатую клеенку.

— И тебе я не нужен! Всю жизнь я только своей Родине был нужен! А больше никому!.. — Он затушил папироску, твердо сказал: — Ладно, собирайся! Будем другую жизнь строить! Слово Устюжанина!

Тая покачала головой:

— Нет, Алексей. Я серьезно.

— Да как же... — Алексей растерялся. — Ребенок как без отца?

— Это ты, что ль, отец? — Она снисходительно посмотрела на него. — Нет, Алеша, ребеночек у меня теперь есть, а больше мне никто не нужен...

Алексей исподлобья глянул на нее, помолчав, медленно произнес:

— Ну что ж, Таисия. Видно, моя очередь ждать пришла... Я дождусь, я упрямый!

Тая подняла глаза. Они смотрели в упор друг на друга.

И в ее взгляде, твердом и непроницаемом, стала недоверчиво проступать зарождающаяся надежда...

И вдруг задрезжали оконные стекла и какой-то загадочный глухой гул донесся до них.

— Авария! — закричал кто-то под самым окном.

Прогрохотали гулкие удары в ворота. Залаяла собака.

— Авария! Выброс! На по-о-мощь!..

Голос сорванно и сипло кричал, удаляясь.

Алексей вскочил, глянул на Таю.

— Сиди дома! — коротко бросил он, выбегая из избы.

* * *

На улице почти стемнело. Над селом стоял давящий в уши неслышанный рев стихии. Мимо Алексея бежали люди, по дворам слышались крики, собачий лай.

Алексей кинулся в сторону буровой. Дул сильный восточный ветер, заметая сухую порошу по подмерзлой к ночи дороге.

Еще не добежав до кладбища, Алексей почувствовал знакомый острый запах метана. Он обогнал ковыляющего Спиридона.

Впереди вместо привычного сияния огней буровой он не мог различить ничего, кроме неясного черного облака. Он почувствовал на лице морозящий дождь. С неба сыпалась липкая черная нефть. «Ветер сносит!» — догадался Алексей и ускорил бег.

На повороте дороги он столкнулся с рыжим, который скачками несся мимо, но Алексей ухватил его за скользкий от нефти ватник.

— Где все?

— Почем знаю? — Рыжий дико, невидяще глянул на Алексея, вырвался и исчез в густой пелене маслянистого дождя.

В сгущающихся сумерках был виден контур буровой, а над ним, обиваемый сильным ветром, ревуший страшным, невообразимым грохотом фонтан. Алексей вгляделся.

Буровая на глазах разваливалась. Земля под ногами вздрагивала гулкими толчками — эти толчки, этот подземный все нарастающий гул лишал способности рассуждать, пробуждал в сознании только одно инстинктивное желание — бежать прочь, спастись от чего-то беспощадного, неукротимого, необъятного...

Выворачивая доски, огромное бревно из настила встало дыбом, рванулось вверх и, как спичка, завертелось в воздухе. Застучали по переборкам детали трансмиссии, коротко, как осколки разрывного снаряда.

Какие-то фигурки откатывали в сторону бочки с горючим. Алексей кинулся к ним, рывком развернул одного за плечи, это был один из бульдозеристов — Степан.

— Где Тофик? — прокричал Алексей.

— Там! — Степан махнул в сторону ревушей темноты.

Пригибаясь, как на передовой, Алексей побежал.

С каждым шагом рев нарастал, распирал голову, ломил уши. Он увидел лежащего в канаве Рустамова, с размаху шлепнулся рядом с ним в грязь. До фонтана было метров двести, но чтобы услышали, нужно было кричать в ухо.

— Все живы? — прокричал Алексей.

Тофик пожал плечами и неопределенно кивнул.

Алексей крепко сжал руку Тофика и радостно улыбнулся. Тот посмотрел на друга, улыбнулся в ответ.

— Ну и прет! — крикнул Алексей.

С лязгом полетели обломки крепления, и многотонная машина лебедки встала на дыбы, буровая вздрогнула, покосилась... И словно взорвалась бомба — полыхнуло пламя, длинным языком взметнулось в небо и высветило ночную тайгу на десятки километров.

Тофик и Алексей закрылись руками — жаром обдало лицо. Клубящиеся огненно-черные валы медленно покатались по земле и взмыли в воздух.

Алексей захохотал:

— Вот так Елань! Во дает!

Стало светло, как при багряном закате.

— Степан технику не отогнал! — крикнул Тофик.

У амбара стояли гусеничный кран и два бульдозера. Пламя неверным светом играло на отполированных ножах.

Грохот усилился. Сорокаметровая вышка раскалилась до малиновой прозрачности.

Тофик закричал что-то с изменившимся лицом, но голоса не было слышно. Алексей глянул, куда указывал бригадир.

Чья-то фигурка, закрывшись рукавом, бежала к бульдозерам.

— Сашка! — крикнул Алексей.

Сашка не добежал нескольких шагов — рванула забытая впопыхах бочка с соляжкой.

Тофик увидел полыхавшую кабину крана и темную фигуру Алексея, которого накрывала волна взорвавшейся в баке солянки.

В этот момент земля под Рустамовым гулко вздрогнула, зашаталась. Он пополз на четвереньках, выползая из этого ада.

Передняя часть крана, выступающая из пламени, вдруг задралась кверху, словно корма лодки на волне, а потом попятилась и провалилась в расступившуюся землю, из которой высунулись рыжие огненные языки.

Это был грифон — выход попутного газа через трещины в земле.

В эту огненную пропасть рухнул кран, унося с собой Алексея Устюжанина.

Чьи-то руки подхватили Тофика и Сашку.

Петро, Степан, рыжий в мокрых дымящихся ватниках оттащивали их от огня...

Длинный коридор правительственного здания. Пусто. Только перед входом в коридор стоял дежурный офицер охраны.

Массивные двери с надписью «Политбюро ЦК КПСС».

В приемной вдоль стен стулья. Несколько человек сидели поодаль друг от друга. Все мужчины. Разного возраста; каждый внутренне сосредоточен, отрешен.

Еле слышно зашелестел телефон. Секретарь — молодой, интеллигентного вида человек — поднял трубку.

— Приемная Политбюро, — тихо сказал он. — Да, он здесь. — Секретарь бросил взгляд в угол.

В углу сидел Филипп Ермолаевич Соломин. Губы его сжаты, он собран, готов к очень нелегкому разговору.

— Минуту. — Секретарь взял ручку и стал записывать.

Все, кроме Соломина, смотрели в сторону секретаря. Секретарь кончил писать и сказал в трубку:

— Принял Кузьмин.

Он встал, пересек приемную и протянул записку Соломину:

— Вам, товарищ Соломин... Срочная телефонограмма.

«Еланская скважина Р-14 выдала фонтан нефти. Неожиданный выброс нефти и газа привел к аварии. При попытке ликвидировать фонтан погиб бурмастер Устюжанин Алексей Николаевич, 1923 года рождения...»

Соломин пробежал телефонограмму глазами, опустил руку, потом снова перечитал ее, пытаясь вникнуть в смысл написанного.

— Устюжанин... Устюжанин... — напряженно проговорил Соломин и вдруг прикрыл глаза рукой.

Теперь он вспомнил все.

Тот страшный день сорок второго года, когда его с распоротым животом тащил на себе молоденький солдатик, вспомнил гнилой запах воды и пороха.

Он вспомнил этого молодого солдата, которого не узнал при встрече на буровой.

...разрывы бомб, перевернутые арбы, умирающие лошади...

...бредущих по воде...

...надвигающееся акулье тело немецкого самолета и фонтанчики пулеметных очередей...

...и снова улыбающееся лицо мальчишки: «Я шампанское люблю...»

...и снова то же лицо, но теперь повзрослевшее, и грустные глаза, несмотря на улыбку...

...и ящик шампанского на гусенице бульдозера, а рядом поющего цыгана с гитарой...

— Товарищ Соломин, вас ждут! — Кто-то легко коснулся его плеча.

Соломин кивнул, посмотрел на секретаря и пошел в кабинет заседаний.

* * *

За большим столом сидели члены Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Соломин подошел к столу и остановился.

С ним поздоровались, предложили сесть. Соломин продолжал стоять.

— Что ж, Филипп Ермолаевич, — сказал председательствующий, — мы внимательно ознакомились с твоей докладной запиской. — Председательствующий перелистал лежащую перед ним папку и прочитал: — «...в ближайшее десятилетие потребность в нефти станет не экономической, но самой острой политической проблемой глобального характера. Страны — производители нефти получают в руки рычаги мощного политического влияния на соотношение социальных сил в мировой системе...» — Председательствующий захлопнул папку. — Это справедливо. — Он чуть улыбнулся. — Особенно если смотреть из твоей области. Партия крайне заинтересована в открытии сибирской нефти, однако обсудим, достаточно ли убедительно и обоснованно твое предложение отказаться от строительства крупнейшей ГЭС и переместить несколько миллиардов рублей государственного бюджета из одной области народного хозяйства в другую.

Соломин кивнул.

— Мы слушаем тебя. Сколько минут тебе нужно для доклада?

— Доклада не будет, — помолчав, тихо сказал Соломин. — Не нужен доклад. Нефть в Сибири есть... забил фонтан невиданной силы...

Члены Политбюро переглянулись.

— Чего же ты молчишь? — спросил Федор Петрович, фронтовой друг.

— Простите, мне трудно говорить, — голос Соломина дрогнул, — фонтан аварийный... погиб человек...

— Кто? — спросил председательствующий.

Соломин помолчал, сказал с тоской:

— Как объяснить? Мой земляк. Фронтовик. Мастер бурения... Простой рабочий человек Алексей Устюжанин.

Наступила тишина.

Федор Петрович посмотрел на Соломина, потом поднял глаза. По его лицу было видно, что фамилия Устюжанина ему что-то напомнила...

Председательствующий хотел о чем-то спросить Соломина, но помолчал, негромко сказал:

— Предлагаю почтить память...

В скорбном молчании стояли руководители партии и правительства, чтя память Алексея Устюжанина, сына Николая Устюжанина, — нетерпеливого, горячего борца за справедливость, память внука упрямого чудака Афанасия Устюжанина, рубившего дорогу к центру России.

Над черными еланскими избами висел огромный вертолет «МИ-6», под ним на тросах раскачивался подъемный кран. Старушки глядели на ревушую машину спокойно — привыкли. Вертолет ждал своей очереди на посадку. Над вертолетной площадкой висели еще две машины. На самой площадке, вздымая порошу, ревел очередной «МИ-6». Рабочие отцепляли мощный тягач «КРаз».

Народу сновало много — пожарные, монтажники, понаехало и начальство.

Сбоку, на обрыве, несколько трелевочных тракторов валили лес, бульдозеры сразу же ровняли землю — строилась взлетно-посадочная полоса, и еще не отошел бульдозер, а первый самолет уже пошел на посадку.

Ломая тонкий ледок, пришвартовывалась к берегу самоходная пожарная баржа. И уже отпускаясь в воду заборная труба. А пожарные разматывали сотни метров шланга — от реки наверх, к кладбищу.

И все эти работы, все крики, все моторы перекрывал мощный, непрекращающийся рев нефтяного фонтана. Пламя извивалось подобно Змею Горынычу, и черные крылья его то стремились вверх, то распластывались по ветру, лизали обуг-

лившийся одинокий кедр, ближние, уже провалившиеся кресты и могильные ограды...

В избе было накуренно и тесно. Здесь собрался штаб. В углу попискивала новейшая аппаратура, около нее возились военные связисты.

За столом собрались: главный геолог треста Гурьев, секретарь обкома Соломин, начальник отдела министерства — высокий, сутулый, с нервным лицом, обтянутым сухой, словно пергаментной, кожей.

Перед столом, глядя в пол, сидел Тофик Рустамов. Руки его были забинтованы, почерневшее лицо в ожогах.

— Такое совпадение бывает раз на миллион, — говорил Гурьев, — пустые пробы, такая глубина плюс слабый раствор...

Представитель министерства поправил очки.

— Все равно — Рустамов допустил нарушение техники безопасности, облегчая раствор. Товарищ Рустамов, вам, надеюсь, известны инструкции?

Тофик молчал, глядя себе под ноги, потом сказал:

— Судить хочешь — суди! Расстреляй! Но отпусти меня сейчас...

— Что такое? — не понял человек из министерства.

— У тебя друг когда-нибудь погибал?! — вдруг выкрикнул Тофик. — Самый близкий?

— Это не снимает с вас ответственности...

— Иди, Рустамов, — хмуро сказал Соломин.

Тофик поднял с пола шапку и вышел.

Представитель министерства тонкими пальцами стучал по пачке сигарет.

— Судить! Я считаю — судить!

— Угу... — кивнул секретарь обкома. — Его судить, а Героя Труда тебе дать и твоему помощнику, что в Москве остался!

Начальник отдела покрылся пятнами, хотел что-то сказать, но в это время в избу ввалился майор Семенов. Он снял

робу, от которой шел пар, скинул каску и, вытирая измазанное сажей лицо, покачал головой:

— Не погасить! Никаких мониторов не хватит!

— Сколько ж тебе надо? — спросил Гурьев.

— Не знаю. Там воронка уже метров пятьдесят — целое озеро нефти! И грифоны растут, метров на сто одна трещина ищется...

— Возможно, что под давлением образовались трещины, — сказал представитель министерства.

— Что предлагаешь? — спросил секретарь обкома Семенова.

— Попробуем... Но может быть, придется давить взрывом... атомщиков вызывать...

Соломин оглядел людей, потом обернулся к связисту:

— Соедини-ка меня с ЦК.

Сорокаметровая буровая, раскаленная до яркого малино-Юго свечения, готовая рухнуть, плевалась, текла.

Несколько человек смело двинулись к огню. Они были в необычных костюмах. Алюминиевая ткань, молнии по бокам прозрачные гермошлемы — люди были похожи даже не на космонавтов, а на инопланетян.

Из-за леса высоко в небе показалась стая лебедей. Птицы шли высоко, огибая трепещущий язык пламени, но вдруг как-им-то сила — то ли яркий свет, то ли воздушный поток — пала притягивать их к огню. Стройный клин вдруг рассыпался, птицы отчаянно замахали крыльями, стараясь вырваться ИЗ заколдованного круга, но, беспорядочно кувыркаясь, полетели в пламя.

Опаленных, их выбрасывало из огневодворота, и ветер растаскивал их беспомощные, изуродованные тела. Умирая, они бились в снегу, в кустарнике, на берегу реки, в ветвях кладбищенских деревьев...

В ветвях тальника лежал полуобгоревший лебедь.

Спиридон выпутал птицу из ветвей, бережно держал ее, трепещущую, на весу, что-то приговаривая.

Ветер слегка опал, и густые хлопья сажи вдруг повалили с неба. Заснеженная опушка леса почернела на глазах.

Спиридон с птицей на руках пошел вдоль опушки, которую на его глазах начисто, под корень, срезал огромным лемехом скрепер...

По ту сторону поля за бушующим огнем виднелись фигурки людей...

Спиридон шел, не глядя под ноги, спотыкаясь о пожарные шланги...

— Эй, дед! — вдруг донесся до него сердитый окрик. Туда нельзя! Знаешь, что такое запретная зона?

— Знаю, — кивнул Спиридон.

Он увидел странную машину, похожую на пушку, но с очень коротким тупым рылом, к ней вело два толстых шланга. На пушке верхом сидел пожарный, мальчишка лет двадцати, в блестящей каске и новенькой форме.

Спиридон, качая птицу, подошел. Посмотрел вопросительно на парня, потом на огонь.

— Во дает! — сказал восторженно мальчишка и, услышав команду по радиации, поспешно слез и засуетился у пушки. — Сейчас давить будем!

— Сразу задавите? — спросил Спиридон.

— Ты что! Тут, может, на полгода возни!

— Что ж, это все на воздух выходит? — спросил Спиридон, стараясь вникнуть. — Выходит, зря добро горит?

— Точно, зря, — добродушно махнул рукой парень.

— А трубу заранее не могли провести?

— Да тут ее много.

Спиридон вдруг с презрением оглядел парня:

— Эх вы, хозяйева! Тьфу!

С диким воем заметалось пламя, когда на него с пяти сторон ударили скрученные водные столбы. Земля дрогнула. Пламя расслоилось на несколько рвущихся в разные стороны языков. Извивающиеся жгуты описывали над кладбищем

огненные дуги, но не сдавались. Снова усилился ветер, и огонь упал на кладбищенские кресты.

Несколько «марсиан» сновали в этом огне, и огненные языки лизали их тонкую металлическую одежду, но не причиняли им преда.

Это было страшно.

Спиридон смотрел, прижимая к груди птицу, и горькая улыбка застыла на его неподвижном лице.

В нескольких шагах от себя он увидел Рустамова. Измазанный, обожженный Тофик безучастно смотрел на пламя.

Спиридон подошел к нему.

— Ну что, ваша взяла? — стараясь перекричать вой пламени, спросил он.

Рустамов вдруг резко повернул к старику воспаленное лицо и яростно закричал:

— Будь она проклята! Будь проклята эта нефть! Зачем я ее нашел?! Зачем я друга потерял?! — И он сел на дымящуюся землю и заплакал, застучал по ней кулаком.

Спиридон подходил к деревне.

У черных деревенских ворот стояла Тая. На ней было теплое пальто, темный платок, рукавицы. Лицо ее было бледно и неподвижно, она словно окаменела.

Отсюда, от ворот, было видно поднимающееся из-за леса пламя, клубы черного дыма.

Спиридон остановился перед ней, молчал, гладил изуродованного лебедя.

Тая тоже молчала.

Наконец Спиридон сказал:

— Кончились Устюжанины. По всему свету кончились! — И вдруг слезы покатились из его глаз. — Вот нехристь непутевый! Вот дурак-то! Надо было ему в пекло лезть...

Тая повернулась к Спиридону, сказала просто:

— Не кончились, Спиридон, Устюжанины... Я от него ребенка ношу.

Старик отшатнулся, посмотрел на Таю, хотел что-то сказать, потом опустил глаза на ее начинающий округляться живот.

Весь облик Таи излучал свет и спокойствие.

— Он был моим мужем... единственным.

Спиридон кивнул и пошел в село.

Вечерело. Спиридон, одетый по-походному, оглядывал свой двор, свой заколоченный дом; отвязал кобеля, поправил на спине ружье, мешок и тронулся со двора.

Он вышел за околицу. У ворот все так же неподвижно стояла Тая, смотрела в небо над лесом. Огромные армейские тягачи тащили мимо насосные установки...

Спиридон уходил по Афониной дороге. Гул от пожара стал слабее. У мостка стоял Вечный дед.

— Ты куда, Спиридон?

— Куда глаза глядят, — серьезно ответил Спиридон Соломин. — Сибирь большая. Им еще надолго хватит ворочать! Прощай.

Рядом с фонтаном уже строилась новая буровая. Хлопотали монтажники. Вертолеты с воздуха гидромониторами били в пламя. Вой и грохот проникал до сердца...

А Спиридон уходил все дальше и дальше. Мимо Чертовой гривы и туманом подернутых болот.

Мимо старой заколдованной буровой.

Шел, по колено проваливаясь в подмерзшую болотную жижу.

И рев пробуждавшейся земли совсем уже не был слышен здесь.

Спиридон остановился, отер лоб. Оглядел родную ему, знакомую тайгу, словно раздумывая, в какую сторону идти.

Вокруг стояли деревья — мохнатые ели, недвижные черные кедры. Голые нежные ветви багульника. Сухая, зимняя трава...

— Господи! — сказал Спиридон. — Дорог много, а идти некуда...

А над лесом сияла, звала, манила, указывала путь ясная звезда. Звезда Афанасия Устюжанина...

И ударили в сибирское небо нефтяные фонтаны.

И радовались измазанные нефтью буровики.

И бежали навстречу им их жены, как бегут и встречают с фронта солдат — отцов, мужей, сыновей...

Вот они, герои этой эпохи.

Нефтепровод «Дружба».

Дорога к нефти — трудная дорога, опасная дорога, благородная дорога...

Заседание ОПЕК — организации стран — экспортеров нефти.

Цены на нефть резко возрастают.

Шах Ирана Мухаммед Реза Пехлеви:

«Эра огромного прогресса и еще более огромных доходов, эра богатства, основанная на дешевой нефти, кончилась...»

Кризис охватывает полмира. Паника на биржах Нью-Йорка и Лондона.

Стоят автомобили по всей Западной Европе и Америке.

Закрытые бензоколонки.

Стоят авиалайнеры.

На грани разорения многие компании.

1974 год. Пресса мира.

«Дейли телеграф»:

«Ястребы Пентагона требуют американского военного вмешательства для захвата нефтяных промыслов на Ближнем Востоке».

«Захватят ли США нефть на Ближнем Востоке?»

«Войска США готовы к нефтяной войне...»

Кувейт и Саудовская Аравия минируют все важнейшие нефтяные промыслы на случай необходимости их немедленной ликвидации.

Кончилось бесконтрольное выкачивание нефти из земли Саудовской Аравии.

1974 год. Алжир. Заседание ОПЕК.
Представитель Саудовской Аравии:

«Мы сокращаем производство нефти!»

Газета «Вашингтон пост»:

«Саудовская Аравия, несмотря на неоднократные заверения в обратном, сократила в прошлом месяце производство нефти на 25 процентов. Это решение — тяжелый удар для США...»

Заседание конгресса США:

«Решение Саудовской Аравии ставит под угрозу мировую экономику».

25 марта 1975 года.

Король Саудовской Аравии убит в своем кабинете. Убийца — племянник короля Фейсал.
Ливанская газета «Аль-Лива»:

«Убийство Фейсала связано с действиями внешних сил...»

«Аннахар»:

«...политические круги безо всякого колебания утверждают — короля Фейсала убрали со сцены, он жертва запланированной политики...»

Кто следующий?

Дорога к нефти — это не только дорога к смерти, это и дорога к миру, к счастью, все зависит от того, кто идет по этой дороге.

И вот уже в космосе советские и американские космонавты.

Космический полет «Союз» — «Аполлон».

Историческое рукопожатие в космосе.

Хельсинки. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Выступает Л.И. Брежнев.

Совещание высших политических и государственных руководителей.

Новая эпоха вырастает на основе дружбы и сотрудничества во всех областях науки, культуры.

Человечество не может ждать!

Достижения разума должны служить людям...

И уже зримо проглядывают в окружающей нас жизни черты нового, XXI века. Какое оно, будущее?

Технический прогресс все возрастает.

Новые средства транспорта — воздушная подушка.

Новые летательные аппараты.

Лазер во всех областях хозяйства.

Подводная добыча нефти.

Гигантские эксперименты по космической геологии, медицине, металлургии.

Новая архитектура.

Новые моды.

Новые источники энергии.

Новый человек... Какой он?

Что он принесет планете?

Что он принесет природе, породившей его?

Посмотрите, вот он лежит в родильном доме — потомок Устюжаниных.

Это и есть человек будущего века... Пока что он спит...